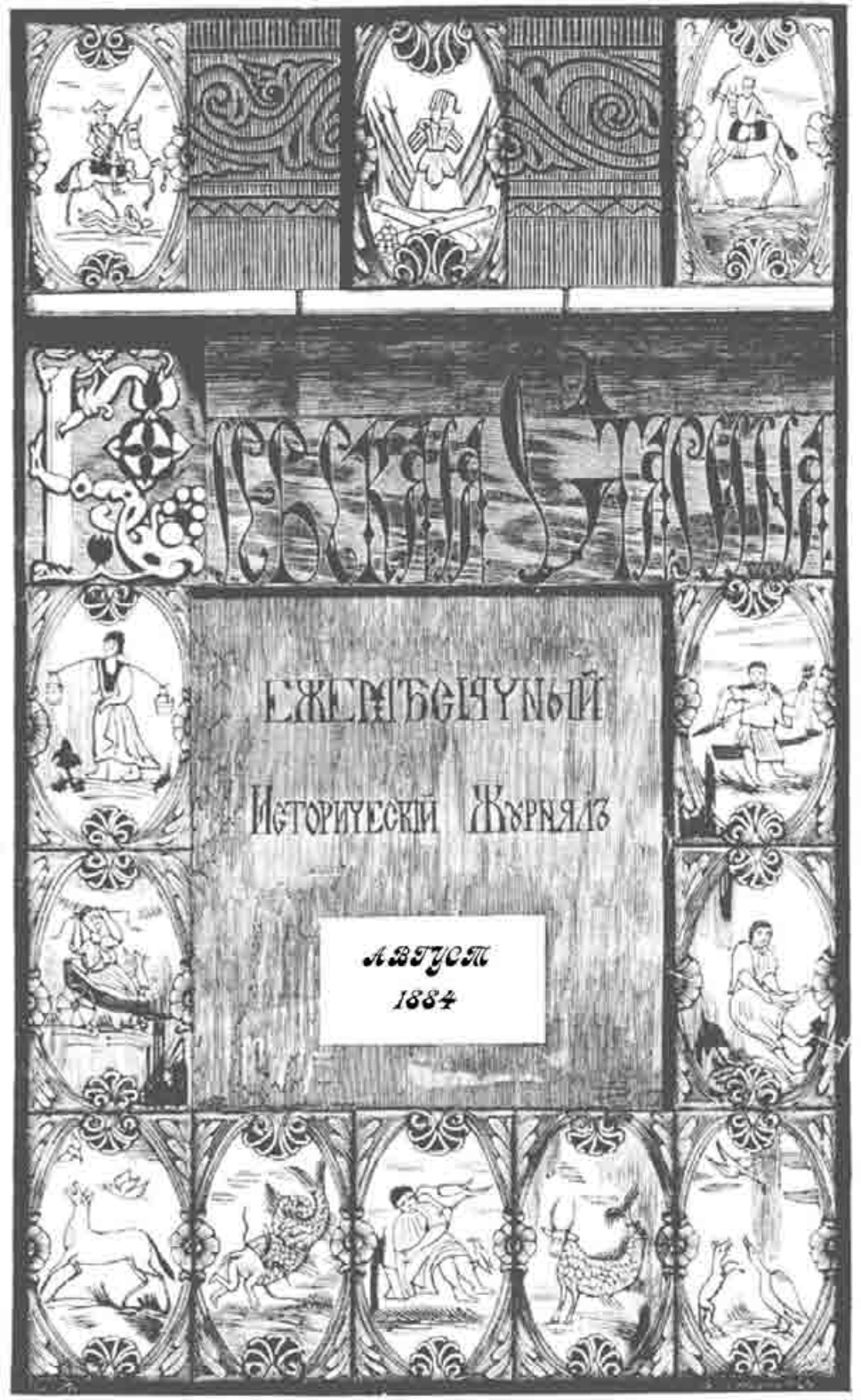
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Августъ
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1884 г.

стр.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). *(Продолженіе).* **Ир. Житецкаго.** 561

II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА. 580

III. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая) 1821—1846 г. *(Продолженіе).* 609

IV. ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЯГО СТРОЯ ЗАПАДНО РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI И XVII ВВ. **О. И. Левицкаго.** 627

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. *(Продолженіе).* . 655

VI. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Живописная Россія. Т. III. Спб. 1883. (Литва и Бѣлоруссія—соч. Киркора).—б) Сборникъ судебныхъ рѣшеній и проч., относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей слободской Украйны. Сост. В. В. Гуровъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г., XVII, IV. 705.—*Д. Багалѣя.*—в) Александръ Барвѣнскій.—Исторія Руси. Часть V. Львовъ. 1884.—*В. А.*—г) Темнѣ мѣстця въ »Словѣ о Полку Игоревѣ«. Пояснивъ Ом. Партыцкій. Часть перша. У Львовѣ. 1883 г.—*И. Голубовскаго.* 681

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разсказы старыхъ людей о старыхъ временахъ.—Сообщ. *И. Л—въ.*—б) Движеніе народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ—*К. Ц.*—в) Очаковская зима по современному описанію.—Сообщ. *В. Ястребовъ.*—г) Загадочные портреты.—*Д. Самоквасова.*—д) Панская блажь, хлопская напасть, а чиновничья поляна.—*К. Ц.*—е) Грамота Петра I черниговскому архіепископу Іоанну Максимовичу (объ измѣнѣ Мазепы и избраніи новаго гетмана).—Сообщ. графъ *Милорадовичъ* 715

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго.* (Приложеніе) . . . . 65—80

IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ IX.

АВГУСТЪ.

1884 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го іюля 1884 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ IX.

1884 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. у., соб. домъ.

Смѣна народностей въ южной Россіи.

(Историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе) [1]).

ГЛАВА 3-я.

Татарская эпоха лѣтописнаго періода [2]).

Въ XIII ст. произошли историческія событія, рельефно отразившіяся на этнографической судьбѣ южнаго славяно-русскаго населенія; это были: *вторженіе* въ предѣлы южно-русской страны *монголовъ*, поселившихся потомъ въ южно-русскихъ степяхъ, и *занятіе нѣмцами польско-русскаго побережья Балтійскаго моря*. Послѣднее имѣло то значеніе, что нѣмцы, оттѣснивъ поляковъ и литовцевъ отъ моря и въ силу борьбы поднявъ послѣднихъ до государственной жизни, бросили эти двѣ народности на ослабленную всѣми предыдущими обстоятельствами южно-русскую страну. Нѣсколько иной смыслъ имѣло монгольское вторженіе.

Такъ называемое »монгольское нашествіе« не представляетъ въ своихъ общихъ типическихъ чертахъ чего нибудь особеннаго: это, какъ мы уже и говорили выше, было послѣднее звено въ той

---

[1]) См. »Кіевск. Стар.«, 1883 года, Т. VI, майск. кн., стр. 1—30, іюльск. кн., стр. 399—453.

[2]) Татарская эпоха обнимаетъ около вѣка (съ конца первой четверти XIII столѣтія до начала второй четверти XIV в.) и относится къ лѣтописному періоду южно-русской исторіи, такъ какъ для воспроизведенія этнографической картины страны служитъ, между незначительными другими источниками, главнымъ образомъ по прежнему лѣтопись.

цѣпи движенія азіатскихъ кочевниковъ, крайними звеньями котораго представляются намъ съ одной стороны скиѳы, а съ другой монголы, и слѣдовательно оно однородно съ движеніемъ хозаръ, печенѣговъ и половцевъ. Сравнительно съ послѣдними, монголы имѣютъ двѣ особенности, именно: они явились въ южную Русь, какъ представители довольно стройно организованной центральной власти и потомъ не остановились въ степныхъ пространствахъ съ момента появленія, а проникли сразу *въ глубь страны* и сдѣлались полными властителями надъ ея обитателями по всему пространству. Но чтобы достигнуть болѣе правдоподобной оцѣнки значенія въ жизни южно-русскихъ обитателей бурнаго натиска монголовъ, безусловно необходимо обратить вниманіе на три обстоятельства: 1) *на топографическія особенности южно-русской страны*, 2) *на систему разселенія въ ней обитателей въ XIII ст.* и 3) *на обычный ходъ движенія кочевыхъ монгольскихъ ордъ.*

Изъ 12,359,53 кв. м. (или 597,459 кв. в.) общаго пространства теперешней южной Россіи въ началѣ XIII в. осѣдлыя поселенія разбросаны были приблизительно на 6,738 кв. м. [1]) (322,045 кв. в.), что составляетъ около 55% всей территоріи. Область южной Россіи въ указанныхъ предѣлахъ, разрѣзываемая въ ширину (съ сѣвера на югъ) приблизительно параллельными теченіями главныхъ рѣкъ (Днѣпра и Днѣстра) и передѣляемая по всей длинѣ отпрысками Карпатъ (съ запада на востокъ), подраздѣляется на двѣ полосы: на южную и сѣверную. Южная—это возвышенная равнина съ поднятіемъ поверхности надъ уровнемъ моря на 1,000 ф. на волыно-подольскомъ и на 900 на галиційскомъ плато; здѣсь значительныя рѣки, параллельно почти текущія съ сѣвера на югъ, имѣютъ рѣзкія береговыя очертанія, а общія условія почвы благопріятствуютъ проживанію земледѣльческаго населенія. Напротивъ, сѣверная полоса представляетъ собою плоскую болотистую низменную равнину, съ высотою

[1]) Мы считаемъ не занятыми осѣдлыми поселеніями въ XIII в. приблизительно слѣдующія пространства: новороссійскій край, включая сюда и аккерманскій уѣздъ Бессарабіи, губернію воронежскую, Землю Войска Донскаго, харьковскую губернію и прилегающія части курской, а также константиноградскій уѣздъ полтавской губерніи, именно около 5,621 кв. м. (или 275, 414 кв. верстъ).

надъ уровнемъ моря въ 435,85 ф. (уровень Пины у г. Пинска) [1])— это по преимуществу *область лѣсовъ*. Въ наше время на пространствѣ разсматриваемыхъ нами 322,045 кв. в. южной Россіи лѣсомъ занято приблизительно около 82,000 [2]) кв. в. или 25%. Изъ этого числа незначительная часть лѣсовъ, именно около 8,562 кв. в. представляетъ отдѣльныя лѣсныя заросли по рѣчнымъ прибрежьямъ южной полосы; остальные лѣса связаны въ двѣ неровныя группы: 60,975 кв. в. лѣса занимаютъ почти безъ промежутковъ сѣверную границу южной Россіи, отъ восточной до западной ея оконечности, представляя т. наз. *Полѣсье*, а 13,463 кв. в. лѣса покрываютъ срединныя Карпатскія горы, входящія въ южную Россію на ея зап. границѣ. Бескиды или лѣсистые Карпаты, занятые южно-русскими поселеніями, въ рѣдкихъ мѣстахъ достигаютъ высоты за 4,000 фут. надъ уровнемъ моря, и въ значительной части покрыты непроходимыми первобытными лѣсами, спускающимися до самой почти подошвы; среди сплошной массы густаго краснолѣсья изрѣдка торчатъ одинокія скалистыя вершины (Илемскій Горгань, Гропа, Яловая и др.), или же свѣтятся, какъ плѣши среди лѣсовъ пространныя горныя пастбища (»полонины«); для хлѣбопашества удобны лишь скаты горъ, и только по надрѣчнымъ долинамъ поселился народъ и, расчистивъ луга (царины), живетъ въ длинныхъ, довольно многолюдныхъ селахъ, тянущихся вверхъ по быстрымъ горнымъ рѣкамъ и притокамъ [3]). Переходъ черезъ Карпаты удобенъ

---

[1]) *Докучаевъ*. »По вопросу объ осушеніи болотъ вообще и въ частности объ осушеніи Полѣсья«.— Отеч. Зап. 1875 г. № 9, стр. 81.

[2]) Въ волынской губерніи 26,499 кв. в., кіевской 10,750, подольской 5,544, полтавской 2,697, черниговской 8,061, въ малорусскихъ частяхъ люблинской и сѣдлецкой 3,690, восточной Галиціи 11,522, Буковинѣ 1,941, гродненской 2,976, минской 8,082, въ хотинскомъ уѣздѣ Бессарабіи 321 кв. в. Свѣдѣнія взяты для Буковины у Головацкаго »Карпатская Русь. Географич.-стат. и историко-этногр. очерки Галичины, сѣверо-восточной Угріи и Буковины« (Славянскій Сборникъ 1877 г. т. II, стр. 56—57), для восточной Галиціи изъ Wiadomości statystyczne« Pr. Pilata, 1881 г., стр. 135—137, а относительно остальныхъ приблизительныя вычисленія сдѣланы по Де-Ливрану (стр. 76—77 и стат. табл., стр. 27—28). Въ количествѣ лѣса точности быть не можетъ; на наши выводы нужно смотрѣть, какъ на приблизительное отношеніе лѣсныхъ пространствъ къ остальной области.

[3]) *Головацкій*, »Карпатская Русь«. Слав. Сборникъ, т. I, стр. 3—4.

лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ источники рѣкъ, текущихъ въ противоположныя стороны, близки другъ къ другу и гдѣ потому и долины противоположныхъ притоковъ подступаютъ одна къ другой [1]). Аналогичными свойствами, хотя и совершенно другого типа, обладаетъ южно-русское Полѣсье. Центральнымъ мѣстомъ этой области лѣсовъ является такъ называемое минско-кіевское или бѣлорусское Полѣсье,—это пространство въ 8 милліоновъ десятинъ, приближающееся по формѣ къ треугольнику, представляетъ собою плоскую, болотистую, поросшую дремучими лѣсами страну по обѣ стороны рѣки Припети [2]). На востокѣ за границу Полѣсья принимаютъ Днѣпръ, а на западѣ верхнее теченіе р. Буга [3]). Но отъ этого центральнаго Полѣсья болотисто-лѣсистыя мѣстности продолжаются какъ на западъ, вдоль Буга, Нарева, Вислы, Вепржа и т. д. (Полѣсье волыно-подлясское), такъ и на востокъ отъ Днѣпра до г. Брянска (Полѣсье черниговo-сѣверское) [4]), такъ что опушка непроходимыхъ лѣсовъ, составляющихъ главный характеръ мѣстности, простирается на сѣверѣ до черты, проведенной отъ Бреста-Литовскаго до Могилева, а на югѣ отъ Влодавы до Кіева [5]) и далѣе черезъ Днѣпръ на востокъ мимо г. Чернигова. На югѣ границею Полѣсья, имѣющею реальное значеніе, представляется волыно-подольское и галиційское плато. Внутри Полѣсье представляетъ болотистую мѣстность, покрытую лѣсомъ и изборожденную по всѣмъ направленіямъ безчисленнымъ множествомъ рѣкъ, рѣчекъ и протоковъ то соединяющихся, то снова раздѣляющихся, то пересѣкающихся въ разныхъ направленіяхъ: словомъ, это лабиринтъ водъ, гдѣ даже трудно услѣдить одну и ту-же рѣку, опредѣлить ея направленіе. Въ половодье рѣки выступаютъ во многихъ мѣстахъ изъ своихъ береговъ, затопляютъ окрестныя мѣста, сливаются, представляя такимъ образомъ водныя пространства на 10—15 верстъ ширины, а зимою многія воды Полѣсья, благодаря бю-

---

[1]) Головацкій, »Карпатская Русь«. Слав. Сборн., т. I, стр. 19.

[2]) *Макшеевъ*, »Военно-статистическое обозрѣніе Россійской имперіи«, 1867 года, стр. 61.

[3]) *Докучаевъ*, »Отеч. Зап.« 1875 г. № 9, стр. 79.

[4]) *Макшеевъ*, стр. 61.

[5]) Ibid.

щимъ изъ грунта ключамъ, совершенно не замерзаютъ [1]), такъ что полѣсскія пространства и въ наше время во многихъ мѣстахъ являются непроходимыми [2]). Обитаемыя пространства составляютъ высокія сухія мѣста по берегамъ рѣкъ и отдѣльные песчаные бугры, или »острова« по мѣстному. Аналогичными свойствами обладаютъ какъ западныя, такъ и восточныя окраины Полѣсья, хотя и не въ такихъ рѣзкихъ, типичныхъ формахъ.

Наблюденія, сдѣланныя надъ Полѣсьемъ въ наше время, приводятъ къ выводу, что оно находится въ регрессивномъ состояніи: Полѣсье постепенно высыхаетъ (Эйхвальдъ), открытыя болота, хотя и медленно, но въ огромныхъ размѣрахъ постоянно превращаются въ торфяники, а эти послѣдніе въ черноземныя пахатныя земли (Зеленскій), а г. Кантреме на основаніи документовъ и инвентарей приходитъ къ выводу, что съ давняго времени въ Полѣсьѣ пространства земли, покрытыя водою, съ каждымъ годомъ уменьшаются [3]). Наблюденія о регрессивномъ ходѣ Полѣсья въ связи съ изслѣдованіями орографическими и геологическими, а также нѣкоторыми историческими указаніями (Геродотъ) послужили къ созданію весьма вѣроятной гипотезы (Н. П. Барботъ де Морни, Эйхвальдъ, Мурчисонъ), что въ Полѣсьѣ уже въ историческія времена (при Геродотѣ) существовало огромное озеро (внутреннее море); въ послѣдствіи оно могло обмелѣть, раздѣлиться на отдѣльныя озера и открытыя болота и явиться намъ въ той формѣ, въ какой мы видимъ Полѣсье теперь [4]). Можетъ быть въ непосредственной связи съ регрессомъ Полѣсья, какъ главнаго, внутренняго воднаго резервуара, находится наблюдаемое уменьшеніе дождевой влаги и воды въ рѣкахъ, упадокъ вообще флоры и въ частности лѣсной растительности. Вѣкъ назадъ страдающія отъ засухъ южно-

---

[1]) *Докучаевъ.*

[2]) »По случаю низменной почвы Полѣсья, говоритъ г. Эрсмичъ, проселочные пути его сообщенія такъ неудобны, что въ иныхъ мѣстахъ едва-ли можно сдѣлать и 20 верстъ по одной какой-нибудь методѣ передвиженія съ мѣста на мѣсто. Иногда приходится проѣхать верстъ пять на волахъ, столько-же на лодкѣ и около того же пройти пѣшкомъ« (Вѣстн. Зап. Россіи, 1877 г., № 11, стр. 101. Очерки бѣлорусск. Полѣсья).

[3]) *Докучаевъ*, стр. 20.

[4]) *Докучаевъ*, стр. 84.

русскія степи покрыты были еще обильною и роскошною травянистою растительностью, напоминающею тропическую, и нѣсколько десяткокъ лѣтъ не больше назадъ громадные лѣса тянулись по побережью рр. Ворсклы (отъ ея устья до г. Полтавы), Орели, Псла, Сулы и пр. И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время текутъ мелководныя рѣки южной Руси, напр. Альта, Трубежъ, Пселъ, Ворскла и пр., нѣсколько столѣтій назадъ были судоходныя рѣки; даже въ херсонскихъ степяхъ напр. въ болѣе или менѣе отдаленное время были рѣки тамъ, гдѣ теперь находятся однѣ огромныя сухія балки. Подобныя указанія, перечисленіе которыхъ отвлекло бы насъ далеко въ сторону, послѣдовательно приводятъ къ выводу, что семь-восемь вѣковъ тому назадъ южную Русь необходимо представлять и болѣе лѣсистою страною и болѣе обильною водою вообще, и въ частности, что Полѣсье и въ XIII ст. не только сохраняло свои лѣсисто-болотистыя оригинальности, но что граница Полѣсья спускалась гораздо южнѣе тогда, чѣмъ въ наше время. Судя по прогрессивно увеличивающимся болотамъ можно думать, что ранѣе въ Полѣсьѣ было болѣе текучихъ водъ и такъ какъ спускъ водъ былъ свободнѣе, то и больше было сухихъ пространствъ, пригодныхъ для обитанія.

Намъ приходилось уже касаться вопроса о разселеніи южнорусскихъ обитателей въ предшествовавшіе періоды (см. »Кіевск. Стар.« 1883 г., іюль, стр. 407—411), и мы тогда признали, что южные славяно-руссы, занимаясь не только земледѣліемъ, но и скотоводствомъ, и особенно охотою за рыбой, птицами, звѣрями, *обитали по побережьямъ рѣкъ, ручьевъ и водныхъ болотъ, въ мѣстахъ близкихъ для промысла среди болотъ и лѣсовъ*, почему у нихъ преобладалъ, можно думать, видъ отдѣльныхъ хуторскихъ поселеній. Такъ продолжали разселяться южно-руссы въ XIII в. и позже. Управляли здѣсь разселеніемъ не столько соціально-политическія условія, — большая безопасность отъ нападенія людей, сколько промышленно-экономическія. Въ ту эпоху, какъ и до конца разсматриваемаго періода, земледѣліе давало только необходимый продуктъ внутренняго потребленія, предметами-же торговли внѣшней служили исключительно продукты промысловъ: шкуры, медъ, воскъ и т. д. Отсюда мѣстности съ обиліемъ водъ, болотъ и лѣсовъ были гораздо цѣннѣе, чѣмъ области тучнаго чернозема, дававшія исклю-

чительно хлѣбъ, и потому населеніе, въ силу уже хозяйственно-экономическихъ побужденій, стремилось удержаться ближе къ лѣсамъ и болотамъ, чѣмъ къ открытымъ степнымъ пространствамъ. Въ XIV—XVI вв., отъ которыхъ до насъ дошли документальные матеріалы, продолжаетъ преобладать въ южно-русскомъ населеніи тотъ-же взглядъ при оцѣнкѣ угодій: мѣстности лѣсисто-болотныя »съ бортями«, »бобровыми гонами«, со звѣрями и дичью и съ лѣсными матеріалами предпочитаются всякимъ другимъ. Отсюда произошло то явленіе, что напр. въ повѣтахъ мозырскомъ, овручскомъ, чернобыльскомъ и въ сѣверныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго, вообще въ лѣсной полосѣ—земяне были весьма многочисленны и отчины въ этой мѣстности были разобраны весьма рано [1]), тогда какъ въ южныхъ черноземныхъ и степныхъ повѣтахъ: черкасскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кіевскаго и житомирскаго »земяне или вовсе не берутъ »службъ« и »выслугъ«, или берутъ ихъ весьма неохотно [2])«. На тоже указываютъ и тѣ подраздѣленія населенія по занятіямъ, какое мы находимъ въ литовскій періодъ; напр. между крестьянами преобладали »колесники«, »бондари«, »плотники«, рыболовы«, »осочники« и »бортники«, »подлазники« или »полозники«, »бобровники« [3]). Аналогія съ разселеніемъ южныхъ славяно-руссовъ въ лѣтописный періодъ и потомъ въ XIV—XVI в.в. даетъ намъ основаніе предполагать, что и въ XIII в. лѣсистыя области древлянъ, дреговичей, сѣверныхъ волынянъ, верхнихъ сѣверянъ, вятичей и радимичей были гуще заселены, чѣмъ прочія области южной Россіи, а такія заселенныя области были: Подлясье, сѣв. Волынь, минско-кіевское и черниговo-сѣверское Полѣсье. Отсутствіе большихъ городовъ въ этой полосѣ въ то время можетъ быть объяснено тѣмъ, что защитою для населенія въ случаѣ нападенія непріятелей, вмѣсто городовъ, служили лѣса и болота (»paludes silvaque« Іорнанда), а сбытъ продуктовъ промысла удовлетворялъ города южной полосы, расположенные на лѣсныхъ опушкахъ при рѣкахъ, какъ Черниговъ, Кіевъ, Луцкъ и пр. Въ южной, болѣе

[1]) *Антоновичъ.* »Кіевъ, его судьба и значеніе въ XIV в. по XVI ст.« (»Кіевск. Стар.«, 1883 г. янв., стр. 30).

[2]) *Антоновичъ*, ibid.

[3]) Писцовая книга бывшаго пинскаго староства, Вильно. Ч. I, стр. III.

степной полосѣ Руси та славяно-русская масса, которая не находила себѣ мѣста и удобствъ жизни въ городахъ, не отличавшихся тогда современными размѣрами и занятыхъ княжескими и боярскими дворами, духовенствомъ и иноземцами, была разбросана мелкими поселками, сообразно съ удобствами какъ земледѣлія, такъ и ловли рыбы, охоты за звѣрями и пр.

Въ южную Русь, въ страну на половину почти покрытую лѣсами и обильную водами, явились въ 1237 г. монголы. Какъ кочевой народъ, они двигаются въ предѣлахъ степей всею массою: съ семьями, со стадами, съ кибитками, встрѣчая же на пути области, не приспособленныя природою для кочевой жизни, они посылаютъ въ нихъ временно болѣе или менѣе большіе конные отряды. Эта черта общая у монголовъ съ половцами, печенѣгами и проч. Но есть у нихъ и свои важныя особенности: монголы прикочевали къ предѣламъ южной Руси въ такой періодъ своего бытоваго устройства, когда у нихъ организовалась уже своя центральная регулирующая власть, представители которой были довольно многочисленны, пользовались силою и имѣли опредѣленное постоянное мѣстопребываніе въ средней Азіи [1]). Движеніе монголовъ не отличается исключительно стихійнымъ характеромъ: въ задачу его входитъ не только расширеніе предѣловъ своихъ кочевьевъ, но и увеличеніе вообще подвластной территоріи, умноженіе подвластнаго населенія въ видахъ какъ увеличенія жизненныхъ средствъ, такъ и обогащенія правящихъ классовъ. Такимъ образомъ монголамъ не чужда была идея завоевателей—сохранять населеніе для извлеченія болѣе продолжительныхъ выгодъ, въ видѣ разнаго типа даней. Проходя по странѣ уже заселенной, они истребляютъ лишь населеніе сопротивляющееся; тутъ у кочевниковъ разгораются дикія свойства и они являются безпощадными; населеніе-же мирно-поддавшееся они не только не истребляютъ, но даже оберегаютъ: такъ Батый »приде къ Володимерю, и взя и копьемъ и изби и не щадя, такожъ и градъ Галичъ« [2]), тогда какъ мирно поддавшуюся землю болоховскую

[1]) Плано-Карпини. »Любопытнѣйшее путешествіе монаха францисканскаго ордена Жана дю Планъ-Карпина«. Москва, 1800 г., стр. 19—21.

[2]) Ипатск. лѣт. 1245 г., стр. 528, 1250 г., стр. 536.

[3]) Ипатск. лѣт. 1240 г., стр. 523.

»оставили.... татарове, да имъ орють пшеницю и просо«[1]). На сколько можно возстановить по лѣтописи, завоеваніе монголовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1237 г. кочевыя орды монголовъ достигли области половцевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и отсюда стали посылать конные отряды въ лѣвобережныя земли южноруссовъ[2]); сопротивляющіеся города Переяславль, Черниговъ были взяты и разрушены, такая же участь постигла, можно думать, г. Глуховъ[3]) и др. сѣверскіе города. Въ теченіи 3-хъ лѣтъ монголы оставались на лѣвомъ берегу, не переставая, вѣроятно, опустошать сѣверную область до предѣловъ лѣсовъ, куда проникнуть мѣшала сама природа. Въ 1240 г. перешедши очевидно въ пунктѣ постояннаго перехода всѣхъ предшествовавшихъ кочевниковъ, ниже впаденія Десны въ Днѣпръ[4]), монголы подошли къ Кіеву со всѣми своими кочевыми обозами[5]), взяли и разрушили сопротивлявшійся городъ, закочевали въ степяхъ на правой сторонѣ Днѣпра, а конныя военныя силы пошли во внутрь страны[6]) и проникли даже за карпатскій хребетъ въ Венгрію: при этомъ одни города со всѣмъ населеніемъ были взяты и истреблены, какъ Колодяжный, Каменецъ, Володимерь, Галичъ[7]), другіе устояли подъ напоромъ монголовъ, напр. Кременецъ, Холмъ, нѣкоторые были сохранены, какъ болоховскіе города: Деревичь, Губинъ, Кобудъ, Кудинъ, Городѣцъ, Божьскій, Дядьковъ[8]), наконецъ нѣкоторыхъ и не коснулось нашествіе, напр. Бакоты, Дрогичина, Пинска, и пр.[9]). Черезъ два года

---

[1]) Ibid., 1241 г., стр. 526.

[2]) »Батыевн-же вземши Козлескъ, и поиде въ землю Половецькую. Оттудаже поча посылать на грады Руськые«. Ипатск. лѣт., 1237 г., стр. 520.

[3]) Ibid.

[4]) См. глава 2-я »Смѣна народностей«, »Кіевская Старина« 1883 года, № 6-ой, стр. 415—416.

[5]) »И бѣ Батый у города и отроци его обьѣздяху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревенія вельбудъ его и ржанія отъ гласа стадъ конь его. Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 522.

[6]) У насъ нѣтъ фактическихъ основаній соглашаться съ мнѣніемъ, что монголы вездѣ двигались цѣлою массою, всею ордою со стадами и имуществомъ. *Дашкевичъ*, »Кн. Дан. Галицк.«, стр. 84, *Антоновичъ*, »Кіевск. Стар.«, стр. 511.

[7]) Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.

[8]) Ипатск. лѣт., 1241 г., стр. 526.

[9]) Ibid., 1240 г., стр. 524, 525.

(въ 1243 г.) на возвратномъ пути »изъ Угровъ татарове воеваша до Володавы и по озерамъ много зла створше«[1]), и всѣдъ за этимъ они en masse очевидно исчезаютъ въ степи въ своихъ кочевьяхъ, а Батый, завоевавшій южную Русь, удаляется въ свою ставку на Ахтубу, чѣмъ и заканчивается собственно завоеваніе южной Руси монголами, такъ какъ дальнѣйшіе набѣги татаръ (1255, 1259, 1260 и т. д.) имѣютъ, какъ увидимъ, совершенно другое значеніе. Города Руси, изъ которыхъ правили страною до этого времени князья, подчинились монголамъ, а черезъ это подчинилась имъ и вся страна. Умолчаніе лѣтописи, въ связи съ послѣдующими историческими событіями, и указанныя нами выше топографическія условія Карпатскихъ горъ и Полѣсья, гдѣ природа ставитъ на каждомъ шагу непреодолимыя препятствія не только для движенія кочевыхъ массъ, но даже и кочевыхъ отрядовъ, — заставляютъ думать, что такъ называемое »нашествіе монголовъ« не коснулось непосредственнаго населенія этихъ областей[2]), нѣтъ также данныхъ, показывающихъ, что монголы проникали за Днѣстръ, въ такъ называемое Подгорье (округи коломыйскій, станиславовскій, стрыйскій и отчасти самборскій); потому, какъ уже и говорили мы, сохранилось населеніе волыно-подольскихъ областей, принадлежавшихъ болоховскимъ городамъ. Въ остальныхъ областяхъ южной Россіи пострадали прежде всего и болѣе всего города и ихъ обитатели, а также то вблизи живущее населеніе, которое искало спасенія въ стѣнахъ города. Расположеніе городовъ обусловливало главнымъ образомъ направленіе пути для движенія кочевниковъ; остальныя поселенія едва-ли служили цѣлью нападеній, а захватывались развѣ по пути. Къ городамъ болѣе всего и относится извѣстіе Плано-Карпини, что большая часть руссовъ была побита и уведена въ плѣнъ татарами[3]). Истребленіе сопротивлявшагося городскаго населенія и ихъ имущества, а равно и встрѣчен-

[1]) Ibid., 1243 г., стр. 528.

[2]) Мнѣніе, что Шейбанъ, братъ Батыя, и Кайданъ, полководецъ его, разорили въ 1240 г. Пинскъ, Новогрудокъ и др города и села Полѣсья... но были разбиты около Мозыря литовскимъ княземъ Эрдивиломъ (Николай архимандритъ, »Историко-Статистическое описаніе минской епархіи«. Спб. 1864 г., стр. 12) мало вѣроятно, особенно въ опредѣленіи времени.

[3]) *Максимовичъ*, »Собраніе сочиненій«, т. I, стр. 133.

наго внѣ городскаго поселенія, было страшное [1]), а много жителей было захвачено въ плѣнъ и частію увлечено въ качествѣ войска завоевателей [2]), частію выведено въ степи [3]), за предѣлы южной Россіи. Однако нельзя оставить безъ вниманія тѣхъ, хотя и неясныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній, которыя говорятъ намъ, что часть населенія бѣжала, по выраженію Воскресенской лѣтописи, »въ дальнія страны« [4]), какими были прежде всего Венгрія, Польша, а также Литва и сѣверо-восточная Русь. Удалялись изъ страны, конечно, особенно князья, бояре и высшее духовенство—классы, обладавшіе средствами для быстраго и далекаго передвиженія [5]). Можно думать, что выселилось изъ южной Руси все иноземное населеніе: какъ торгово-промышленники, иноземцы обладали средствами для передвиженія, не связаны были органически со страной на столько, чтобы жертвовать собой въ защиту ея, а если часть иностранцевъ не успѣла удалиться, то, проживая главнымъ образомъ въ большихъ

---

[1]) Вотъ какую картину рисуетъ лѣтописецъ: »Данилови-же со братомъ пришедшу къ Берестью, и не возмогоша ити въ поле страдя ради множества избіенныхъ, не бѣ бо на Володимерѣ остался живой, церкви святой Богородицы исполнена быша трупья и тѣлесъ мертвыхъ«.—Ипатск. лѣт. 1240 г., стр. 526.—О томъ-же говоритъ и замѣтка Плано-Карпини, что, проѣзжая скоро послѣ нашествія монголовъ, онъ видѣлъ въ степи множество череповъ и костей человѣческихъ. Дашкевичъ, стр. 84.

[2]) Въ войскѣ, осаждавшемъ замки въ Венгріи и Польшѣ, находились плѣнные руссы, половцы и угры.—Илов. т. II, стр. 392.

[3]) Посолъ французскаго короля Людовика IX (въ 1253 г.) и его товарищи слышали, что русскіе пасли стада въ кочевьяхъ монголовъ (Илов., 402). То же посольство, на пути отъ Дона до Сарая, было въ большомъ страхѣ отъ разбойниковъ, ибо многіе бѣдняки переселенные татарами въ степи изъ Руси, Венгріи и Аланіи, соединялись по 20—30 человѣкъ и по ночамъ рыскали на степныхъ коняхъ, грабя и убивая всякаго встрѣчнаго (Ibid., стр. 403).

[4]) *Житецкій*. »Очеркъ звуковой исторіи«, стр. 283; *Дашкевичъ*, стр. 84—85.

[5]) Михаилъ, князь черниговскій, при появленіи татаръ на лѣвомъ берегу Днѣпра, бѣжалъ въ Угрію, а »потомъ до ляховъ (Ипатск. лѣт. 1238 г., стр. 521) со своей семьей, людьми и товаромъ« (522). Въ 1241 г. князь Даніилъ на пути изъ Венгріи въ Польшу на р. Полцѣ встрѣтилъ свою »родину« (брата, дѣтей, княгиню), »яко вышли суть изъ русское землѣ въ ляхы предъ безбожными татары« (Ипатск. лѣт. 1240 г., 524). Около того-же времени переселились, вѣроятно, черниговскіе бояре (ibid., 525 и пр.).

городахъ, которые подверглись раззоренію, она была истреблена. Однако и рядовое славяно-русское населеніе, какъ городское, такъ и внѣ живущее, не только въ сѣверной, но и въ южной полосѣ, сохранилось въ значительномъ количествѣ: оно если не могло удалиться, за нѣкоторыми исключеніями, за предѣлы страны, то спѣшило укрыться въ горахъ, лѣсахъ, болотахъ, пещерахъ[1]) и т. п. недоступныхъ для кочевниковъ мѣстахъ. Даніилъ въ синеводскомъ монастырѣ, въ Карпатскихъ горахъ, »видѣ множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ татаръ«[2]); часть удалившихся изъ Кіева монаховъ укрылась въ волынскихъ лѣсахъ и основала тамъ почаевскую лавру[3]); много населенія сберегли лѣса и болота Полѣсья (Черниговo-Сѣверскъ, Кіево-Минскъ и пр.), а равно и недоступныя для кочевниковъ мѣста въ самой южной полосѣ. Дѣло въ томъ, что южно-руссы привыкли уже укрываться отъ набѣговъ кочевниковъ: хозаръ, печенѣговъ, половцевъ и т. д.; самое появленіе монголовъ не было внезапное: предварительно были истреблены военныя силы южно-руссовъ на Калкѣ, раззорена и опустошена сѣверо-восточная Русь; наконецъ переходъ за Днѣпръ совершился лишь на третьемъ году послѣ появленія монголовъ въ области южной Руси; за это время сдѣлалась извѣстна какъ сила монголовъ, такъ и ихъ умѣнье брать города, и потому, если скоплялось населеніе въ такъ хорошо защищаемыхъ городахъ, какъ Кіевъ, Кременчугъ и др., то несчастный опытъ Сѣверщины, города которой были разрушены, долженъ былъ послужить урокомъ, чтобы предпочитать городу болота и лѣса; наконецъ въ города и не могло сбѣжаться все населеніе страны. Такъ по крайней мѣрѣ поступало сельское населеніе въ болѣе доступное по свѣдѣніямъ время: въ случаѣ нападенія часть населенія бѣжала въ городъ, другая часть, по выраженію г. Шараневича, »утѣкала въ лѣсы, яскинѣ и въ подземніи диры«, въ недоступныя мѣста »межи багна и мочары« и скрывалась тамъ съ родиною и остаткомъ добытку[4]), какъ передъ та-

[1]) *Иловайскій*, 387, *Костомаровъ*, »Монографіи«, т. I, стр. 218.
[2]) Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.
[3]) Дашкевичъ, стр. 88.
[4]) *Шараневичъ*, »Исторія Галицко-Владимірской Руси, стр. 356, 399.

тарами, такъ и передъ поляками и литовцами [1]), а по отходѣ враговъ возвращалась изъ убѣжищъ на старыя жилища [2]). Но лучшимъ основаніемъ для вывода, что значительная часть населенія осталась и во время погрома монгольскаго внутри [3]) страны, служитъ сравнительная быстрота появленія населенія въ раззоренномъ краѣ. Въ областяхъ Галиціи, сѣверной половины Волыни, на Подлясьѣ, въ предѣлахъ пинскаго и туровскаго княжества, непосредственно за удаленіемъ монголовъ жизнь политическая забила полнымъ ключемъ [4]) (княженіе Даніила Галицкаго); но не остались пустыней Кіевщина, Черниговщина и Подолія—области найболѣе пострадавшія. Явились въ Кіевъ, а также и въ Черниговъ [5]) князья, а также и »людіе, еже бѣху разбѣглися на чужей землѣ, пріидоша на свою землю« [6]). Около 1245 г. Плано-Карпини нашелъ Кіевъ бѣднымъ городомъ, но въ немъ былъ и тысяцкій, и бояре кіевскіе, и около 200 дворовъ жителей [7]); съ 1243 г. и почти до конца XIII ст. въ немъ проживаютъ безъ перерыва князья [8]); продолжаютъ существовать главные кіевскіе монастыри и церкви: кіево-печерская лавра, выдубецкій монастырь, софійскій соборъ и пр. [9]); населеніе было и

---

[1]) Ibid., стр. 356, 399, 400, 420, 425 и пр.

[2]) Г. Самоквасовъ говоритъ: »какъ *до татаръ* народъ искалъ спасенія въ совмѣстной общинной жизни, въ стѣнахъ городовъ, такъ *послѣ татаръ* сталъ искать его въ разрозненности—въ болотахъ и лѣсахъ. Какъ *до татаръ* въ случаѣ опасности народъ бѣжалъ въ стѣны города, такъ *послѣ татаръ* въ подобныхъ случаяхъ онъ разбѣгался изъ городовъ по лѣсахъ и болотахъ (162). Но есть и другое мнѣніе, что уже въ первое нашествіе татаръ 1241 г.« жители оставляли хаты, бѣжали въ лѣсы и горы, або хоронилися за багнами и мочарами«. Шараневичъ, стр. 88.

[3]) Не слѣдуетъ забывать словъ, которыя говорилъ Дмитрій, тысяцкій кіевскій Батыю, раззорившему Сѣверщину, Кіевщину, Волынь и пр. »Не мози стряпати въ землѣ сей долго, время ти есть на Угры уже поити, аще ли умешкаешь, земля ти есть сильна; соберутся на тя и не пустять тебѣ въ землю свою«.—Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 523.

[4]) *Антоновичъ*, »Кіевъ« и проч., стр. 4; *Дашкевичъ*, стр. 87.

[5]) *Житецкій*, стр. 283.

[6]) Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 524.

[7]) *Максимовичъ*, т. I, стр. 133; *Иловайскій*, стр. 394.

[8]) *Антоновичъ*, »Кіевъ« и проч., стр. 4—5.

[9]) *Ипатск. лѣт.*, 1250 г., стр. 535; *Максимовичъ*, стр. 133, *Антоновичъ*, »Кіевъ« и проч., стр. 5.

внѣ Кіева, въ селахъ [1]). На значительную населенность кіевской области въ XIII ст. указываетъ фактъ перехода въ XIV ст. 1700 княжатъ и дѣтей боярскихъ къ московскимъ князьямъ [2]). Присутствіе южно-русскаго населенія непосредственно послѣ перваго нашествія татаръ на лѣвой сторонѣ Днѣпра видно изъ факта возвращенія Ростислава въ Черниговъ въ 1240 г. [3]), а также изъ извѣстной поѣздки Михаила въ Сарай за полученіемъ ярлыка на черниговское княженіе [4]). Хотя скоро чернигово-сѣверская земля теряетъ политическую самостоятельность, но сѣверныя ея части, очевидно заселенныя тогда, примкнули къ возвысившемуся въ то время Брянску [5]); видно, сѣверское населеніе, оставшееся послѣ нашествія монголовъ, подвинулось на сѣверъ, въ лѣсистую область и продолжало держаться тамъ, такъ какъ на югѣ, въ нижнемъ Подесеньѣ и Посемьѣ заселенію мѣшали близость кочевыхъ ордъ и отсутствіе въ краѣ естественныхъ средствъ защиты [6]). Что касается Подоліи (или Понизья), то хотя этотъ край дѣйствительно пострадалъ и здѣсь не осталось »ни одного города ни деревомъ рубленаго, ни каменными стѣнами укрѣпленнаго« [7]), но есть основаніе предполагать и здѣсь остатки славяно-русскаго населенія: непосредственно за первымъ нашествіемъ въ Подолію является оригинальное татарское устройство съ атаманами [8]) и пр., и потомъ поселившіеся здѣсь

---

[1]) Въ 1246 г. Плано-Карпини отъ первой татарской заставы на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ кочевалъ Курекса, ѣхалъ до Кіева шесть дней. На этомъ разстояніи и ниже селенія Канавы (Канева) были подобныя-же селенія (villae), изъ которыхъ въ одномъ былъ тогда начальникомъ *Михей*, провожавшій путешественниковъ до татарской заставы. Это очевидно было на пространствѣ между рѣками Росью и Тясьминомъ, на которомъ были уже города и селенія русскіе, въ томъ числѣ и Боровой, вносл. Боровица.—Максимовичъ, стр. 135.

[2]) Ibid., 136.

[3]) Ипатск. лѣт., 1240 г., стр. 524.

[4]) Ibid., 1245, стр. 528.

[5]) Багалѣй, 307—309.

[6]) Ibid.

[7]) Шараневичъ, стр. 88.

[8]) У Daniłowicz'а по поводу пораженія княземъ Ольгердомъ татаръ при Синихъ Водахъ говорится: сіи три брата татарскіе князья отчичи и дедичи Подольской земли, а отъ нихъ завѣдали ватаманы, а баскаки, присѣдячи отъ нихъ, у атамановъ имывали изъ Подольской земли дань.—Daniłowicz, Latopisiec Litwy

татары оказываются обрусѣвшими[1]). Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, южная Русь при первомъ нашествіи монголовъ не обезлюдѣла, а сохранила въ значительной степени коренное славяно-русское населеніе, хотя и не вездѣ въ одинаковыхъ размѣрахъ. Густота населенія понижалась по направленію съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ: южная черноземная полоса потеряла больше, чѣмъ сѣверная лѣсная, и далѣе восточная половина южной полосы болѣе, чѣмъ западная. Изъ всѣхъ областей южной Россіи черниговская область особенно обѣднѣла осѣдлымъ населеніемъ: менѣе приготовившись, чѣмъ другія области, она выдержала первый и самый сильный ударъ монголовъ и при этомъ оказывала самое энергичное сопротивленіе. Къ этой восточной окраинѣ можетъ быть примѣнено мнѣніе г. Костомарова, что »въ Руси едва-ли осталась десятая часть прежняго населенія«. Затѣмъ чувствительныя потери населенія понесены были южною половиною кіевской области и подольской. Послѣднія области продолжали терять свое осѣдлое населеніе и послѣ перваго нашествія монголовъ, благодаря тому обстоятельству, что онѣ примыкали непосредственно къ кочевьямъ татарскихъ ордъ, расположившихся въ степяхъ на всей южной и восточной границѣ Руси отъ Днѣстра и далѣе на востокъ за Волгу. Близость кочевыхъ ордъ, отсутствіе въ странѣ естественныхъ средствъ защиты, конечно, все это не способствовало развитію благосостоянія въ такихъ странахъ, какъ Подолье, южная часть Кіевщины (Поросье), Посемье и нижнее Подесенье, гдѣ населеніе должно было постоянно бѣгать въ лѣса, а потому послѣднее постепенно выселяется изъ этихъ мѣстъ: колонизація южно-русская во второй половинѣ XIII ст. направляется *на западъ*—въ области галицко-волынскія и далѣе за Карпаты, *на сѣверъ*—въ Полѣсье и Литву, а на сѣверо-востокъ—въ предѣлы зарождающейся московской Руси. Галицко-волынскія области, какъ самыя безопасныя среди прочихъ южно-русскихъ областей, несомнѣнно привлекали славяно-русское

---

i kronika Ruska, стр. 50, по Новицкому »Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкѣ«. Кіевъ. 1876 г., стр. 31.

[1]) *Антоновичъ*, »Исторія Великаго Княжества Литовскаго«, стр. 147 и 149.

населеніе изъ другихъ районовъ, какъ въ видѣ князей [1]), бояръ [2]), такъ и изъ среды рядового населенія. Извѣстенъ фактъ, что къ Даніилу бѣжало множество мастеровъ отъ татаръ, имѣвшихъ обыкновеніе щадить при набѣгахъ и брать въ плѣнъ ремесленниковъ [3]). Были въ галицко-волынской землѣ и насильно переселенные южноруссы изъ другихъ областей: по взятіи и разрушеніи Дзвягля, Даніилъ »*люде изведе* и вдастъ я на надѣлъ ово брату, ово же Львови, другия Шварнови« [4]). Благодаря переселенію славяно-русскаго населенія въ предѣлы галицко-володимірской территоріи, эта область со временъ монгольскаго нашествія удерживаетъ за собою преимущественное названіе »Руси«, »Русской земли«.

Другимъ пунктомъ, куда направилась тогда же колонизація южныхъ славяно-руссовъ, были области литовскихъ поселеній [5]). Славяно-руссы »утиснени, по выраженію г. Шараневича, подъ ярмомъ татарскимъ въ областяхъ заднѣпровскихъ, покидали свои отцѣвства и переходили въ великомъ множествѣ въ сосѣдственную Литву, строили себѣ жилища и православныя церкви и распространяли свои поселенія далеко за правый берегъ Виліи въ самую глубь Жмуди« [6]).

Чѣмъ далѣе къ XIV в., тѣмъ наплывъ русскаго населенія возрасталъ, особенно въ ятвяго-русской области [7]), нынѣшней малорусской части Гродненской губерніи.

---

[1]) »Князѣ зъ роду Ольговичей, черниговскіи, Василій и Мстиславъ Глѣбовичи бѣжали передъ татарами въ Галицко Володимірскую Русь и вступили въ службу Данила. Мы срѣтили ихъ яко вождей и хоробрыхъ борцей въ ополченіи Данила передъ Ярославлемъ«. Шараневичъ, стр. 92.

[2]) Галицкіе бояре »вошли съ черниговскими боярами въ порозумѣнье, призвали ихъ въ Галичъ и пороздавали *боярамъ* и *хлопамъ* княжескіе городы и области«. Шараневичъ, стр. 84.

[3]) Дашкевичъ, стр. 93.

[4]) Ипатск. лѣт. 1258 г., стр. 556.

[5]) Ibid., 1259 г., стр. 558.

[6]) »Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края«, XXVI.

[7]) Акты, изданные комиссіей въ Вильнѣ, т. I, стр. 2—Шараневичъ, стр. 118.—Кукольникъ, »Историческія замѣтки о Литвѣ«. Вильна. 1864 года, стр. 10.

[8]) Кукольникъ, стр. 37. »Историческія замѣтки о Литвѣ«.

Менѣе интенсивно переходило южно-русское населеніе въ сѣверо-восточную Русь, которая тогда еще сама страдала отъ татарскихъ и другихъ бѣдъ и не могла представить прочной гарантіи въ безопасности населенія. Главнымъ образомъ въ сѣверо-восточную Русь перешло то южно-русское населеніе чернигово-сѣверской области, которое не успѣло укрыться за Днѣпръ [1]); изъ другихъ частей южной Россіи переселялось туда главнымъ образомъ высшее духовенство, князья и бояре. Въ 1299 г. »татаре творили великое насиліе въ Кіевѣ. Митрополитъ Максимъ не могъ того стерпѣти, оставилъ Кіевъ и съ *клиросомъ* своимъ и *со всею службою* своею отойшолъ черезъ Брянскъ и Суздаль во Владимеръ Клязменскій« [2]). Въ началѣ XIV в. вызванъ былъ московскимъ княземъ на службу кіевскій вельможа Родіонъ Несторовичъ, вышедшій съ 1700 *княжатъ и дѣтей боярскихъ* « [3]). Къ концу XIII в. прилегающія непосредственно къ степямъ южно-русскія окраины запустѣли и нѣтъ признака славяно-русскаго населенія въ малорусскихъ частяхъ курской губерніи [4]), въ степномъ районѣ черниговской и полтавской по Сулѣ, Сейму и нижней Деснѣ [5]); почти въ такомъ-же состояніи оказались и степныя области кіевской, волынской и подольской губерній. Въ выше лежащихъ южно-русскихъ мѣстностяхъ населеніе пополнялось притокомъ новой колонизаціи, но оно постоянно и систематически въ свою очередь разрѣжалось [6]) спорадическими набѣгами татарскихъ ордъ [7]), »которыя похищали, рѣзали, палили, раззоряли« [8]).

Кромѣ измѣненія направленія южно-русской колонизаціи, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ, а чрезъ это насильственнаго задержанія славяно-руссовъ въ томъ районѣ ихъ

---

[1]) Шараневичъ, стр. 120 и 124.

[2]) Максимовичъ, т. I, стр. 136.

[3]) Багалѣй, стр. 308.

[4]) Германовъ, стр. 2; Багалѣй, Ibid.

[5]) Въ 1283 г. »по отшествію Телебузинѣ и Ногаевѣ Левъ князь сочте, колко погибло во его землѣ людей, што поймано, избито и што ихъ Божію волею измерло полътретьинадесять тысячѣ«. Ипатск. лѣт., стр. 589.

[6]) Въ 1253, 1258, 1259, 1260, 1261, 1277, 1281, 1283 годахъ и т. д.

[7]) Шараневичъ, стр. 88.

территоріи, изъ котораго они постоянно стремились разселиться внизъ по теченію пересѣкающихъ ихъ страну рѣкъ,—монгольская эпоха оказала и другія вліянія на этнографическія судьбы кореннаго населенія. Прежде всего въ это время докончилось то этнографическое объединеніе южно-руссовъ, процессъ котораго отмѣтили уже мы въ періодъ княжескихъ междоусобій. Политическіе областные центры или исчезли совершенно, или же ослабѣли до неузнаваемости (Черниговъ, Кіевъ, Каменецъ и пр.), княжескіе роды, поддерживавшіе традицію удѣловъ и областей, ступевались передъ могуществомъ сарайскаго правителя Руси и силою волыно-галицкаго рода, наконецъ перемѣщеніе населенія, обитаніе его на сравнительно меньшей территоріи, слѣдовательно подъ менѣе разнообразнымъ вліяніемъ разъединяющихъ географическихъ условій, и единеніе въ виду общаго врага—монголовъ—все это неизбѣжно служило въ теченіи почти столѣтія монгольской эпохи къ стиранію областныхъ особенностей въ южныхъ славяно-руссахъ. Тогда-же заложено было и основаніе той оригинальности въ сословномъ организмѣ южно-руссовъ, съ какою они существуютъ и въ наше время—это отсутствіе національнаго городскаго сословія. Какъ мы уже и говорили, при нашествіи монголовъ главнымъ образомъ пострадали города и городское населеніе, такъ что XIII в. можетъ быть обозначенъ, какъ періодъ упадка южно-русскихъ городовъ по преимуществу, ибо возникавшіе въ волыно-галицкой землѣ и достигшіе цвѣтущаго состоянія города не имѣли, какъ увидимъ, этнографическихъ чертъ коренного населенія. Въ разрушенныхъ и обезсиленныхъ городахъ погибло нарождавшееся ремесленно-торговое населеніе, исчезли дружины княжескія и ослабѣло мѣстное духовенство, а вмѣстѣ съ тѣмъ духовныя силы народа, дѣйствовавшія прежде, сошли со сцены или устремились на другія цѣли [1]); задержано было матеріальное и умственное процвѣтаніе въ южной Руси и само собою пріостановилось »широкое развитіе русскаго слова« [2]). Наконецъ занявшіе своими кочевьями нижнее теченіе главныхъ рѣкъ южной Россіи: Днѣпра, Буга и Днѣстра монголы прекратили живыя и разнообразныя сношенія южно-русскаго населенія

[1]) *Житецкій*, стр. 49.

[2]) Ibid., стр. 276.

съ греческимъ византійскимъ міромъ, а черезъ это увеличилось сношеніе и взаимодѣйствіе славяно-руссовъ между германо-романскимъ міромъ, нивеллируемымъ тогда особенно римскимъ католичествомъ. Древняя Русь (что мы уже видѣли) вообще не чуждалась запада и входила съ нимъ въ разнообразныя сношенія, но особенно часты были сношенія, конечно, въ пограничныхъ съ нимъ Галиціи и Волыни. Съ сосредоточеніемъ политической жизни южной Руси въ этихъ областяхъ и съ прекращеніемъ уравновѣшивающаго значенія въ торговлѣ и въ политическихъ связяхъ и сношеніяхъ Византіи, западъ пріобрѣтаетъ особенную силу. Къ тому же западная Европа въ это время для населенія южно-русскаго не только стала просвѣтительнымъ и торгово-промышленнымъ центромъ, но представляла изъ себя и ту политическую силу, на которую только и можно было разсчитывать, какъ на опору противъ нападенія монголовъ: на послѣднее особенно указываетъ извѣстная исторія сношеній Даніила Галицкаго съ папою [1]). Если въ XIII в. и не видно еще особенныхъ результатовъ этого западно-европейскаго вліянія на южную Русь, то во всякомъ случаѣ въ это время создались тѣ условія, которыми впослѣдствіи воспользовались западно-европейскіе элементы для своего воздѣйствія на южно-русское населеніе: культура края начала съ этого момента развиваться подъ западнымъ вліяніемъ [2]) и въ ростѣ ея культурномъ и сословномъ нельзя не замѣтить параллелизма съ западной Европой.

Таковы общіе результаты вліянія монгольскаго нашествія на этнографическія судьбы южной Руси; что-же касается до этнологическаго взаимодѣйствія татаръ и южно-руссовъ, то объ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Ир. Житецкій.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

---

[1]) *Дашкевичъ*, стр. 95, 99, 102.

[2]) Ibid., стр. 94.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.

Не возможно излагать исторію запорожскаго козачества, не касаясь исторіи южно-русскаго козачества вообще. Запорожское козачество составляетъ только частный фактъ въ явленіи южно-русской козаччины; обособилось оно въ отдѣльный типъ только послѣ цѣлаго ряда измѣненій въ судьбѣ этой послѣдней.

Поэтому, прежде чѣмъ станемъ изслѣдовать причины и условія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложилось запорожское козачество, намѣтимъ въ общемъ главнѣйшія черты, характеризующія все южно-русское козачество.

Козачество—явленіе общерусское. Съ XV вѣка встрѣчается оно на территоріи какъ московской, такъ и литовской Руси. Слово »козакъ«, перешедшее отъ татаръ и обозначавшее у нихъ нижній классъ свободнаго военнаго сословія, не вездѣ въ русско-славянскомъ мірѣ выражало одно и тоже понятіе. Можно установить два различныхъ значенія этого слова. Оно обозначало человѣка свободнаго, исполняющаго обязанности военной пограничной службы: таковы были козаки, упоминаемые въ лѣтописи въ началѣ XV вѣка въ рязанской землѣ [1]); такое-же значеніе имѣли извѣстные съ послѣдней четверти XVI столѣтія донскіе козаки [2]). Но было и другое значеніе слова »козакъ«: оно обозначало еще свободнаго мелкаго земельнаго собственника. Такъ, изъ доку-

[1]) Никоновская лѣтопись, ч. V, стр. 192, годъ 1444.

[2]) Kronika Bielskiego, Kraków, 1597 г. 719 стр.

ментовъ, относящихся къ 1530-мъ годамъ, видно, что въ смоленской области были козаки—свободные хлѣбопашцы, бѣжавшіе изъ московскаго государства, изъ подъ Торопца, въ Литву [1]). Число козаковъ въ смоленской области было значительно. Во время войны Польши съ московскимъ государствомъ въ 1580 году Филонъ Кмита, бывшій въ то время воеводой смоленскимъ, дѣйствовалъ противъ московскихъ войскъ, имѣя у себя до 2,000 козаковъ, набранныхъ въ смоленской области [2]). Такіе свободные мелкіе землевладѣльцы, по недостаточности земельныхъ участковъ, нерѣдко занимались различными торговыми промыслами, а главнымъ образомъ извозомъ соли. Иногда они брались и за другія занятія. Такъ, въ XVI вѣкѣ козаками назывались свободные рабочіе на волжскихъ судахъ [3]). Упоминаются также въ XVI вѣкѣ полоцкіе козаки: эти, какъ и тѣ, что находились въ смоленской области, были правдоподобно мелкими земельными собственниками, отправлявшими въ случаѣ надобности военную службу. Козаки полоцкіе въ 1579 г. овладѣли небольшимъ московскимъ укрѣпленіемъ Нещердою [4]). Такимъ образомъ, какъ въ московской, такъ и въ литовской Руси, въ областяхъ порубежныхъ, принадлежавшихъ съ XV вѣка то тому, то другому изъ этихъ центровъ русскихъ земель, были козаки не несшіе постоянной военной службы и представлявшіе собою малоземельное свободное сословіе.

Съ достовѣрностію можно полагать, что въ названныхъ русскихъ областяхъ козачество не имѣло исконнаго, въ татарскомъ смыслѣ наѣзднического характера въ силу условій мѣста. Здѣсь русско-литовскія области примыкали къ русскимъ-же московскимъ областямъ; народъ осѣдлый былъ въ сосѣдствѣ съ народомъ осѣдлымъ-же; вооруженныя столкновенія между великими княжествами московскимъ и литовскимъ происходили не часто. Такимъ образомъ козаки здѣсь были обставлены совершенно другими условіями, чѣмъ въ тѣхъ земляхъ, которыя были въ сосѣдствѣ съ кочующими татарами. Въ этихъ послѣднихъ земляхъ татары могли явиться для грабежа и опусто-

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I-й, № 105.

[2]) Kronika Bielskiego, 775.

[3]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. IX, изд. 1870 г.

[4]) Kronika Bielskiego, 768 стр.

шеній во всякое время; поэтому тамъ необходимы были козаки—воины. И козачество въ такихъ земляхъ дѣйствительно являлось козачествомъ въ подлинномъ, татарскомъ смыслѣ этого слова. Козаки здѣсь всегда должны были быть на готовѣ отражать татарскія вторженія; при томъ же они, отплачивая татарамъ тѣмъ же, естественно могли предпринимать наѣзды и на татарскія земли [1]).

Такимъ образомъ татарское слово »козакъ«, перенесенное на русскую почву для обозначенія факта, по всей вѣроятности аналогичнаго съ тѣмъ, какой обозначался этимъ словомъ у татаръ, съ теченіемъ времени въ русскихъ земляхъ двоится въ своемъ значеніи. Козаки въ земляхъ, открытыхъ для нападенія татаръ, составляютъ особое военное сословіе; въ другихъ-же земляхъ пограничныхъ, гдѣ наличныя условія не требовали ни защиты, ни нападеній, козаками назывались просто свободные мелкіе собственники, случайно принимавшіе участіе въ войнѣ. Слово »козакъ« теряетъ здѣсь свой первоначальный смыслъ; подлинное козачество, если и было когда-нибудь въ этихъ земляхъ, къ концу XVI вѣка отошло въ область преданія; реальныя условія жизни обратили козаковъ въ обыкновенныхъ свободныхъ поселянъ, которые помимо указанныхъ уже занятій являлись иногда въ литовской Руси въ качествѣ иррегулярныхъ отрядовъ при войскѣ. Такъ, въ 1581 году, при движеніи войска Рѣчи-Посполитой подъ Ржевъ, козаки вмѣстѣ съ татарами, расположившись по обѣ стороны главной арміи, одни по одной сторонѣ, другіе по другой, опустошали непріятельскую землю [2]). Кромѣ того, козаки въ литовской Руси состояли иногда на службѣ у частныхъ лицъ, вмѣстѣ съ которыми выступали и въ походы. Такъ Бѣльскій, перечисляя военныя силы Рѣчи-Посполитой, участвовавшія въ походѣ подъ Данцигъ, упоминаетъ о козакахъ Струсевыхъ, Темрюковыхъ и нѣкоторыхъ другихъ [3]).

Что-же касается характера южно-русскаго козачества, уже существующаго въ концѣ XV в. въ южныхъ порубежныхъ земляхъ литовской Руси, то козачество это принадлежало къ первому типу

---

[1]) Kronika Bielskiego, 719 стр.

[2]) Тамъ-же, стр. 783.

[3]) Тамъ-же, стр. 746.

козаччины въ русско-славянскихъ земляхъ. Южныя украинныя земли литовской Руси, граничившія съ татарами, подвергались постояннымъ вторженіямъ этихъ послѣднихъ, и потому здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ русско-славянскаго міра, гдѣ нужно было вести борьбу съ татарами, должно было возникнуть козачество. Но помимо вліянія этой главной причины, южно-русское козачество складывалось и развивалось еще подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ другихъ важныхъ факторовъ, сообщившихъ ему особую физіономію. Особенности мѣста его распространенія, особенности внутреннихъ распорядковъ великаго княжества литовскаго, въ предѣлахъ котораго оно возникло, и наконецъ этнографическія особенности югозападныхъ русскихъ славянъ обусловили собою особый бытъ и особый внутренній строй южно-русскаго козачества. Благодаря именно этимъ частнымъ условіямъ, оно со ступени незначительнаго сословія, жившаго промыслами и войной съ татарами, поднялось на высокую ступень цѣлаго народа, ознаменовавшаго себя многими знаменитыми дѣяніями и имѣвшаго свою славную исторію.

Плодородныя южныя окраины литовской Руси, обезлюженныя татарскими нашествіями, въ XV вѣкѣ представляли степную полосу и лежали почти пустопорожними. Въ это время очень немногія мѣста степной полосы были заселены. Значеніе прежнихъ, нѣкогда бывшихъ здѣсь городовъ пало; населеніе внѣ городовъ не существовало вовсе. Все населеніе края въ эту пору сосредоточивалось только въ немногихъ городахъ—острогахъ. Такими городскими укрѣпленіями въ концѣ XV в. были Черкасы, Каневъ, Бѣлая Церковь, Хмельникъ, Баръ, Винница и Брацлавъ; только въ половинѣ XVI в. возстановлены еще два: Звенигородъ и Переяславъ. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ были довольно оригинальнаго происхожденія. Такъ городъ Черкасы построенъ при Витовтѣ [*]), который осадилъ здѣсь пятигорскихъ черкасъ, выведенныхъ съ крайняго юговостока Европы [*]). Каневъ же около этого времени заняли выходцы изъ нынѣшней Полтавщины, совершенно беззащитной въ

---

*) Въ описаніи каневскаго замка неточно сказано при Гедиминѣ.

*) Описаніе каневскаго замка; рукопись литовской метрики; Антоновичъ, Очеркъ исторіи В. К. Литовскаго, стр. 62—63.

то время противъ татарскихъ вторженій [1]). Къ каждому изъ городовъ, находящихся въ степной полосѣ, были приписаны громадныя пространства земли, которыя въ началѣ XVI в. оставались совершенно пусты. Немногочисленное населеніе этихъ городовъ, большею частію мѣщане, занималось промыслами и торговлею; только въ лѣтнее время расходилось оно по этимъ землямъ на промыслы звѣриные, рыбные и бобровые. Между тѣмъ плодородная степная полоса литовской Руси не могла остаться безъ насельниковъ: населеніе, оставившее прежде этотъ край вслѣдствіе грозныхъ татарскихъ нашествій, въ лицѣ своихъ потомковъ такъ или иначе, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ ближайшихъ причинъ, должно было снова занять его. Въ дѣлѣ вліянія мѣста распространенія южно-русскаго козачества на его отличительныя черты важное значеніе имѣло то обстоятельство, что за такъ называемой Украйной, т. е. за староствами черкасскимъ, каневскимъ, бѣлоцерковскимъ, хмельницкимъ, барскимъ, винницкимъ, брацлавскимъ, звенигородскимъ и переяславскимъ, въ сторону юга, лежали обширныя степи, совершенно дикія, безъ малѣйшихъ признаковъ осѣдлаго существованія обитателей. Этотъ обширный край, протянувшійся отъ Орели, Тясмина и Синюхи до самаго Чернаго моря, былъ обладаемъ татарами, если только обладателями можно считать полудикія татарскія орды, безпрерывно мѣняющія свои кочевья и главнымъ образомъ занимавшія южный, примыкающій къ Черному морю край этого степного пространства. Природныя богатства степей и то обстоятельство, что онѣ неустойчиво были занимаемы татарами, издавна привлекали сюда энергичныхъ насельниковъ Украйны. Какъ можно заключать изъ документальныхъ данныхъ, движеніе украиннаго населенія направилось сюда задолго до 30-хъ годовъ XVI-го столѣтія [2]). Обширность этого края, близость татаръ и относительная немногочисленность являющихся сюда поселенцевъ обусловили собою своеобразный полукочевой характеръ колонизаціи, нашедшей здѣсь примѣненіе. Южныя украинныя земли литовской Руси начали вновь заселяться съ XV вѣка. Главнѣйшей причиной, вызывавшей это заселеніе, было то, что въ русскихъ

[1]) Описаніе каневскаго замка. Рукопись литовской метрики.

[2]) Акты западной Россіи, т. II, № 195.

областяхъ великаго княжества литовскаго, еще со времени правленія Витовта постепенно происходитъ переворотъ въ поземельныхъ отношеніяхъ. Тотъ принципъ земельнаго владѣнія, который въ продолженіе вѣковъ существовалъ въ западно-русскихъ земляхъ, началъ колебаться подъ вліяніемъ литовскаго государственнаго принципа. Центральная власть великаго княжества литовскаго не считаетъ земли собственностію общины, какъ это было въ русскихъ земляхъ прежде, а смотритъ на землю, какъ на достояніе государства и раздаетъ ее тѣмъ, которые несутъ военную службу. Естественно, что при феодальномъ распорядкѣ, правоспособными нести военную службу скоро оказались только высшій и средній классы и поземельныя отношенія, регулируемыя литовскимъ феодальнымъ государственнымъ принципомъ, должны были вызвать стѣсненіе крестьянскаго сословія въ правѣ пользованія землею, повлекшее за собою постепенное обезземеленіе онаго. Это обстоятельство и послужило однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ къ развитію козачества на южномъ рубежѣ этого княжества. Крестьяне, теряя земельныя права внутри государства, могли свободно пользоваться ими на южныхъ окраинахъ этого-же государства. Дѣло въ томъ, что западно-русскія земли мирнымъ путемъ соединились съ собственною Литвой подъ властію князей литовскаго корня и вытекавшій изъ литовскихъ юридическихъ понятій феодализмъ реформировалъ только поземельныя отношенія, вовсе не касаясь сословныхъ; вслѣдствіе этого крестьяне въ западно-русскихъ областяхъ, теряя прежнее право на землю, не теряли личной свободы и безпрепятственно на первыхъ порахъ могли переходить съ мѣста на мѣсто. Если крестьяне оставляли мѣста прежняго жительства, то въ этомъ случаѣ съ государственной точки зрѣнія не страдали ничьи интересы, и у правительства великаго княжества литовскаго не было побудительныхъ причинъ препятствовать крестьянскимъ передвиженіямъ. Напротивъ, для государства могло казаться выгоднымъ, чтобы безлюдная степная полоса, граничившая съ татарами, заселялась. Государство нуждалось въ защитникахъ страны отъ хищныхъ набѣговъ татарскихъ. Военныя силы великаго княжества литовскаго, по тогдашнимъ условіямъ военной организаціи, не были вполнѣ пригодны для этого дѣла. Въ

великомъ княжествѣ литовскомъ въ XV вѣкѣ постоянныхъ войскъ не было, а вооруженные контингенты поставлялись лицами, несущими обязанности военной службы, всякій разъ по особому распоряженію центральной власти. Если взять въ соображеніе, что такіе военные контингенты не могли быть выставлены вдругъ, а татарскіе набѣги совершались внезапно, то ясно, что для обороны страны отъ татарскихъ вторженій нужны были иные защитники.

Еще одинъ фактъ внутреннихъ распорядковъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ способствовалъ тому, чтобы крестьяне, уходившіе изъ центральныхъ западно-русскихъ областей въ степную Украйну, взяли на себя дѣло защиты страны отъ татарскихъ вторженій. Мы имѣемъ въ виду особенность экономическаго строя въ этомъ княжествѣ, продолжавшуюся до люблинской уніи (1569 г.). Особенность эта заключалась въ томъ, что земледѣліе здѣсь составляло второстепенную вѣтвь хозяйства, державшагося главнымъ образомъ на лѣсномъ промыслѣ. Поэтому украинныя черноземныя, пригодныя наибольше для пахоти земли въ данное время цѣнились весьма низко, и лица привилегированныхъ сословій, имѣющія права на владѣніе землей, старались получать себѣ земельные участки преимущественно въ центральныхъ областяхъ великаго княжества литовскаго, гдѣ характеръ мѣстности былъ лѣсной или болотистый [1]). Такъ какъ лица привилегированныхъ сословій избѣгали брать земельные участки въ Украйнѣ, а между тѣмъ военныя силы здѣсь вслѣдствіе близости татаръ были необходимы, то правительство великаго княжества литовскаго на украинныхъ поселенцевъ возлагаетъ всѣ виды военной службы. Всѣ насельники украинныхъ городовъ отбываютъ то нѣкоторыя, то всѣ существующія въ краѣ повинности воинскія. Они поставляютъ сторожу »замковую«, »городовую«, »польную«, они обязаны преслѣдовать уходящихъ съ добычею татаръ и предпринимать вмѣстѣ съ старостами или ихъ помощниками походы въ татарскія земли [2]).

Что же касается особенностей этнографическихъ элементовъ, оказавшихъ вліяніе на складъ южно-русскаго козачества, то нужно

[1]) Антоновичъ, Историческіе дѣятели юго-западной Россіи, стр. 2.

[2]) Описанія украинныхъ замковъ; рукописи литовской метрики.

сказать, что элементы эти коренились глубоко въ жизни юго-западныхъ русскихъ славянъ, восходили къ отдаленнымъ преданіямъ кіевской Руси съ ея общиннымъ началомъ, вѣчемъ и другими основами прежняго общественнаго устройства. Западно-русскія и южно-русскія земли, примкнувшія при Гедиминѣ и Витовтѣ къ литовскому центру, не могли, какъ мы уже отчасти видѣли на фактѣ переустройства земельныхъ отношеній, не подвергнуться чуждому вліянію господствующаго государственнаго племени. Козачество южно-русское и въ лицѣ тѣхъ выходцевъ изъ центральныхъ западно-русскихъ земель въ степную Украйну, которые имѣли къ козачеству лишь косвенное отношеніе, въ смыслѣ подготовительнаго матеріала, и въ лицѣ уже прямо относящихся къ нему козаковъ украинныхъ, которые козаковали »на полѣ« за промыслами и на »низу« въ татарскихъ поселеніяхъ, было протестомъ противъ распорядковъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Какъ протестующій элементъ, козачество естественно стремилось найти новые устои для общественной жизни и очутившись на пустопорожнихъ земляхъ, внѣ сильнаго давленія государственнаго строя и основанныхъ на немъ распорядковъ, могло оживить померкшіе идеалы существовавшаго нѣкогда, основаннаго на принципѣ самоуправленія, общественнаго устройства.

Полки въ Украйнѣ, курени въ Запорожьи, рады войсковыя— это такія формы общественныхъ отношеній, которыя могли возникнуть въ южно-русскомъ козачествѣ именно путемъ возвращенія къ преданіямъ вѣчевой и общинной древней Руси,—путемъ обнаруженія и осуществленія таившихся въ душѣ народа его завѣтныхъ идеаловъ.

Такимъ образомъ съ XV вѣка часть степной полосы великаго княжества литовскаго, воеводство брацлавское и южная часть воеводства кіевскаго, заселяется поселенцами—воинами, послужившими основой для имѣющаго здѣсь развиться и разцвѣсти козачества южно-русскаго. Земли, прежде опустошенныя грозой татарскихъ нашествій, вновь принимаютъ насельниковъ. Западно-русская и южнорусская народности, реагируя на татарскія вторженія, примѣняясь къ условіямъ своего быта, выдѣляютъ каждая свои элементы для козачества.

Козаки украинные, какъ видно изъ документовъ, относящихся къ самому началу второй половины XVI в. [1]), составляютъ въ украинныхъ старостваxъ особое сословіе, отличное отъ сословія такъ называемыхъ бояръ и мѣщанъ. Первоначальные украинные козаки представляли въ степной полосѣ бродячій элементъ, не имѣющій постоянной осѣдлости. Время отъ времени они появлялись въ украинныхъ городахъ въ качествѣ временныхъ посѣтителей. Въ описаніи черкасскаго замка, 1552 года, читаемъ: »окромъ осилыхъ бояръ и мещанъ бываютъ у нихъ (т. е. у черкасцевъ) прихожые козаки; сее зимы было ихъ разомъ о полъ-третяста«. Точно также въ описаніи каневскаго замка, относящемся къ тому же времени, значится: »а кромъ того бываетъ тамъ людей прихожихъ, козаковъ неоселыхъ, а бываетъ ихъ не равно завжды, але яко которыхъ часовъ«. Въ описаніяхъ украинныхъ замковъ мы встрѣчаемъ указанія и на родъ занятій козаковъ. Тамъ говорится, что если черкасцы, или каневцы, или козаки добудутъ въ землѣ непріятельской такъ называемые »бутынки«, т. е. добычу, то обязаны давать старостѣ по его выбору одно что-нибудь лучшее изъ плѣнниковъ (»языковъ«), коней или другихъ какихъ-нибудь предметовъ. Есть и другое указаніе на занятія козаковъ. Въ описаніи каневскаго замка въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о городскихъ уходахъ (владѣніяхъ) на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ теперешней Полтавщинѣ, прибавляется еще слѣдующее: »переказа уходомъ онымъ сѣверскимъ тыхъ часовъ не только отъ татаръ, а больш отъ своихъ козаковъ, которые уставичне тамъ живутъ на мясе, на рыбе, на меду зъ пасекъ, зъ свепетовъ (?) и сытятъ тамъ собе медъ, яко дома«. Сверхъ того не будетъ, кажется, натяжкой относить къ козакамъ и слѣдующее мѣсто изъ указаннаго уже описанія черкасскаго замка: »указалъ (составлявшимъ описаніе) тежъ староста служебниковъ своихъ ездно зъ броней 50 молодцевъ пріездьчихъ, а тутошнихъ черкасцевъ и каневцевъ, которые ему съ дѣтку служатъ—11«... Въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о »почетѣ служебниковъ старостиныхъ«, т. е. о числѣ лицъ, которые состоятъ на службѣ у старосты въ качествѣ добровольцевъ. Мы видѣли уже, что были козаки Струсевы, Темрюковы и т. д. По довольно точной анало-

[1]) Тамже.

гіи можно считать и этихъ служебниковъ старостиныхъ козаками. Въ пользу такого пониманія черкасскихъ »служебниковъ старостиныхъ« можно указать еще на то, что эти служебники выдѣлены въ описаніи отъ городскихъ служебниковъ вообще, имѣющихъ названіе драбовъ, которыхъ въ Черкасахъ было 100, и съ которыми ротмистръ Петръ Розбискій »ново тамъ присягнулъ«. Выдѣлены старостины служебники изъ »почета служебниковъ« въ особый »почетъ«, правдоподобно не потому только, что тѣ были пѣшіе, а эти конные, но и потому, что тѣ были обычнымъ войскомъ, дисциплина котораго была точно опредѣлена, а эти были охочимъ, »пріѣзжимъ« войскомъ, которое—хотѣло—служило, хотѣло—нѣтъ, т. е. было именно такимъ, какимъ козачество являлось всюду и всегда.

Первоначальное козачество, какъ особое сословіе въ украинныхъ старостваxъ, характеризуется въ »Описаніи украинныхъ замковъ« еще слѣдующими важными указаніями. Въ описаніи черкасскаго замка говорится, что городу принадлежатъ нѣкоторыя озера, и затѣмъ прибавляется: »А ходятъ озеръ тыхъ волочити козаки съ Черкасъ«. Въ томъ-же описаніи говорится: »козаки, которые домовъ тамъ въ Черкасахъ не мають, и тые даютъ старосте колядки (подать, взимаемая передъ Рождествомъ) по 6 грошей и сена косятъ ему по два дни толоками за его стравою и за медомъ. А которые козаки, не уходячи у козацтво на поле, а ни рекою у низъ, служатъ въ местахъ бояромъ або мещаномъ, тыи колядки давати, або сена косити не повинни«. Изъ описанія-же каневскаго замка видно, что городскими уходами козаки пользовались на правахъ половинниковъ, т. е. имъ доставалась только половина того (рыбъ, бобровъ, меду), что они пріобрѣтали въ этихъ уходахъ; остальная-же половина отдавалась старостѣ.

Такимъ образомъ первоначальные украинные козаки характеризуются слѣдующими чертами: они, не имѣя осѣдлости, передвигаются съ мѣста на мѣсто и ютятся главнымъ образомъ или въ степи, гдѣ они ловятъ рыбу, охотятся на звѣрей, занимаются пчеловодствомъ, или на низовьяхъ Днѣпра, гдѣ они сверхъ этого еще грабятъ татаръ; кромѣ того козаки — самый маломощный въ имущественномъ отношеніи классъ свободныхъ людей: они обязаны отбывать городскія повинности (колядка и толока), подъ-

часъ являются въ услуженіи у городскихъ бояръ и мѣщанъ, иногда ловятъ рыбу на старосту въ принадлежащихъ городу озерахъ или въ качествѣ половинниковъ пользуются городскими уходами.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ козачество становится фактомъ все болѣе и болѣе крупнымъ, явленіемъ все больше и больше замѣтнымъ. На пути къ козачеству, въ силу условій мѣста, находилось не мало лицъ и изъ украинныхъ бояръ и мѣщанъ. Неся повинности сторожевой службы, выдерживая частыя нападенія татаръ, постоянно воюя съ ними и подвергаясь всевозможнымъ случайностямъ войны, какъ-то: плѣну, потерѣ семьи и имущества, украинное боярство и мѣщанство въ свою очередь изъ среды себя выдѣляло людей, для которыхъ война являлась привычкою и какъ-бы потребностію жизни и которые становились козаками, т. е. людьми не имѣющими опредѣленной осѣдлости, а, какъ уже сказано, промышляющими то »въ полѣ«, то на низовьяхъ Днѣпра.

Украинное козачество въ процессѣ своего дальнѣйшаго развитія подъ вліяніемъ указанныхъ выше факторовъ въ отношеніи нѣкоторыхъ своихъ сторонъ значительно видоизмѣнилось. Имѣя недостаточно ясную начальную исторію, которую мы посильно прослѣдили, козачество украинное обособилось потомъ въ два опредѣленные типа: козачество собственно украинное, такъ называемое городовое, и козачество низовое, въ собственномъ смыслѣ запорожское.

Что касается времени возникновенія запорожскаго козачества, какъ особаго типа, то оно явилось въ концѣ XVI столѣтія. До этого времени запорожскаго козачества въ собственномъ смыслѣ не было, было только украинное козачество вообще. Отдѣльныя лица или группы изъ этого козачества, то каневскіе, то черкасскіе, то бѣлоцерковскіе и т. д. козаки, а иногда и мѣщане съ боярами украинныхъ городовъ, время отъ времени для промысловъ и для вторженій въ татарскія и турецкія земли отправлялись на низовья Днѣпра, за пороги. Но эти козаки только временно козаковали на Запорожьи, устойчивая-же запорожская община возникла послѣ цѣлаго ряда измѣненій въ судьбѣ украинаго козачества,—она явилась только тогда, когда нѣкоторые эле-

менты силою обстоятельствъ должны были оторваться отъ остальнаго козачества.

Какъ и вслѣдствіе чего проявились въ украинномъ козачествѣ элементы, послужившіе впослѣдствіи основаніемъ для возникновенія особаго запорожскаго товарищества, можно видѣть въ нѣкоторыхъ подробностяхъ начальной поры украинаго козачества. Такъ, съ конца XV в. можно прослѣдить, хотя на первыхъ порахъ и нѣсколько не ясно, двоякое движеніе украинаго козачества въ сторону Запорожья,—военное и промысловое. Въ 1489 году Янъ Ольбрахтъ, сынъ Казиміра IV, впослѣдствіи король польскій, преслѣдовалъ ворвавшихся въ Подолію татаръ; его войску передъ вели козаки, какъ хорошо знающіе мѣстность, по которой приходилось преслѣдовать татаръ. Преслѣдованіе совершалось до Савраны, притока Буга [1]).

О промысловомъ движеніи въ сторону Запорожья украинаго козачества можно заключать уже изъ грамоты великаго князя литовскаго Александра, выданной въ 1499 году Кіеву съ дарованіемъ нѣкоторыхъ льготъ. Въ этой грамотѣ говорится между прочимъ, что если козаки привезутъ рыбу съ низу, то брать съ нихъ пошлину [2]).

Затѣмъ съ 1508 г. начинается цѣлый рядъ походовъ, предпринимаемыхъ съ участіемъ козаковъ противъ татаръ, иногда во главѣ украинныхъ старостъ и ихъ помощниковъ, а иногда и подъ предводительствомъ просто отважныхъ лицъ, выступавшихъ въ походъ по личной иниціативѣ. Такъ кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій, староста брацлавскій и виленскій, замѣчательный полководецъ своего времени, почти всю жизнь отражалъ съ козаками набѣги татаръ. Въ 1508 году [3]) этотъ Острожскій разбилъ на голову загонъ татаръ, громившихъ пограничныя области литовской Руси, а другой загонъ разбилъ Полюсъ Русакъ, славный козакъ, какъ говоритъ о немъ Бѣльскій. Затѣмъ 1512 г. Прецлавъ Ланцкоронскій, каменецкій староста, »собравши людей служебныхъ и иныхъ«, уничтожилъ загонъ татаръ, ворвавшихся въ южные пре-

---

[1]) Kronika Polska Bielskiego, стр. 476.

[2]) Акты западной Россіи, т. II, № 1.

[3]) Kronika Bielskiego, стр. 512.

дѣлы великаго княжества литовскаго. Эта орда была разбита совокупными усиліями козаковъ съ украинными насельниками, надъ которыми начальствовалъ все тотъ-же Острожскій, и отрядомъ польскаго войска. Первыми ударили на враговъ козаки, при чемъ Острожскому не малаго труда стоило убѣдить поляковъ, что сраженіе должны начинать козаки, хотя и »менѣе збройные«, но умѣющіе сражаться съ татарами, что въ сраженіи съ послѣдними должно стоять на первомъ планѣ [1]). Съ 1516 г., когда, по замѣчанію Бѣльскаго, при украинныхъ замкахъ служебныхъ людей стало больше [2]), что онъ считаетъ за начало козаковъ, начинаются козацкіе походы въ татарскія и турецкія земли. Къ этому-же 1516 году относится походъ во главѣ Лапцкоронскаго, каменецкаго старосты, подъ Бѣлгородъ, откуда было принесено много татарской и турецкой добычи [3]).

Затѣмъ въ 1528 году былъ предпринятъ подъ Очаковъ генеральный походъ во главѣ большинства украинныхъ старостъ: Лапцокоронскаго, въ это время старосты хмельникскаго, Остафія Дашковича, старосты черкасскаго, а также старостъ винницкаго и брацлавскаго. Въ этотъ походъ татары были трижды разбиты; 30,000 головъ скота и 500 коней досталось козакамъ въ добычу [4]).

Съ 1541 г. героемъ козачьихъ походовъ въ татарскія и турецкія земли становится Бернатъ Претфицъ, староста барскій, по замѣчанію Бѣльскаго, достойный памяти всѣхъ поляковъ. Въ этомъ году онъ съ козаками и черемисами (?) преслѣдовалъ татаръ до самаго Очакова, и такъ-какъ захваченные въ русскихъ предѣлахъ въ оковахъ уже были отправлены моремъ изъ Очакова въ Кафу, то онъ отомстилъ »знаменито« татарамъ и съ полономъ возвратился назадъ. Такой походъ предпринималъ онъ и на слѣдующій годъ [5]).

---

[1]) Kronika Polska Bielskiego стр. 519.
[2]) Тамъ-же, стр. 534.
[3]) Тамъ-же, стр. 534.
[4]) Тамъ-же, стр. 560.
[5]) Тамъ-же, 582 стр.

Къ 50-мъ годамъ XVI столѣтія относится козакованье князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго. Дѣятельность его открывается съ 1556 года. Въ это время Вишневецкій, будучи предводителемъ козаковъ на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, построилъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ и чрезъ козачьяго атамана Михаила Есковича билъ челомъ царю Ивану Грозному, чтобы тотъ принялъ его подъ свою защиту. Царь прислалъ Вишневецкому »опасную« грамоту и жалованье [1]). Вишневецкій скоро послѣ этого, чрезъ того-же Михаила Есковича, назвапнаго на этотъ разъ Миской, искалъ протекціи у Сигизмунда Августа, короля польскаго и великаго князя литовскаго. Король, какъ видно изъ его грамоты, отправленной Вишневецкому въ 1557 году [2]), хвалилъ его за военные подвиги, мужественную оборону вновь устроеннаго хортицкаго замка отъ хана перекопскаго, приказывалъ не нападать на владѣнія турокъ и татаръ, такъ какъ съ ними заключены мирные договоры, и особенно на пословъ крымскихъ, посылалъ Вишневецкому и жалованье, желая привлечь его на свою сторону; но этотъ послѣдній предпочелъ на сей разъ служить Ивану Грозному. Въ 1558 г. Вишневецкій оставилъ хортицкое укрѣпленіе, такъ какъ крымскій ханъ съ турками и волохами собирался вторично штурмовать оное, у негожъ, какъ писалъ онъ царю московскому, корму не стало и козаки его разошлись. Вишневецкій выступилъ изъ-за пороговъ и занялъ Черкасы и Каневъ; но Иванъ Грозный, вслѣдствіе мира съ великимъ княжествомъ литовскимъ, велѣлъ ему отступиться отъ этихъ городовъ и далъ ему въ отчину городъ Бѣлевъ [3]). Недолго однако пробылъ Вишневецкій и въ Бѣлевѣ. Въ 1561 г., по ходатайству брата его, Михаила Вишневецкаго, старосты черкасскаго и каневскаго, Сигизмундъ Августъ посылалъ Дмитрію Вишневецкому два »глейтовныхъ листа«, дающихъ амнистію за самовольную отлучку изъ государства; при этомъ милость королевская мотивируется тѣмъ, что Дмитрій Вишневецкій поддавался московскому царю не для чего иного, какъ только для того, чтобы, узнавши »справы непріятеля«, онъ могъ съ возможно большей пользой служить Рѣчи Посполитой [4]). Король

[1]) Максимовичъ, 1-й т., 284 стр.

[2]) Акты южной и западной Россіи. т. II, № 130.

[3]) Максимовичъ, т. I, стр. 289.

[4]) Акты южной и западной Россіи, т. II, №№ 142, 143.

обѣщаетъ Вишневецкому свою милость и всѣ вольности и свободы, которыми пользуются »иные княжата и пана«[1]). Въ 1562 г. Вишневецкій, поддавшійся сперва татарамъ, а потомъ московскому царю, прибылъ въ отечество и былъ торжественно встрѣчаемъ громадными толпами людей[2]). Печальный конецъ постигъ Вишневецкаго въ 1563 г. Въ этомъ году онъ съ 4-хъ тысячнымъ войскомъ пошелъ добывать обѣщанной ему короны молдавской, тамъ предательски достался въ плѣнъ воеводѣ Томжѣ и переданный отъ него туркамъ, былъ замученъ въ Константинополѣ[3]). Важнѣйшимъ дѣяніемъ козачества подъ властію Вишневецкаго было взятіе города Ислямъ Керменя (1556 г.), изъ котораго были вывезены пушки во вновь устроенное хортицкое укрѣпленіе[4]).

Къ 1556 году относится также походъ днѣпровскихъ козаковъ подъ Очаковъ, предпринятый ими вмѣстѣ съ московскимъ дьякомъ Ржевскимъ; атаманами днѣпровскихъ козаковъ въ этотъ походъ были нѣкто Млинскій и Михайло Есковичъ, тотъ самый, который, приставъ потомъ къ Вишневецкому, былъ самымъ довѣреннымъ его лицомъ и отправлялся, какъ уже сказано, отъ его имени съ челобитьемъ къ Ивану Грозному и листами къ Сигизмунду Августу[5]).

Въ ряду наиболѣе крупныхъ козачьихъ походовъ въ татарскія и турецкія земли одиноко стоитъ козацкій походъ въ Крымъ, за Перекопъ, 1575 года. Въ этомъ году воевода кіевскій, узнавъ, что татары переправляются черезъ Днѣпръ съ цѣлью вторгнуться въ ближайшія южно-русскія земли, послалъ противъ нихъ кіевскихъ, черкасскихъ и каневскихъ козаковъ. Козаки, спустившись внизъ по Днѣпру на чайкахъ, близъ Чорнаго лѣса (при впаденіи Тясмена въ Днѣпръ), неожиданно напали на татарскую стражу въ нѣсколько сотъ человѣкъ и всю ее перебили. Татары показали видъ, что возвращаются назадъ въ свои земли, между тѣмъ громадной ордой переправившись чрезъ Днѣпръ, начали страшно опустошать всю прилегающую къ Синявѣ мѣстность и, по словамъ Бѣльскаго, захватили въ полонъ около 50 тысячъ человѣкъ; тогда козаки съ вож-

---

[1]) Тамъ-же, № 144.
[2]) Kronika Bielskiego, стр. 612.
[3]) Kronika Bielskiego, стр. 614.
[4]) Максимовичъ, I т., 289 стр.
[5]) Тамъ-же.

демъ своимъ Богданкомъ ворвались въ Крымъ, проникли за Перекопъ и въ свою очередь безпощадно опустошили многіе татарскіе улусы [1]).

Эти самые крупные козачьи походы въ татарскіе и турецкіе предѣлы, занесенные въ хронику Бѣльскаго, не исчерпываютъ, конечно, всѣхъ походовъ, которые предпринимались козаками въ земли татаръ и турокъ. Были, безъ сомнѣнія, и другія, не извѣстныя для исторіи попытки проникнуть въ татарскіе и турецкіе предѣлы, предпринимаемыя по иниціативѣ не должностныхъ лицъ, каковыми были украинные старосты, а лицъ частныхъ, увлекаемыхъ желаніемъ добычи, жаждой найти удовлетвореніе личной удали, или наконецъ местью. Эти походы не только разширяли ряды козаковъ, но и служили для нихъ настоящей школой, гдѣ они входили во вкусъ своеобразнаго, чисто козацкого, способа вести войну,—военнаго ремесла и выработывались »въ желѣзныхъ людей, въ богатырей необычайной силы, неимовѣрнаго терпѣнія, сказочныхъ подвиговъ« [2]).

Но сколько ни предпринималось подобныхъ походовъ противъ татаръ, эти послѣдніе все-таки были грозой для значительной части пограничныхъ польско-русскихъ земель. Правительство Польши и Великаго Княжества Литовскаго постоянно было озабочено пріисканіемъ радикальнаго средства противъ татарскихъ вторженій, такъ какъ практиковавшіяся для этого средства не защищали страны. Въ городахъ и замкахъ иные вовсе уклонялись, другіе, по особо уважительнымъ причинамъ, самимъ королемъ освобождались отъ обязанности ходить въ погоню за татарами [3]). Самая эта повинность, лежавшая на южныхъ порубежныхъ областяхъ Великаго Княжества Литовскаго, помимо ея обременительности, не приводила къ желаемой цѣли.

Въ 1533 году староста черкасскій и каневскій, Остафій Дашковичъ, весьма опытный воинъ, побывавшій въ плѣну у татаръ и бѣжавшій изъ этого плѣна (1523 г.) [4]), мужественно обо-

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 721 и 722.
[2]) Надхенъ. Памятники о Запорожьѣ, стр. 9.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 111.
[4]) Миллеръ. Историческія сочиненія о Малой Россіи, стр. 3—4.

ронявшій черкасскій замокъ отъ осады крымскаго хана Сайдета (1531) [1]), на піотрковскомъ сеймѣ представлялъ проэктъ защиты противъ татарскихъ вторженій, состоявшій въ томъ, чтобы на низовьяхъ Днѣпра находилась постоянная стража, тысячи въ двѣ человѣкъ, которые бы, разъѣзжая на чайкахъ, препятствовали татарамъ переправляться черезъ Днѣпръ. Къ этимъ двумъ тысячамъ Дакшевичъ предлагалъ прибавить еще нѣсколько сотъ человѣкъ, которые-бы добывали въ окрестностяхъ (»obmyslali«) необходимые припасы, на мало доступныхъ днѣпровскихъ островахъ (вѣроятно за порогами: до пороговъ острововъ на Днѣпрѣ очень мало) построить замки и завести поселенія. Предложеніе всѣмъ понравилось, но, какъ замѣчаетъ Бѣльскій, ничто изъ предложеннаго не было сдѣлано [2]).

Въ 1534 году въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Подоліи, Кіевщины и Брацлавщины, куда татаре найчаще предпринимали набѣги, оправлялись замки и окружались валами городскія поселенія. Работы производились подъ руководствомъ великаго гетмана Яна Тарновскаго, который находился съ частью своего войска въ Хмельникѣ; замокъ и городъ этого имени онъ особенно укрѣпилъ [3]). Конечно, и это была мѣра въ ряду другихъ мѣръ; но какъ мало Польша и Великое Княжество Литовское были защищены противъ татарскихъ вторженій, видно изъ королевскаго листа 1546 г. къ литовскимъ раднымъ панамъ. Король пишетъ въ очень минорномъ тонѣ, печалуется на чрезмѣрную требовательность, высокомѣріе и гордость крымскаго хана; предлагаетъ раднымъ панамъ рѣшить, давать-ли требуемые »упоминки« крымскому хану, или »Бога на помочь взяв-

[1]) Тамъ-же.

[2]) Kronika Bielskiego, стр. 566.

[3]) Тамъ-же, стр. 571.

[4]) Не есть ли этотъ Янъ Тарновскій, гетманъ коронный польской, двойникъ того мнимаго гетмана козаковъ, а по другимъ (Миллеръ) предводителя низовцевъ, имя котораго нѣкоторыя польскія лѣтописи, а за ними и козацкія ставятъ подъ 1534 годомъ, именно Вежжика Хмельницкаго? Вопросъ напрашивается, такъ сказать, самъ собою: первая часть имени этого загадочнаго лица, *Вежжикъ*, не есть собственно имя, а прозваніе: *Вежжикъ* уменьшительное отъ *wąz*—узъ и относится къ внутренней характеристикѣ лица, которое такъ прозвано. Вторая часть имени, *Хмельницкій*, до нѣкоторой степени основательно можетъ сближаема съ названіемъ замка *Хмельникъ*. Яна Тарновскаго съ Хмельникомъ сближаетъ не то

ши, воевать«; просить радныхъ пановъ отнестись серьезно къ рѣшенію этого вопроса и результатъ своей рады сообщить ему [1]).

Между тѣмъ само собою, народною жизнью, выдвигалось болѣе вѣрное средство для защиты края отъ татарскихъ вторженій въ увеличивавшемся все больше и больше числѣ мѣщанъ и бояръ въ украинныхъ поселеніяхъ на южномъ рубежѣ государства. Заселеніе Украйны было въ интересахъ государства, поэтому украинные насельники естественно должны были найти поддержку центральной власти государства. Обязанные постоянно быть на готовѣ, чтобы встрѣчать вторженія татаръ, прежде всѣхъ и больше всѣхъ терявшіе въ имущественномъ отношеніи отъ этихъ вторженій, они должны были стать въ особое отношеніе къ государству; въ свою очередь правительство Рѣчи Посполитой своими мѣропріятіями становилось пособникомъ выроставшаго въ Украйнѣ козачьяго сословія. Съ начала второй половины XVI вѣка можно прослѣдить цѣлый рядъ королевскихъ грамотъ, фактически выдѣлявшихъ низшій классъ населенія въ Украйнѣ отъ этого-же класса въ остальномъ государствѣ. Такъ въ 1558 году окружною грамотою польскій король Сигизмундъ-Августъ освобождаетъ мѣщанъ города Канева, какъ людей украинныхъ, отъ платежа за живность по всему великому княжеству литовскому. Льгота [2]), данная каневцамъ, не была единственною; одновременно съ нею и послѣ нея подобныя и еще болѣе важныя льготы получаютъ мѣшане и другихъ украинныхъ городовъ. Къ тому-же 1558 году относится окружная грамота того-же короля, освобождающая мѣщанъ города Винницы отъ платежа »мыта« по великому княжеству литовскому, по случаю перенесенія ихъ поселенія подъ новый винницкій замокъ, и такая-

---

только, что онъ строилъ Хмельникъ и нѣкоторое время проживалъ въ немъ, а еще слѣдующее совпаденіе лѣтописныхъ сказаній: Бѣльскій, говоря о столкновеніи съ татарами подъ Заславлемъ, называетъ предводителемъ польскаго войска Яна Тарновскаго; авторъ-же лѣтописи Самовидца, говоря объ этомъ-же самомъ столкновеніи, называетъ предводителемъ на польской сторонѣ Вежника Хмельницкаго. Правдоподобно, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ-же лицѣ. Kronika Bielskiego, стр. 571; Лѣтопись Самовидца, стр. 2.

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. I, № 108.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 131.

же грамота въ пользу бояръ и мѣщанъ города Черкасъ, предоставлявшая имъ, »какъ людямъ украиннымъ«, право безпошлиннаго провоза тѣхъ товаровъ, которые они имѣли при себѣ въ поѣздкахъ для покупки живности [1]). Въ 1559 году изданъ королевскій универсалъ [2]) въ пользу брацлавскихъ мѣщанъ, а въ 1571 г. жалованная грамота [3]) жителямъ Бѣлой-Церкви. Мѣщанамъ этихъ послѣднихъ городовъ давались еще болѣе крупныя льготы, въ виду того, что татары »въ маетностяхъ ихъ великія шкоды чинятъ и не мало братьи ихъ въ полонъ ведутъ«. Изъ жалованной грамоты жителямъ Бѣлой-Церкви видно, чѣмъ вызывались эти льготы и какія обязанности бѣлоцерковцы должны были исполнять за дарованныя имъ права: они должны были при постройкѣ бѣлоцерковскаго замка взять на себя надзоръ надъ рабочими и рабочимъ скотомъ, сверхъ того содержать караулы на поляхъ и шляхахъ и наконецъ, въ случаѣ приближенія непріятеля, давать знать и въ бѣлоцерковскій замокъ, и королю. Такими актами обозначались заботы польскаго правительства о заселеніи степной украинной полосы. Въ 1571 г. вопросъ объ этомъ заселеніи подготовлялся для обсужденія его »вальнымъ« сеймомъ варшавскимъ [4]), а давая новымъ насельникамъ Украйны различныя льготы, простирая оныя и на тѣхъ, которые »придутъ и осядутъ« около того или инаго замка, заботясь о томъ, дабы люди »осѣдали и множились«, правительство польское прежде и болѣе всего имѣло въ виду отпоръ татарскимъ вторженіямъ.

Но не одними льготами украиннымъ насельникамъ правительство помогало образованію украинскаго козачества; къ тому-же проводили отрицательныя его мѣры. Такъ, поддерживая сначала украинныхъ мѣщанъ и бояръ, а впослѣдствіи насильственно подчинивъ ихъ юрисдикціи пановъ, оно вытолкнуло этихъ бояръ и мѣщанъ на путь вольныхъ, по собственному признанію, людей, козаковъ. Тоже можно видѣть и въ отношеніи правительства къ тѣмъ козакамъ, которые самовольно удалялись за пороги и нападая на татаръ и турокъ, навлекали гнѣвъ ихъ на Рѣчь Посполитую. Въ

[1]) Тамъ-же, № 133.
[2]) Тамъ-же, № 136.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. I-й, № 160.
[4]) Акты южной и западной Россіи, т. II, стр. 174.

1540 г. такимъ ослушникамъ изъ каневскихъ и черкасскихъ козаковъ Сигизмундъ-Августъ посылалъ »глейтовный листъ«, которымъ гарантировалъ имъ безнаказанное возвращеніе къ оставленнымъ замкамъ.

Козачество росло, усиливалось и давало чувствовать свою силу и значеніе какъ сосѣднимъ врагамъ, такъ и собственному правительству. Запретительныя мѣры противъ козацкихъ поисковъ надъ непріятелемъ показываютъ только, какъ трудно было положеніе въ этомъ дѣлѣ правительства польскаго. Въ грамотѣ 1541-го года на имя маршалка князя Андрея Каширскаго король Сигизмундъ I, строго воспрещая козакамъ дѣлать набѣги на татарскіе улусы [1]), немногимъ строго выговариваетъ украиннымъ властямъ за то, что они, не смотря на многократныя королевскія приказанія, не удерживаютъ украинныхъ козаковъ отъ набѣговъ на татарскія земли, а напротивъ того дозволяютъ такіе набѣги »для пожитковъ своихъ, добытки козаковъ дѣля на полы съ ними«. Извѣщая украинныхъ урядниковъ, что ханъ крымскій строжайше требуетъ прекращенія вторженій въ татарскія земли и всякихъ другихъ »шкодъ« татарамъ отъ козаковъ, въ противномъ-же случаѣ угрожаетъ »своею головою« идти въ предѣлы Рѣчи Посполитой и надъ украинными замками выместить татарскія потери,—король исчисляетъ вины козаковъ,—какъ около этого времени они произвели нападеніе на татаръ, идущихъ за добычею въ московскую землю, 20 человѣкъ изъ нихъ убили и захватили при этомъ 250 коней, какъ погромили крымскихъ гонцевъ въ Польшу при переправѣ черезъ Днѣпръ и »статки« ихъ побрали, какъ ограбили гонцевъ казанскаго хана и какъ нападая много разъ на кочевья сосѣднихъ татарскихъ ордъ, людей убивали, скотъ захватывали въ добычу и пр. Тщетно впрочемъ Сигизмундъ въ той-же своей грамотѣ грозитъ украиннымъ урядникамъ, что онъ не будетъ впредь принимать ихъ оправданій, будто козаки тайно отъ нихъ предпринимаютъ вторженія въ татарскія земли, напрасно велитъ этимъ урядникамъ внимательно смотрѣть за тѣмъ, какіе козаки идутъ на низъ для рыбнаго и другаго промысла, а при возвращеніи козаковъ съ низовьевъ Днѣпра осматривать »добытки« ихъ, что-бы такимъ образомъ знать, кто изъ нихъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. I-й, № 105.

ходилъ только для промысла, а кто и для грабежа въ татарскихъ земляхъ, тщетно наконецъ приказываетъ маршалку Каширскому уговаривать козаковъ записаться въ реестръ и исполнять королевскую волю, а ослушниковъ »за горло имать и карать«. Велѣнія центральной власти безсильны были задержать козацкое теченіе между насельниками Украйны, обусловленное сложными причинами внутреннихъ отношеній въ государствѣ и постоянно поддерживаемое стремленіемъ къ отпору одной народности противъ напора другой. Безсиліе власти сказалось уже въ 1545 году. Въ этомъ году подъ Очаковомъ козаки ограбили турецкихъ купцовъ; для разслѣдованія дѣла, по жалобѣ турецкаго правительства, королю пришлось посылать коммисаровъ и изъ »своего скарбу« заплатить убытки [1]).

Движеніе населенія украинныхъ земель на »низъ«, противъ татаръ, продолжается изъ года въ годъ; нападенія козаковъ вызываютъ набѣги татаръ, и наоборотъ. Въ 1560 г. Андчакъ, предводитель татаръ бѣлгородскихъ, опустошившій предъ тѣмъ поселенія возлѣ бѣлоцерковскаго замка, писалъ Сигизмунду II, что онъ это сдѣлалъ въ отместку за то, что козаки кіевскіе, бѣлоцерковскіе, брацлавскіе, винницкіе, каневскіе и черкасскіе подданнымъ турецкаго султана »великіе шкоды дѣютъ«. При взаимныхъ столкновеніяхъ крымскаго ханства и Рѣчи Посполитой, эта послѣдняя должна была уступать первому, покровительствуемому въ то время могущественнымъ турецкимъ султаномъ. По этому Сигизмундъ тогда-же писалъ воеводѣ кіевскому кн. Острожскому и всѣмъ украиннымъ старостамъ, приказывая не посылать въ поле козаковъ даже для сторожи, чтобы они тамъ на своей волѣ не причиняли турецкимъ и крымскимъ подданнымъ обидъ [2]); но въ тоже самое время, зная, что набѣги татаръ не прекратятся, онъ велитъ держать козаковъ наготовѣ, чтобы въ случаѣ татарскаго нападенія было кому преслѣдовать уходящихъ татаръ и отбивать полонъ. Столкновенія козаковъ съ татарами происходили нерѣдко между самими небольшими группами мирныхъ людей съ той и другой стороны и были такъ сказа́ть будничнымъ явленіемъ. Кочующіе татары въ обшир-

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 586.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 137.

номъ размѣрѣ занимались скотоводствомъ; при приближеніи ихъ стадъ козацкіе пастухи нерѣдко отбивали и угоняли скотъ въ украинныя поселенія. »Не для чого большая шкода (отъ татаръ) въ панствахъ нашыхъ дѣется, пишетъ король Сигизмундъ кн. К. Острожскому, »одно за таковыми чабанники, которые за убезпеченьемъ Украйны быдло беруть, а непрыятель прыходячы и надъ поданымы нашыми помсту чынить« [1]).

Не въ силахъ будучи справиться съ зародившимся и постоянно усиливавшимся козачествомъ, правительство Рѣчи Посполитой относительно его долго не могло придумать опредѣленнаго плана, но, сознавая одинаково и пользу и вредъ его для государства, поступало въ отношеніи къ нему по усмотрѣнію и теченію обстоятельствъ, то воспрещая козачьи наѣзды на татарскія и турецкія земли, то поощряя оные, какъ необходимые и цѣлесообразные, то отвлекая козачьи силы въ другую сторону, то предоставляя своимъ агентамъ вѣдаться съ ними согласно видамъ внѣшней политики. Около 1561 года козаки опустошали очаковскія окрестности. Въ 1561 году Сигизмундъ Августъ писалъ старостѣ черкасскому и каневскому Михаилу Вишневецкому, что если въ его районъ возвратятся тѣ козаки, которые »Очаковъ збурыли«, то чтобы онъ уговаривалъ ихъ не оставаться долго въ украинныхъ замкахъ, а идти черезъ Могилевъ и Полоцкъ въ Эстляндію, при чемъ имъ будетъ даваться датокъ (жалованье) и живность. Одновременно почти тотъ-же Сигизмундъ Августъ, отправляя охранный листъ для находящихся »на пизу« козаковъ воеводѣ кіевскому, велитъ переслать этотъ листъ козакамъ только въ томъ случаѣ, если это, по его (воеводы) зрѣлому обсужденію, не повлечетъ опасности со стороны Турціи и Крыма [2]). Гораздо позже, именно въ 1568 г., онъ же, примѣтивъ, что украинное козачество продолжаетъ стремиться на низовья Днѣпра, особымъ универсаломъ приказываетъ козакамъ, оставившимъ украинные города и замки и собравшимся въ разныхъ мѣстахъ »на низу«,—разойтись, причемъ предлагаетъ желающимъ службу при (украинныхъ) замкахъ и обѣщаетъ давать имъ жалованье, если они перестанутъ грабить татаръ [3]).

[1]) Ibidem.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 143.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, № 3.

Увеличившееся въ числѣ, окрѣпшее въ силахъ, освоившееся съ своею профессіею, украинное козачество не имѣло какой либо опредѣленной организаціи. Выступая за пороги, пробираясь къ татарскимъ и турецкимъ землямъ, оно избирало своихъ старшихъ подъ названіемъ атамановъ и гетмановъ, но, возвращаясь на свои жилища, поступало въ завѣдываніе украинскихъ старостъ и воеводъ. Козаковъ привлекали къ отбыванію замковыхъ и другихъ повинностей, что не могло быть по вкусу имъ, вкусившимъ свободы. Отсюда взаимныя неудовольствія и жалобы: воеводы и старосты обвиняли козаковъ въ своевольствѣ и непослушаніи, козаки жаловались на притѣсненія старостъ и воеводъ. Около 1572 года коронному гетману Юрію Язловецкому удалось привлечь подъ свою юрисдикцію козаковъ ходившихъ на низовья Днѣпра. Предлогомъ избрана защита ихъ отъ притѣсненій со стороны украинныхъ воеводъ и старостъ, а приманкой послужила выдача жалованья изъ королевскаго скарбу. Расположивъ къ себѣ козаковъ, Язловецкій ходатайствовалъ предъ королемъ о назначеніи для нихъ ближайшаго начальника и такимъ назначенъ былъ королевскою грамотою 1572 г. шляхтичъ Бадовскій. Этотъ старшій долженъ былъ давать судъ и управу по дѣламъ, касающимся низовыхъ козаковъ («окромъ гвалту и рѣчей кровавыхъ«) въ то время, когда эти послѣдніе возвращались съ низу въ украинныя поселенія. Резиденція Бадовскаго была въ Бѣлой-Церкви [1]).—Такимъ образомъ часть населенія украинныхъ старостъ, которую привиллегированная грамота Бадовскому называетъ низовыми козаками, не только получила право свободно ходить въ низовья Днѣпра, на промыслы, но была изъята изъ-подъ юрисдикціи украинныхъ воеводъ и старостъ. Низовые козаки поставлены были въ непосредственную зависимость отъ коронаго гетмана; намѣстникомъ этого послѣдняго при козакахъ былъ особый старшій, на этотъ разъ Бадовскій.

Принятая теперь правительственная мѣра, продолженіемъ которой была реформа Баторія, еще не выдѣляла украинныхъ козаковъ въ особое сословіе съ строго опредѣленными правами и обязанностями: то была уступка центральной власти развившемуся, главнымъ образомъ, внѣ ея вѣдѣнія, помимо ея воли и желанія

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 149.

явленію въ народной жизни,—уступка вызванная извѣстною силою этого явленія, но уступка первая и потому неполная.

Событія 1572 года были таковы, что могли побудить Сигизмунда-Августа искать службы козаковъ: онъ протежировалъ Богдану, сыну прежде бывшаго господаря молдавскаго Александра, получить молдавскую корону и съ этою цѣлію сперва посылалъ спеціальное посольство къ турецкому султану, а потомъ, съ появленіемъ новаго претендента на молдавское господарство, въ лицѣ Ивони, поддерживаемаго 20 т. турецкаго войска, долженъ былъ оказать своему кандидату вооруженную помощь. Эта-то поддержка кандидатуры Богдана на молдавскій престолъ и могла побудить короля дать или давать нѣкоторое время жалованье козакамъ: козаки были нужны Сигизмунду-Августу, чтобы съ помощію ихъ утвердить на молдавскомъ престолѣ Богдана; они могли быть необходимы для правительства Рѣчи Посполитой и въ томъ случаѣ, еслибы Турція за молдавскія дѣла объявила ему войну. Давая жалованье козакамъ, Сигизмундъ-Августъ разсчитывалъ по своей волѣ распоряжаться ими въ случаѣ надобности; съ другой стороны жалованье это могло обязывать козаковъ не производить опустошеній въ татарскихъ и турецкихъ земляхъ и не нарушать такимъ образомъ мира съ этими неугомонными и опасными сосѣдями.

Признанное въ своемъ существованіи и нѣкоторыхъ правахъ, украинное козачество, чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивается и, встрѣчая благопріятныя условія, начинаетъ играть видную роль и внѣ своей страны. Въ 1574 г. украинныхъ насельниковъ, въ числѣ которыхъ были и козаки, призвалъ на помощь упомянутый выше Ивоня, молдавскій господарь, одолѣвшій своего соперника Богдана. Турецкій султанъ потребовалъ съ него за право управлять Молдавіей такую плату, какую предложилъ ему вновь явившійся искатель молдавской короны, нѣкто Петрило, братъ мультанскаго воеводы; въ противномъ случаѣ Ивоня долженъ былъ оставить молдавскій престолъ. Получивъ такое требованіе, Ивоня послѣ предварительнаго совѣта съ представителями своего государства объявилъ Турціи войну. Тщетно обращаясь за помощью къ польскому королю, Ивоня въ концѣ концовъ обратился къ нѣкоторымъ изъ украинныхъ жителей, которыхъ зналъ, какъ »мужей вольныхъ и храбрыхъ«. На зовъ Ивони явилось въ Молдавію изъ Украйны 1200

человѣкъ. Они были подъ начальствомъ семи предводителей, изъ которыхъ главнѣйшихъ было два: Свирчовскій и Бастанъ [1]). Въ командѣ каждаго предводителя было по двѣсти и по сто человѣкъ; 200 человѣкъ брацлавянъ, правдоподобно въ собственномъ смыслѣ козаковъ, составляли особую команду. Съ почетомъ встрѣтилъ Ивоня военные отряды изъ Украйны. При пушечной пальбѣ угощались они въ палаткахъ господаря,—шляхетныя лица особо, простыя особо. Снабдивши эти отряды виномъ и золотомъ, Ивоня выступилъ противъ непріятеля. Три раза были разбиты турки, три раза обогащались украинскіе выходцы и добычею непріятеля, и наградами благодарнаго Ивони. Въ концѣ концовъ Ивоня вслѣдствіе измѣны одного изъ своихъ приближенныхъ, былъ разбитъ турками; но и разбитый, онъ мужественно защищался, окопавшись съ украинными выходцами на пожарищѣ одной деревни. Турки предложили Ивонѣ сдаться; онъ соглашался, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы самъ онъ живымъ былъ отданъ въ руки султана и чтобы выходцы изъ Украйны были отпущены здравыми и невредимыми. Условія Ивони были приняты; но когда онъ, простившись съ своими украинскими друзьями и въ послѣдній разъ щедро наградивши ихъ, подъѣхалъ къ турецкому войску, турки вѣроломно убили его. Украинскіе выходцы хотѣли было занять свой прежній окопъ, но его уже заняли турки. Окруженная со всѣхъ сторонъ непріятелями, украинская дружина мужественно отбивалась, многіе изъ украинскихъ выходцевъ пали въ этой неравной борьбѣ и только 12 человѣкъ изъ ихъ ополченія было взято турками въ плѣнъ [2]).

Къ этому именно времени относится первое обстоятельное извѣстіе современнаго польскаго писателя [3]) о козакахъ украинныхъ. Вотъ по возможности близкій переводъ избранныхъ мѣстъ этого классическаго для исторіи начальнаго украиннаго козачества свидѣтельства.

»Козаки — посполитые люди на низу, т. е. на низовьяхъ Днѣпра; занимаются они тамъ ловлею рыбы, которую тамъ-же и

---

[1]) Имена остальныхъ предводителей, какъ передаетъ ихъ Бѣльскій, слѣдующія: Козловскій, Стуженскій, Янчи и Соколовскій.

[2]) Kronika Bielskiego, стр. 791—717.

[3]) Бѣльскаго-отца (Мартына) или, можетъ быть, и сына (Якима).

сушатъ на солнцѣ; живутъ они тамъ только лѣтомъ, на зиму-же расходятся въ ближайшіе города, какъ Кіевъ, Черкасы и другіе, спрятавши предварительно на какомъ нибудь днѣпровскомъ островѣ, въ секретномъ мѣстѣ, свои лодки и оставивши тамъ нѣсколько сотъ человѣкъ »на куренѣ«, какъ они говорятъ, на стражѣ (przy strzelbie). Есть у нихъ также и свои пушки, которыя они частію захватили въ турецкихъ укрѣпленіяхъ, частію отняли у татаръ. Прежде козаковъ не было такъ много, но теперь ихъ сбирается по нѣсколько тысячъ; особенно число ихъ увеличилось въ послѣднее время. Козаки часто большую бѣду причиняютъ татарамъ и туркамъ и уже много разъ нападали на Очаковъ, Тегиню (Бендеры), Бѣлгородъ и другія укрѣпленія; въ поляхъ также они захватываютъ не мало добычи, такъ что теперь ни турки, ни татары не отваживаются пасти овецъ или скота такъ далеко отъ своихъ укрѣпленій, какъ прежде они пасли; также не пасутъ скота нигдѣ (и) по той сторонѣ Днѣпра на протяженіи 10 миль (отъ днѣпровскаго берега). Козаки насъ найбольше и ссорятъ съ турками да и татары говорятъ, что если-бы не козаки, то у насъ съ ними (татарами) никогда не было бы вражды. Но татарамъ не нужно вѣрить; хорошо, чтобы были козаки; но нужно, чтобы они подчинены были уряду и получали жалованье; пусть-бы они тамъ постоянно находились, на днѣпровскихъ островахъ, изъ которыхъ нѣкоторые столь неприступны, что если-бы тамъ засѣло нѣсколько сотъ человѣкъ, то и самое большое войско ничего-бы съ ними не сдѣлало. Въ числѣ этихъ острововъ есть островъ, который козаки называютъ Кохання; лежитъ онъ между порогами, на разстояніи 40 миль отъ Кіева, длиною въ нѣсколько миль (?). Если татары замѣчаютъ, что на этомъ островѣ сторожатъ козаки, то не съ такимъ удобствомъ переправляются на нашу сторону, потому что съ этого острова можно препятствовать переправѣ татарскаго войска черезъ кременчуцкій и кучманскій броды, которыми оно обыкновенно переправлялось. Недалеко отъ этого острова есть другой, Хортица,—тотъ самый, на которомъ нѣсколько прежде пребывалъ Вишневецкій. Пока Вишневецкій былъ тамъ, то татары не осмѣливались такъ часто вторгаться къ намъ, потому что присутствіе его служило имъ большой помѣхой. Есть и третій островъ—Томаковка, на которомъ больше всего проживаетъ низовыхъ козаковъ, такъ что онъ служитъ имъ главною твердынею (zamek).

Есть много и другихъ меньшихъ острововъ, и еслибы на нихъ построить замки и осадить поселенія, то не отваживались-бы татары такъ часто врываться къ намъ. Но мы въ Самборѣ (?) предпочитаемъ отъ нихъ защищаться. Со стороны рѣки также никто не могъ-бы никакого вреда причинить въ тѣхъ мѣстахъ, потому что со стороны моря никакія галеры, ни баты не могутъ подниматься по Днѣпру по причинѣ пороговъ, которымъ самъ Богъ опредѣлилъ быть тамъ, и еслибы не они, то тѣ края давно-бы навѣстили турки. Козаки-же такъ изловчились, что тѣ пороги переплываютъ въ кожаныхъ лодкахъ, называемыхъ у нихъ чайками,—переплываютъ, при помощи веревокъ спускаясь внизъ и такъ-же по веревкамъ поднимаясь въ гору. Въ такихъ-же самыхъ лодкахъ прежде Русь воевала съ греческими императорами, нападая иногда на самый Константинополь. И теперь козаки едва-ли не сдѣлали-бы тоже, если-бы ихъ было такъ много. Потому-то турки и хотятъ, чтобъ этотъ край былъ пустъ и людей тамъ не умножалось, чтобы имъ безопаснѣе было въ Константинополѣ. Былъ тоже тамъ въ прежніе годы большой портъ, именно въ Бѣлгородѣ, изъ котораго въ Киприъ пшеницу изъ Подоліи возили. Теперь только черезъ тотъ городъ и черезъ Очаковъ караваны въ Москву ходятъ. Изъ Бѣлгорода въ Очаковъ идетъ широкая дорога, на которой козаки разбиваютъ часто турецкихъ купцовъ, и если желаютъ добыть языка, то достаютъ его тамъ всего скорѣе«...

Въ заключеніе Бѣльскій высказываетъ свой планъ, по которому можно бы привести въ порядокъ козаковъ; говоритъ онъ въ этомъ случаѣ со словъ своего дяди Орнишевскаго, который бывалъ гетманомъ у козаковъ, т. е. предводителемъ козачьихъ отрядовъ. Планъ состоитъ въ томъ, чтобы не только по Днѣпру, но и по его притокамъ были построены замки и осажены поселенія [1]),

Въ этой до нѣкоторой степени обстоятельной характеристикѣ начальнаго козачьяго быта существенно важно свѣдѣніе о томъ, что козаки, возвращаясь на зиму въ свои украинныя поселенія, оставляли »на зиму« стражу изъ нѣсколька сотъ человѣкъ.

Является вопросъ, не есть-ли эта стража признакъ уже организовавшагося козачества запорожскаго, обособившагося отъ ос-

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 718—719.

тальнаго украиннаго?—Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Отсутствіе запорожскаго козачества въ собственномъ, позднѣйшемъ смыслѣ этого слова можно прослѣдить, начиная съ 30-хъ годовъ XVI ст. и кончая 1574 годомъ, къ которому относится замѣтка Бѣльскаго о сторожѣ на низу. Въ 1533 году Остафій Дашковичъ на піотрковскомъ сеймѣ вносилъ извѣстное уже намъ предложеніе о защитѣ противъ татаръ на низовьяхъ Днѣпра,—ясно, что этой защиты тогда не было, а слѣд. не было и козачества запорожскаго. Не существовало это козачество и въ 50-хъ годахъ XVI-го столѣтія. Хотя въ эту пору на низовьяхъ Днѣпра и появляется хортицкое укрѣпленіе, но укрѣпленіе это, построенное по иниціативѣ Дмитрія Вишневецкаго, не было постояннымъ жилищемъ козаковъ, а только временнымъ лагеремъ для козачьихъ милицій, куда вводился гарнизонъ лишь въ случаѣ надобности, большею частію на время лѣта, на зиму же такой гарнизонъ удалялся домой [1]). Вишневецкій оставилъ это укрѣпленіе въ 1558 году въ виду предстоящаго приступа татаръ, и нужно полагать, что оно было вскорѣ разрушено татарами, такъ какъ въ слѣдующемъ году на польской сторонѣ Днѣпра, »между Хортицею и Черкасами«, московскій царь хотѣлъ строить другое укрѣпленіе, которое могло-бы замѣнить прежде существовавшее хортицкое [2]).

Припомнимъ указанныя раньше королевскія грамоты, изъ которыхъ видно, что козаки, побывавъ на Запорожьи, вновь ищутъ возвращенія въ Украйну и что главными утѣснителями татаръ являются »чабанники«, угоняющіе татарскій скотъ въ украинныя поселенія; сопоставимъ съ ними два королевскіе листа 1561 г.: одинъ къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ черкасскому и каневскому о пропускѣ татарскаго посла, другой къ жителямъ городовъ Черкасъ и Канева съ приказомъ не нападать на имѣющія пройти мимо Черкасъ и Канева татарскія войска. Какъ грамоты, такъ и листы равно указываютъ, что въ то время было только одно украинное козачество, въ противномъ случаѣ король послалъ-бы и на Запорожье такого же содержанія листы, и это значилось-бы въ листахъ къ Ви-

---

[1]) Костомаровъ, »Богданъ Хмельницкій«, изд. 1870 г., т. I, стр. XXIII.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. II, № 134.

шневецкому и жителямъ Черкасъ и Канева, чего въ данномъ случаѣ не видимъ.

Тоже утверждаетъ призваніе Ивонею на помощь себѣ ополченій изъ Украйны. Будь въ 1574 г. отдѣльное запорожское козачество, Ивоня обратился бы къ нему, какъ къ своему ближайшему сосѣду, и въ такомъ случаѣ не пришло-бы въ Молдавію ополченіе изъ Украйны во главѣ семи предводителей, изъ которыхъ главныхъ было два, не выдѣлялись бы въ этомъ случаѣ и тѣ 200 брацлавянъ, которые составляли особый отрядъ съ отдѣльнымъ (не названнымъ) предводителемъ. Запорожскіе козаки явились бы къ Ивонѣ, подчиненные одному лицу, кошевому атаману. Свирчовскій, раздѣлявшій, по словамъ Бѣльскаго, съ Барсаномъ главное предводительство надъ украинными ополченіями, былъ въ этомъ случаѣ такой же гетманъ, какимъ былъ въ свое время дьякъ Ржевскій, когда къ нему пристали для похода въ Крымъ низовые козаки съ атаманомъ Млинскимъ и Михаиломъ Есковичемъ[1]), какимъ былъ въ пору своего козакованья Дмитрій Вишневецкій, какимъ бывалъ, по Бѣльскому, и дядя его Орнишевскій.

Принявъ все это въ разсчетъ, можно сказать, что стража, которая оставалась на низовьяхъ Днѣпра, при козачьихъ лодкахъ и оружіи, не служитъ признакомъ существованія организованнаго запорожскаго козачества, не представляетъ еще собою запорожской общины; она все таки состояла изъ украинныхъ козаковъ и пополнялась ими. Если и возможно установить какое либо отношеніе этой стражи къ имѣвшей сложиться запорожской общинѣ, то это была одна изъ ступеней въ процессѣ развитія украиннаго козачества, за которой слѣдовало выдѣленіе изъ него въ собственномъ смыслѣ запорожскаго козачества.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Максимовичъ т. I-й, 289.

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1].

XVI. Обратное путешествіе на родину.

Заграничный мой паспортъ былъ безсрочный, я имѣлъ право путешествовать въ чужихъ краяхъ въ теченіи пяти лѣтъ; оставалось еще болѣе трехъ лѣтъ. Родители мои не ограничивали никакимъ срокомъ пребыванія моего за границей; матушка впрочемъ писала, чтобы я не заживался тамъ долго, и чѣмъ скорѣе возвращусь, тѣмъ болѣе удовольствія доставитъ ей мой пріѣздъ.

Первымъ движеніемъ моего сердца было согласоваться съ желаніями матушки, но показаться ей въ тогдашнемъ плачевномъ моемъ состояніи я не рѣшался.

Узналъ, что изъ Марсели недѣли чрезъ двѣ отправляется въ кругосвѣтное плаваніе хорошо устроенный компаніей морскихъ путешествій пароходъ. Путешествіе должно было продолжаться два съ половиной года; плата за каюту перваго класса съ продовольствіемъ десять тысячъ франковъ. Плаваніе вокругъ свѣта заинтересовало меня, оно мнѣ представлялось необходимымъ развлеченіемъ; я спросилъ программу путешествія, въ которой обозначены были мѣста стоянки и вре-

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., іюньск. кн., стр. 239—266.

мя посѣщенія новыхъ, невѣдомыхъ мнѣ странъ. Программа мнѣ понравилась, и я рѣшился на кругосвѣтное плаваніе, не смотря на отвращеніе къ долгимъ переѣздамъ моремъ.

Съ вещами присланными Натаномъ, между которыми находился и драгоцѣнный для меня портретъ Наины, получилъ я письмо Леи. Оно дышало дружеской привязанностью, родственной любовью. Лея поняла, что пріѣхать въ Малагу я не могъ, просила не забывать ее, любить по прежнему, писать почаще.

Отъ графа П. имѣлъ извѣстія довольно благопріятныя: маркизу стало лучше, и докторъ не сомнѣвался въ скоромъ и совершенномъ его выздоровленіи. Тяжелый камень свалился съ моей совѣсти; я вздохнулъ свободнѣе, вознесъ теплую благодарственную молитву Богу: я не былъ убійцей. Въ воспоминаніе этого радостнаго событія, я далъ обѣтъ: никогда не употреблять оружія безъ особенной надобности самосохраненія, воздерживаться и воздерживать другихъ отъ дуэлей.

Въ день назначенный для взятія билета и подписанія условія на кругосвѣтное плаваніе я получилъ письмо отъ матушки. Оно было отвѣтомъ на увѣдомленіе о кончинѣ Наины, посланное мною изъ Севильи. Матушка требовала немедленнаго моего возвращенія. Воля обожаемой мною матери была для меня священна; въ сердцѣ моемъ не было другой привязанности; при мысли о скоромъ свиданьи съ матушкой я ожилъ, окрѣпъ и, нигдѣ не останавливаясь, прибылъ въ Дрезденъ, взявъ самый краткій путь на Ліонъ, Мецъ, Мангеймъ, Франкфуртъ и Веймаръ.

Предъ отъѣздомъ изъ Марсели поблагодарилъ я письменно графа П. за добрую вѣсть о маркизѣ и написалъ длинное посланіе Леѣ, извѣстивъ ее, что возвращаюсь на родину, куда просилъ адресовать ея письма.

Въ числѣ вещей, присланныхъ изъ Малаги, была и віолончель. Однажды въ Марсели вздумалось мнѣ поиграть на ней; звуки моего гварнерія сильно разстроили меня, голосъ віолончели такъ живо напомнилъ мнѣ пѣніе Наины, что я продолжать не могъ, разбилъ драгоцѣнный инструментъ въ дребезги и затопилъ ими каминъ. Съ тѣхъ поръ никогда уже не игралъ я на віолончели.

При переѣздѣ изъ Веймара въ Дрезденъ мнѣ досталось внутреннее, среднее мѣсто въ большомъ шестимѣстномъ дилижансѣ; ѣхали тихо, какъ ѣздятъ въ Германіи. Не смотря на ноябрь, погода стояла теплая; въ дилижансѣ съ поднятыми стеклами было душно, я едва могъ дышать, не совсѣмъ зажившая рана на губѣ начинала меня безпокоить. Въ угловыхъ мѣстахъ, на лѣво, сидѣла почтенная дама, напротивъ какой-то старикъ нѣмецъ. Я попросилъ у нихъ позволенія открыть окно, они вѣжливо отвѣтили, что просятъ не отворять: у дамы болѣли зубы, старикъ кашлялъ. Я обратился къ счастливымъ обладателямъ угловыхъ мѣстъ правой стороны; рядомъ со мною сидѣлъ какой-то толстый краснощекій бюргеръ, противъ него рыжій англичанинъ. Я заявилъ о моемъ желаніи англичанину; представитель Альбіона отвѣтилъ, что ничего противъ этого не имѣетъ и самъ желалъ опускать стекло, но нѣмецъ не дозволилъ; я обратился къ бюргеру и получилъ отвѣтъ, что какъ онъ сидитъ у окна, то можетъ имъ распоряжаться по своему усмотрѣнію и открыть не дозволитъ. Какъ ни старался я его убѣдить, что право открывать окна принадлежитъ всѣмъ путешественникамъ, а не ему одному, онъ стоялъ на своемъ и оставался непреклоненъ. Я выбилъ стекло, и свѣжій осенній воздухъ оживилъ меня. Бюргеръ былъ внѣ себя отъ негодованія, началъ кричать, остановилъ дилижансъ. Съ меня взяли за разбитое стекло, но до Дрездена оно не было вставлено. Англичанину очень понравилась моя выдумка, и онъ благодарилъ меня.

Въ Дрезденѣ я остановился въ hôtel de Saxe, въ томъ самомъ номерѣ, изъ котораго уѣхалъ съ Наимой. Хотѣлъ остаться день, другой, но заболѣлъ и прожилъ тамъ три недѣли.

Сильная боль въ груди съ кровохаркапьемъ свалила меня съ ногъ; нравственное мое состояніе было еще хуже. Послалъ за Вальтеромъ; онъ мнѣ помогъ, но не хотѣлъ отпустить скоро изъ Дрездена. Ганфстенгель постоянно сидѣлъ у меня, бралъ съ собою свою работу, прилежно ею занимался, развлекая меня своими разсказами и ухаживая за мною, какъ родной. Я просилъ снять копію съ портрета Наимы, онъ исполнилъ это охотно и очень удачно. Я ее послалъ Леѣ.

Въ самомъ грустномъ, плачевномъ расположеніи духа находился я: и болѣзнь, и душевныя страданія, и нетерпѣніе возвратиться на ро-

диву терзали меня. Когда оставался одинъ, цѣлые часы проводилъ я въ самозабвеніи, не отрывая взоровъ отъ портрета Наимы, и не разъ горячія слезы струились изъ глазъ моихъ....

Однажды я легъ спать позже обыкновеннаго и долго не могъ заснуть; во снѣ или на яву вижу Наиму; съ грустной улыбкой на блѣдныхъ устахъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: благодарю, не забылъ ты меня, мой другъ; не печалься, не тужи, мы увидимся, хотя не скоро. Наима поцѣловала меня въ лобъ, то было прикосновеніе мрамора. Видѣніе исчезло.

Безсонница продолжалась, я забылся только къ свѣту. И грезится мнѣ старикъ К; покрытый бѣлымъ саваномъ, съ сверкающими глазами; гробовымъ голосомъ спрашиваетъ меня: что сдѣлалъ ты съ Наимой? Я ему отвѣтилъ: Наима умерла.

— Ты убилъ мою Наиму, ты преждевременно свелъ въ могилу ея отца. Будь.....

— Не проклинай меня, никто не могъ любить Наиму такъ сильно, какъ я любилъ, и вѣрь мнѣ: я бы отдалъ мою жизнь, что-бы возвратить жизнь Наимы.

— Прошедшаго не воротишь, мертвыхъ не воскресишь, но безъ кары не останешься: кого-бъ ты не полюбилъ, къ кому бы искренно, глубоко ни привязался, всѣ будутъ умирать, какъ умерла дочь моя, моя Наима. Ты отвергъ ея сына, и не будетъ у тебя сыновей.

Кровь въ жилахъ оледѣнѣла, мнѣ стало страшно; въ мгновенье, когда я хотѣлъ броситься къ К. и просить его измѣнить суровый, не справедливый приговоръ, старикъ исчезъ, бросивъ на меня взглядъ, полный ненависти.

Съ разсвѣтомъ я вновь уснулъ, и вижу третій сонъ, скорѣе третье видѣнье. То былъ сѣдой, какъ лунь старикъ, черты его лица были мнѣ знакомы, но я никакъ не могъ припомнить, гдѣ его я видѣлъ.

— Тебя грызетъ тоска, тебя мучитъ сомнѣнье на счетъ твоего здоровья, сказалъ онъ мнѣ. Не унывай: тяжкая потеря надолго оставитъ глубокіе слѣды въ душѣ твоей; но тѣлесныя силы вскорѣ окрѣпнутъ, ты будешь жить.

— Для чего жить, когда нѣтъ жизни въ сердцѣ? Существовать, прозябать, какая въ этомъ польза?

— Живи и надѣйся. Время врачуетъ. А жить тебѣ еще долго.

— Долго, говоришь ты?

— Ты любопытенъ, значитъ, хочешь жить; хочешь знать, долго-ли проживешь? Могу исполнить твое тайное желаніе: на твоемъ письменномъ столѣ купленный въ Амстердамѣ ящикъ съ сигарами, не такъ давно начатый; сочти сигары, и сколько ихъ будетъ, столько лѣтъ тебѣ еще жить съ завтрешняго дня.

— Благодарю за предсказанье, сигары будутъ сочтены. Скажи лишь, кто ты? Твой голосъ, твое лицо мнѣ издавна знакомы.

— Если-бы ты чаще вспоминалъ обо мнѣ, еслибы слова мои, сказанныя тебѣ въ Кіевѣ, рѣзче напечатлѣлись въ твоей памяти, быть можетъ плачевное состояніе, въ которомъ ты находишься теперь, и не было-бы твоимъ удѣломъ. Прощай, не заживайся здѣсь, тебя ждетъ любящее сердце матери.

Я очнулся и вспомнилъ, что послѣднимъ видѣніемъ былъ старикъ, котораго я встрѣтилъ въ Кіевѣ, послѣ ссоры съ Каровскимъ, у развалинъ масонской ложи.

Не придавая особеннаго значенія его предсказанью, я впрочемъ пересчиталъ сигары, запечаталъ ящикъ и предположилъ выкуривать по одной сигарѣ каждый годъ въ день моего рожденія. Въ ящикѣ оставалось пятдесятъ сигаръ, мой двадцать третій годъ былъ на исходѣ.

Второе видѣнье тревожило меня. Я просилъ Ганфстенгеля справиться въ конторѣ дрезденскаго К. о его берлинскомъ родственникѣ. Вообразите мое смущеніе, мой ужасъ, когда Ганфстенгель возвратился съ отвѣтомъ, что отецъ Наимы скончался скоропостижно въ Берлинѣ, получивъ извѣстіе изъ Испаніи о смерти его младшей дочери. Страшно отозвались въ душѣ моей слова привидѣнья.

Невольно мысли мои обратились къ Наимѣ, взглядъ остановился на ея портретѣ, и первое видѣнье предстало воображенію моему; возобновились въ памяти, въ сердцѣ моемъ, дни счастья и любви, вселилась въ душу твердая надежда на свиданіе за гробомъ..

Молодость вскорѣ осилила болѣзнь. Оправившись, я остался еще нѣсколько дней въ Дрезденѣ, совершалъ отдаленныя прогулки по совѣту доктора Вальтера и познакомился со многими русскими путешественниками, въ числѣ которыхъ находился художникъ Рамазановъ, пріѣхавшій въ Дрезденъ изъ Петербурга съ Бальзакомъ. Чрезъ Позенъ я отправился въ Варшаву. Въ Познани разсказывали о выстрѣлахъ сдѣланныхъ въ экипажъ государя Николая Павловича при обратномъ его путешествіи изъ Берлина. Темная исторія; злоумышленники никогда не были открыты.

Въ Варшавѣ я остался три дня, остановился въ Европейской гостинницѣ. Вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда, слышу въ сосѣднемъ номерѣ звуки гитары и мотивъ испанскаго танца: *ола*. Заинтересованный въ высшей степени, призываю служителя, чтобы узнать, кто квартируетъ рядомъ со мною. Сосѣдкой оказывается Лола Монтесъ. Я немедленно отправился къ ней. Лола была въ самомъ дурномъ расположеніи духа: утромъ на репетиціи она дала пощечину оберъ-полицмейстеру Абрамовичу, завѣдывавшему варшавскими театрами, и князь намѣстникъ, какъ звали Паскевича, приказалъ ей выѣхать въ 24 часа изъ Варшавы за границу. Лола Монтесъ тотчасъ меня узнала, очень мнѣ обрадовалась, повеселѣла, и мы въ двоемъ провели весь вечеръ; вспоминали о Листѣ, о Берлинѣ; Лола разсказала нѣсколько новыхъ эпизодовъ изъ своей, обильной приключеніями жизни, много говорили объ Испаніи... Утромъ Лола отправилась въ Берлинъ, я въ Кіевъ. Хороша была она; но дикая, необузданная, страстная натура, излишняя свобода въ обращеніи, нахальство, доходившее до невѣроятія, дѣлали ее сиреной опасной для неопытныхъ молодыхъ людей и въ особенности для старцевъ ловеласовъ.

Варшава не произвела на меня особенно пріятнаго впечатлѣнія; городъ грязный, но довольно оживленный. Варшавянки не дурны собою, развязны, кокетливы и, говорятъ, не очень строгихъ нравовъ.

Утомленный ѣздой на почтовыхъ, отъ Кременца до Кіева я нанялъ еврея, у котораго былъ рессорный крытый экипажъ, по мѣстному названію: кочь-карета. Полякъ, помѣщикъ волынской губерніи Д., былъ моимъ попутчикомъ. Я съ нимъ много говорилъ и въ качествѣ больного дремалъ постоянно, начиналъ жить воспоминаніями.

За Кременцомъ, верстахъ въ тридцати, еврей заѣхалъ въ корчму, чтобы напоить лошадей; попутчикъ мой отправился въ корчму, я оставался въ экипажѣ. Подъѣхала тройка съ колокольчикомъ, изъ повозки выскочилъ чиновникъ съ краснымъ околышкомъ на фуражкѣ. Онъ вошелъ въ корчму, потомъ подошелъ ко мнѣ и на польскомъ языкѣ спросилъ мой паспортъ. Окончаніе моей фамиліи на-*цкій* дало ему поводъ принять меня за поляка. Чиновникъ начинаетъ говорить, что паспортъ у меня *кепскій* и что дальше я ѣхать не могу. Это меня крайне удивило; я отвѣтилъ по польски, что паспортъ мой въ порядкѣ, вездѣ визированъ и даже прописанъ въ Варшавѣ; чиновникъ ушелъ. Является еврей и объявляетъ, что становой приставъ приказалъ отпречь лошадей и требуетъ меня для объясненій. Внѣ себя отъ негодованія, я объяснился съ нимъ на такомъ чисто русскомъ языкѣ и такими энергическими выраженіями, которыя не представляли никакого сомнѣнія въ моей національности; упомянулъ и о Бибиковѣ. Объясненія мои такъ подѣйствовали на станового, что онъ началъ извиняться, тотчасъ отдалъ мнѣ паспортъ и велѣлъ запрягать нашихъ лошадей. Могущественное вліяніе полиціи въ юго-западномъ краѣ было такъ велико, что ни отъ извощика, ни отъ еврея, содержавшаго корчму, я не могъ узнать фамилію становаго. Попутчикъ мой сталъ обращаться со мною съ большимъ подобострастіемъ, услыхавъ, что я знакомъ съ Бибиковымъ, и увидавъ, что могу, не откупаясь, отдѣлываться грозными фразами отъ несправедливыхъ требованій полиціи.

Безъ всякихъ приключеній, благополучно прибылъ я въ Кіевъ. Помѣщикъ Д. поручалъ себя моей памяти и просилъ протекціи. Я имѣлъ возможность оказать ему позже нѣкоторыя услуги.

Въ Кіевѣ я пробылъ недолго. Посѣтилъ дядю Лукашевича на его дачѣ. Тетушка скончалась во время моего путешествія. Извѣстіе о ея кончинѣ я получилъ, уѣзжая изъ Дрездена съ Наимою; дядя, извѣщая о смерти тетушки, въ письмѣ своемъ просилъ меня возвратиться немедленно въ Кіевъ, имѣя намѣреніе передать мнѣ на извѣстныхъ условіяхъ недвижимое свое имѣніе въ полтавской губерніи. Но изъ за сдѣлки этой я не могъ разстаться съ Наимою въ первое время моего съ нею сближенія; отвѣтилъ дядѣ благодарностью и просьбою подо-

ждать моего возвращенія или обратиться къ моему отцу по этому дѣлу. Дальнѣйшей переписки не послѣдовало. Дядя Платонъ Яковлевичъ былъ очень радъ моему возвращенію, принялъ меня со слезами на глазахъ и выразилъ большое сожалѣніе, что я опоздалъ. Оказалось, что за двѣ недѣли до моего прибытія въ Кинь-грусть, дядя, удрученный годами и болѣзнію и обремененный долгами, передалъ свое имѣніе другому племяннику Ивану Яковлевичу Лукашевичу, съ условіемъ, чтобы онъ взялъ на себя уплату всѣхъ долговъ и давалъ дядѣ пожизненное содержаніе въ четыре тысячи рублей въ годъ.

Этого племянника тетушка терпѣть не могла, да и дядя не очень любилъ. Обезображенный до нельзя оспой, дурно воспитанный, грубый и скупой до невѣроятія, Иванъ Яковлевичъ былъ въ высшей степени антипатиченъ, но имѣлъ громадное состояніе и живя постоянно въ деревнѣ, пользовался въ своемъ околоткѣ извѣстнымъ почетомъ. Домъ въ Кіевѣ и дачу Кинь-грусть тетушка оставила въ пожизненное владѣніе дяди, а по смерти его завѣщала своимъ племянницамъ Гинцъ.

Хотя имѣніе дяди и было довольно значительное, но уплата долговъ и выплата содержанія могли-бы поставить меня въ затруднительное положеніе: хозяйственными дѣлами я никогда не занимался и не имѣлъ къ нимъ наклонности. Признаюсь, я былъ отчасти радъ, что сдѣлка эта не состоялась въ мою пользу; стяжательность и разсчетливость никогда не были моимъ удѣломъ. Притомъ надъ совѣстью моею тяготѣлъ долгъ довольно значительный по тогдашнему моему положенію. Я считалъ себя обязаннымъ возвратить Леѣ десять тысячъ талеровъ, подаренныхъ ею Наимѣ и издержанныхъ нами, упоминалъ объ этомъ Леѣ въ одномъ изъ писемъ; она отвѣтила, что никогда не приметъ отъ меня денегъ, данныхъ на путешествіе и гардеробъ сестры; тѣмъ не менѣе требованіе совѣсти возлагало на меня обязанность разсчитаться съ Леей рано или поздно. Поэтому принять на себя еще долги дяди, хотя и обезпеченные имѣніемъ, казалось мнѣ дѣломъ очень рискованнымъ.

Въ Кіевѣ я поѣхалъ къ Димитрію Гавриловичу Бибикову. Былъ принятъ очень благосклонно. Просидѣлъ у него болѣе часу. Распрашивалъ о познанскомъ происшествіи, о моихъ путешествіяхъ и о впечатлѣніи, произведенномъ за границей книгой Кюстина la Kupie et les Kupes;

остался очень доволенъ моими разсказами. При прощаньи спросилъ, что располагаю дѣлать и не желаю-ли поступить на службу. Я ему отвѣтилъ, что ѣду въ деревню и переговоривъ съ отцемъ и матушкой, приму рѣшеніе, согласное ихъ желаніямъ.

Служить слѣдуетъ, возразилъ Бибиковъ, пожимая мнѣ руку: захотите служить въ Кіевѣ — милости просимъ. Кланяйтесь батюшкѣ.

Трудно описать восторгъ, съ какимъ встрѣтила меня матушка послѣ долгой разлуки. Отца не было дома, онъ уѣхалъ въ уѣздный городъ по своимъ предводительскимъ дѣламъ.

Сестры Софія и Марія, окончивъ воспитаніе въ полтавскомъ институтѣ, были съ матушкой. Я ихъ не видѣлъ нѣсколько лѣтъ и нашелъ въ нихъ большую перемѣну къ лучшему. Болѣе другихъ любилъ я сестру Софію Димитріевну Бразоль, за ея доброе сердце, притомъ она была похожа на матушку.

Помолившись въ образной, въ спальнѣ моей матери, я разсказалъ матушкѣ мои отношенія къ Наимѣ. Все утро мы провели вмѣстѣ; счастливыя и печальныя воспоминанія давали пищу откровенному разговору. Къ обѣду возвратился отецъ и обошелся со мною очень ласково.

Отецъ мой былъ занятъ хозяйствомъ и дѣлами по должности; всѣ собирались, какъ водится въ деревнѣ, къ утреннему и вечернему чаю и къ обѣду. Утро я всегда проводилъ въ бесѣдѣ съ матушкой, и чѣмъ дальше говорили мы другъ съ другомъ, тѣмъ больше убѣждался я въ высокихъ нравственныхъ качествахъ и замѣчательномъ ея умѣ, тѣмъ сильнѣе становилась привязанность моя къ ней. Смотрѣть ей въ глаза, угадывать каждое желаніе, предупреждать всякую просьбу было для меня истиннымъ наслажденіемъ; казалось, всѣ силы моего осиротѣвшаго сердца сосредоточились на ней, и матушка была единственнымъ предметомъ нѣжности моихъ чувствъ. Съ нею одной дѣлилъ я время очень пріятно и былъ вполнѣ откровененъ.

Матушка и Софія разучили мою симфонію, играли и часто на фортепьяно въ четыре руки; я дирижировалъ, потомъ матушка исполняла одну изъ любимыхъ моихъ сонатъ Бетховена и каждый день заставляла меня импровизировать.

Усадьба наша лежитъ на большой почтовой дорогѣ на Кіевъ, не проходило дня, что-бы кто нибудь не посѣтилъ насъ; посѣщенія эти мнѣ крѣпко надоѣдали. Скучные сосѣди забрасывали меня разспросами о путешествіи; разсказывать каждому мои впечатлѣнія было утомительно, невеселое расположеніе духа и пустота деревенской болтовни заставляли меня удаляться къ себѣ во флигель, гдѣ я занимался чтеніемъ и приведеніемъ въ порядокъ моихъ путевыхъ замѣтокъ.

Настали рождественскія святки, сосѣди стали учащать, нелюбезность моя увеличивалась. Матушка могла удѣлять мнѣ не много времени и просила быть привѣтливѣе съ посѣтителями. Какъ ни старался я исполнить ея желаніе, удавалось не всегда. Наконецъ и мы въ свою очередь должны были сдѣлать нѣсколько визитовъ. Всѣ были для меня невыносимо скучны, къ счастію посѣщенія ограничивались поѣздками на одинъ день къ ближайшимъ сосѣдямъ. На праздникахъ мы всѣ поѣхали въ Яготинъ къ князю Николаю Григорьевичу Репнину. Мои воротились въ тотъ же день, я провелъ тамъ нѣсколько дней.

Послѣ долговременнаго пребыванія за границей, Репнины: князь съ княгиней и дочерью, княжной Варварой Николаевной поселились въ Яготинѣ. Тамъ-же жилъ тогда и сынъ князя, Василій Николаевичъ, женатый на Балабиной.

Княгиня, рожденная Разумовская, была тѣломъ стара, но привѣтлива и любезна. Князь Николай Григорьевичъ (Волконскій), внукъ знаменитаго фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина, принявшій въ родѣ по женскому колѣну фамилію Репнинскихъ, былъ еще очень бодръ и обладалъ необыкновенною памятью. Отлично образованный, замѣчательно умный, привѣтливый и гостепріимный, онъ занималъ важный постъ вице-короля Саксоніи послѣ отечественной войны и потомъ долгое время былъ генералъ-губернаторомъ малороссійскимъ.

Управляя Саксоніей, получалъ очень ограниченное содержаніе и издержалъ на представительство болѣе милліона ассигнаціонныхъ рублей изъ своихъ средствъ, вслѣдствіе чего вошелъ въ значительные долги. Обѣщано было уплатить изъ казны издержанные Репнинымъ деньги, но по необъяснимому великодушію мы не брали контрибуцій, не взыскивали военныхъ издержекъ, и суммы, издержанныя Репнинымъ, не были

возвращены. Въ царствованіе государя Николая Павловича, въ тридцатыхъ годахъ, по доносу сдѣланному Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ, Репнинъ былъ удаленъ отъ должности малороссійскаго генералъ-губернатора, на имѣніе его наложено запрещеніе, назначено слѣдствіе, обвиняли князя въ незаконномъ расходованіи казенныхъ денегъ.—Долги росли, одно изъ значительныхъ имѣній князя продано съ публичнаго торга (Почепъ, купленный Клейнмихелемъ), въ концѣ концевъ оказалось, что князь былъ виновенъ въ неправильномъ позаимствованіи изъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія девятнадцати тысячъ рублей для окончанія постройки полтавскаго института. Между тѣмъ дѣло длившееся около десяти лѣтъ совершенно его разорило, и еслибы не состояніе, довольно значительное, княгини, князь былъ-бы лишенъ всѣхъ средствъ къ существованію.

Князь Николай Григорьевичъ, знававшій меня еще ребенкомъ, посѣщая часто нашъ домъ по пути изъ Повисовъ въ Яготинъ, принялъ меня въ высшей степени любезно и я провелъ у него два дня въ постоянныхъ разговорахъ, по большей части, съ старикомъ княземъ въ кабинетѣ. Не было новой книги мало-мальски замѣчательной, которую князь не прочелъ-бы; разговоръ его бывалъ интересенъ и поучителенъ. Любилъ вспоминать и старину, но ни слова о несправедливостяхъ, которыхъ былъ жертвой; единственнымъ проявленіемъ его неудовольствія въ этомъ отношеніи была раздача добрымъ знакомымъ портретовъ императоровъ изъ его обширной и замѣчательной картинной галлереи. Между прочимъ, портретъ Александра I-го во весь ростъ, превосходная копія Доу, достался моему отцу, особенно преданному памяти Благословеннаго.

Княжна Варвара Николаевна, энергичная, легко увлекавшаяся дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ, худая, тоненькая, съ большими, живыми выразительными глазами, не могла скрывать своего негодованія на неблагодарность къ заслугамъ ея отца. Вспыхивала, какъ порохъ, при малѣйшемъ намекѣ на дѣла минувшихъ лѣтъ, но добрая, остроумная, милая и любезная, она была провидѣніемъ бѣдныхъ и несчастныхъ, раздавала, что у ней было, и принимала самое теплое участіе во всѣхъ прибѣгавшихъ къ ея помощи и совѣту.

Изъ постороннихъ въ то время жили въ Яготинѣ двѣ личности обращавшія на себя вниманіе. Въ качествѣ домашняго доктора находился постоянно Фишеръ, вывезенный княземъ изъ Саксоніи, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Гуфланда, очень умный, образованный, симпатичный человѣкъ и отличный медикъ. Проживалъ временно въ Яготинѣ въ одномъ изъ многочисленныхъ флигелей Шевченко, живописецъ по профессіи и поэтъ по призванію. Средняго роста, широкоплечій, крѣпкаго и здороваго тѣлосложенія, рябой, съ мутными карими, неглупыми глазами, угловатый, неуклюжій, не чесанный, не мытый, болѣе чѣмъ небрежно одѣтый—вотъ наружность Тараса Шевченки, далеко не изящная. Какъ живописецъ, онъ мало извѣстенъ: рисовалъ довольно посредственно; какъ поэтъ былъ замѣчателенъ чистотою малороссійскаго языка, плавнымъ, мѣрнымъ стихомъ, звучными строфами, задушевнымъ чувствомъ, мягкою сердечностью; его Кобзарь, въ особенности его Катерина можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній въ этомъ родѣ. Но въ Гайдамакахъ Шевченкѣ недоставало священного огня, проявленія страсти, широкой кисти, увлекательнаго дѣйствія, характеризующихъ историческую драму.

Какъ человѣкъ..., но de mortuis aut bene, aut nihil, въ особенности принимая во вниманіе тяжкую судьбу, постигшую несчастнаго поэта.

Старые князь и княгиня удалялись тотчасъ послѣ вечерняго чая въ свои комнаты; мы, оставшись съ молодыми Репнинными, съ княжной, заставляли Шевченку читать Катерину и неизданныя имъ стихотворенія; расходились рано. Ко мнѣ обыкновенно приходилъ Фишеръ и Шевченко, болтали до поздней ночи. Разсказы Фишера были очень интересны; онъ ѣздилъ въ Египетъ, на мысъ Доброй Надежды и знакомилъ насъ съ этими отдаленными странами.

Шевченко говорилъ о своемъ прошедшемъ и, казалось, былъ совершенно доволенъ настоящимъ.

Уроженецъ кіевской губерніи, Шевченко принадлежалъ къ семейству крѣпостныхъ крестьянъ, помѣщика Э. Въ былое время помѣщики отправляли крѣпостныхъ мальчиковъ въ Петербургъ для изученія какого нибудь ремесла. На долю Шевченка выпало малярное искусство; мальчикъ вскорѣ оказалъ такіе успѣхи, что его опредѣлили въ ака-

демію художествъ, и живопись сдѣлалась его постояннымъ занятіемъ. Онъ рисовалъ портреты. Какой-то генералъ заказалъ ему свой портретъ за сто рублей ассигнаціями. Портретъ, нарисованный Шевченкомъ, не понравился заказчику; генералъ предлагалъ впрочемъ взять портретъ за половину цѣны. Шевченко обидѣлся и не согласился; замѣнивъ мундиръ и эполеты бѣлой рубахой, онъ сдѣлалъ изъ портрета генерала вывѣску цирульника. Генералъ, проѣзжая однажды мимо цирульни, увидѣлъ себѣ на вывѣскѣ и пришелъ въ сильное негодованіе. Помѣщикъ Э. случился въ то время въ Петербургѣ; генералъ просилъ его продать ему Шевченку, предлагая двѣ тысячи рублей. Э. согласился. Шевченко писалъ уже стихи и былъ нѣсколько извѣстенъ Жуковскому. Видя немнуемую бѣду, Шевченко обратился къ знаменитому поэту. Жуковскій доложилъ императрицѣ о горькой участи Шевченки. Э—ду заплатили требуемый выкупъ и, по милости государыни, Шевченко былъ свободенъ отъ крѣпостной зависимости. Выкупъ былъ сдѣланъ посредствомъ розыгрыша въ лотерею портрета Жуковскаго, написаннаго по этому случаю Брюловымъ; нѣтъ надобности упоминать, что императрица взяла всѣ билеты. Какъ ни была черства душа человѣка, она должна была проникнуться священной благодарностью, и чѣмъ болѣе безобразія представляло крѣпостное право, тѣмъ глубже, *тѣмъ сильнѣе* должна была быть благодарность за освобожденіе; увидимъ далѣе, какъ поступилъ Шевченко въ этомъ отношеніи.

Нѣсколько разъ игралъ я на фортепьяно въ Яготинѣ, и музыка моя очень нравилась; Варвара Николаевна предложила мнѣ написать оперу, либретто взялся составить Шевченко, сюжетомъ избрали Мазепу. Сюжетъ для оперы дѣйствительно богатый. Много драматизма, дѣйствія, разнородные элементы: велико и малорусскій, шведскій, польскій. Но въ разработкѣ драмы и въ языкѣ либретто мы расходились. Всѣ стояли за личность Мазепы и хотѣли представить его поборникомъ свободы въ борьбѣ съ деспотизмомъ Петра. Хотя Петръ никогда не былъ моимъ героемъ, но въ дѣйствіяхъ Мазепы я не находилъ также ничего героическаго и желалъ представить его такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Въ пылу спора у меня сорвалось слово: измѣнникъ, и мы чуть-чуть изъ за этого не разсорились. Варвара Ни-

колаевна и Шевченко хотѣли, чтобы либретто было написано на малорусскомъ языкѣ, я былъ противоположнаго мнѣнія и увѣрялъ, что Шевченко владѣетъ на столько русскимъ языкомъ, что хорошо напишетъ либретто; если писать оперу, говорилъ я, такъ писать оперу серьозную и на языкѣ обще-доступномъ, а не какую нибудь Наталку-Полтавку. Каждый остался при своемъ мнѣніи, тѣмъ дѣло и кончилось въ Яготинѣ.

Огромный деревянный яготинскій домъ, окруженный паркомъ въ полтораста десятинъ, съ закругленною рѣкой, представлялъ удобное и вполнѣ барское помѣщеніе. Исторія этого дома очень занимательна. Онъ былъ построенъ въ Кіевѣ гетманомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, на Печерскѣ, въ одной изъ лучшихъ мѣстностей надъ Днѣпромъ. Пріѣзжаетъ однажды къ бывшему гетману кіевскій комендантъ и докладываетъ ему, что на лѣто ожидаются многочисленныя войска, направляемыя чрезъ Кіевъ въ Турцію, и проситъ позволенія назначить въ домѣ Разумовскаго временный постой, наравнѣ съ другими обывателями. Кирилло Григорьевичъ изъявляетъ согласіе, но потомъ раздумался; пишетъ приказъ въ Яготинъ, чтобы немедленно выслали въ Кіевъ три тысячи подводъ и столько же крестьянъ съ топорами. Въ нѣсколько дней домъ былъ разобранъ и перевезенъ въ Яготинъ. Неправда-ли, оригинальный способъ избавиться отъ постоя? Домъ, какъ былъ, такъ и поставленъ въ Яготинѣ, а мѣсто въ Кіевѣ и флигеля Разумовскій подарилъ Трощинскому. Усадьба эта принадлежитъ теперь инженерному вѣдомству.

Ѣздилъ я потомъ въ Дехтяри, помѣстье Петра Григорьевича Галагана. Онъ былъ женатъ на Софіи Александровнѣ К., сестрѣ мужа моей кузины, о которой упоминалъ выше. Петръ Григорьевичъ былъ еще не старый, но болѣзненный человѣкъ, типъ богатаго малороссійскаго помѣщика, получившаго порядочное образованіе въ прежнее время. Софія Александровна была премилая и въ высшей степени любезная женщина. Громадный барскій домъ, великолѣпный садъ съ огромными оранжереями, безчисленною прислугою, большой и превосходный оркестръ дѣлали Дехтяри однимъ изъ пріятнѣйшихъ домовъ въ Малороссіи. Капельмейстеромъ былъ нѣмецъ Краузе, отличный музыкантъ; первая

скрипка: крѣпостной Артемъ, проживший три года въ Дрезденѣ; онъ бралъ уроки на счетъ барина у Липинскаго; другіе солисты были также очень недурны. Очень отчетливо исполнили двѣ Бетховенскія симфоніи, сыграли хорошо и мою, а также нѣсколько увертюръ. Краузе хвалилъ мои произведенія, но какъ опытный капельмейстеръ посовѣтовалъ измѣнить оркестровку въ двухъ мѣстахъ моей симфоніи, что я тутъ-же и сдѣлалъ; эффектъ дѣйствительно былъ лучше прежняго. Разговорились мы какъ то съ Петромъ Григорьевичемъ о музыкѣ и объ окрестныхъ оркестрахъ. Я назвалъ Тарновскаго, Григорія Степановича.

Его оркестръ, сказалъ мнѣ Петръ Григорьевичъ, гораздо хуже моего, инструменты плохіе, капельмейстеромъ свой крѣпостной, да и самъ Григорій Степановичъ ни чего не смыслитъ въ музыкѣ, не знаетъ ни одного иностраннаго языка, ничему не учился. Ѣздилъ именно Тарновскій за границу лѣчиться, ни съ кѣмъ не могъ объясняться, и вообразите, претендуетъ, что его вездѣ принимали за турка; гдѣ ему дураку быть туркомъ. Насмѣшилъ меня Петръ Григорьевичъ своею антипатіей къ Тарновскому. Оказалось, что они соперничали во всемъ, но Галаганъ стоялъ несравненно выше своего сосѣда, съ которымъ мнѣ суждено было вскорѣ познакомиться.

У родственницы нашей Татьяны Густавовны Волховской въ день ея именинъ 12-го января бывалъ всегда пиръ горой. Старушка не имѣла дѣтей и прямыхъ наслѣдниковъ, жила открыто и издерживала всѣ свои доходы, довольно значительные—на пріемы, содержаніе огромнаго сада и большого дома. Домороценный, многочисленный, но плохой оркестръ, отличный хоръ пѣвчихъ, пополняемый мужской и женской прислугой, дворня, состоявшая изъ полутораста человѣкъ, старая нѣмка Каролина Антоновна, разливавшая чай, вотъ обстановка Татьяны Густавовны.

Въ большіе праздники всегда бывало много гостей въ Мосевкѣ, помѣстьѣ Волховской, но къ 12 января съѣзжались не только ближайшіе сосѣди, но изъ дальныхъ мѣстностей всѣ ея знакомые. Собирались обыкновенно наканунѣ и проводили дня три, четыре у гостепріимной хозяйки.

На перепутьи къ намъ заѣзжали также многіе, въ томъ числѣ и Григорій Степановичъ Тарновскій съ супругой Анной Дмитріевной, рожденной Алексѣевой, внучатой сестрой моего отца, и съ племянницей Анны Дмитріевны, дѣвицей Троциной.

Григорій Степановичъ человѣкъ уже очень пожилыхъ лѣтъ, но бодрый, сухой, высокій, съ огромнымъ ястребинымъ носомъ и маленькими глазами, былъ типомъ мѣщанина. Толстая золотая цѣпочка для часовъ, спускавшаяся съ шеи по жилету, брилліантовыя запонки, кольца съ драгоцѣнными камнями были принадлежностями его повседневнаго туалета. Высокопарная рѣчь, по большей части безсмысленная, сознаніе своего достоинства, въ существѣ заключавшагося только въ богатствѣ и званіи камеръ-юнкера, пріобрѣтенномъ въ 60 лѣтъ не большими пожертвованіями, но сытными обѣдами въ Петербургѣ, посягательство на остроуміе, состоявшее въ предложеніи къ разрѣшенію общеизвѣстныхъ и избитыхъ загадокъ и шарадъ, претензіи на меценатство, ограничивавшееся приглашеніемъ двухъ, трехъ артистовъ на лѣто къ себѣ въ деревню, гдѣ имъ бывало не всегда удобно и пріятно, скупость, доходившая до скряжничества, при желаніи блеснуть и поразить роскошью, вотъ характеристическія черты Григорія Степановича.

Анна Дмитріевна была толстая, неуклюжая, молчаливая, но добрая и въ высшей степени благородная женщина. Особеннымъ умомъ она также не отличалась, недостатокъ этотъ впрочемъ пополнялся обходительностью, благодушіемъ и отсутствіемъ всякихъ претензій.

Старики Тарновскіе жили постоянно какъ голубки, дѣтей у нихъ не было. Они приняли въ домъ, какъ дочь, родную племянницу и крестницу Анны Дмитріевны, Анну Елисѣевну Троцину. Григорій Степановичъ давно передалъ Аннѣ Дмитріевнѣ по купчей крѣпости четыре тысячи душъ лучшаго своего состоянія, у Анны Дмитріевны было также порядочное имѣніе и множество брилліантовъ; все это предназначалось Аннѣ Елисѣевнѣ. Анна Елисѣевна была не хороша собою, но слыла не глупой, скромной и доброй дѣвушкою, получила порядочное домашнее образованіе, такое, какое могутъ дать богатые люди за деньги, не приложивъ къ тому ни надлежащаго личнаго надзора, ни необходимаго руководства и направленія.

Достаточно было легкаго намека моего отца, что Анна Елисѣевна превосходная партія и что не мѣшало-бы мнѣ заслужить ея вниманіе, дабы оттолкнуть меня отъ этой дѣвицы и ея родныхъ.

Съ Анной Дмитріевной я былъ еще довольно любезенъ по родству и по неисчерпаемому ея добродушію; съ Анной Елисѣевной говорилъ очень мало, а Григорій Степановичъ до того дѣйствовалъ на мои нервы, что я съ трудомъ могъ его переносить. У себя я былъ очень вѣжливъ и ни въ чемъ ему не противорѣчилъ; но что было отложено изъ уваженія къ гостю, то съ избыткомъ вознаграждено въ Москвѣ, куда отправились мы всѣ вмѣстѣ 11 января.

Началось съ литературы. Тарновскій, какъ попугай, заучилъ нѣсколько фразъ, когда-то и отъ кого-то слышанныхъ, но совершенно превратно толковалъ ихъ смыслъ; я конечно не оставилъ его безъ возраженій. Перешли къ музыкѣ: Григорій Степановичъ сожалѣлъ, что я, посѣтивъ Галагана, не пріѣхалъ къ нему послушать его оркестръ; я извинился недостаткомъ времени. Зашла рѣчь объ италіянской музыкѣ, потомъ о нѣмецкой: тутъ Тарновскій понесъ такую дичь, что я помиралъ со смѣху и разсмѣшилъ моими замѣчаніями многочисленный кружокъ собравшійся около насъ. Наконецъ Тарновскій перешелъ къ русской музыкѣ, считая себя на твердой почвѣ, по близкому знакомству съ Глинкой, гостившимъ у него въ деревнѣ въ теченіи цѣлаго лѣта. И говорить нечего, что Тарновскій считалъ Глинку непогрѣшимымъ авторитетомъ въ дѣлѣ музыки и геніальнымъ композиторомъ. Отдавая полную справедливость таланту Глинки, я находилъ много недостатковъ въ его „Жизни за Царя“ и имѣлъ неосторожность сказать, что произведеніе это, изобилуя многими превосходными мѣстами, глубокой ученостью и нѣсколькими пѣвучими мелодіями, въ общемъ представляетъ что-то непослѣдовательное, несвязное, неоконченное, что опера лишена драматизма, монотонна и скучна.

Негодованію Григорія Степановича не было конца, но оно дошло до крайнихъ предѣловъ, когда на объясненіе его, какъ сочинялъ Глинка при немъ нѣкоторые номера и потомъ отправлялъ къ Розену для написанія къ нимъ стиховъ, я возразилъ, что въ томъ и состоитъ отчасти ошибка Глинки, такъ какъ никто не пишетъ оперъ, подбирая стихи

подъ музыку, а обыкновенно пишутъ музыку къ либретто и способъ композиціи избранный Глинкою подтверждаетъ сказанное мною о недостаткахъ „Жизни за Царя“.

Кончилось тѣмъ, что мы разстались не совсѣмъ дружелюбно: Григорій Степановичъ не вступалъ болѣе въ разговоръ со мною, но счелъ своею обязанностью пожаловаться на меня моей матушкѣ. Матушка желавшая, чтобы всѣ любили меня, была этимъ огорчена и просила не раздражать Григорія Степановича и обходиться какъ съ нимъ, такъ и со всѣми какъ можно любезнѣе. Достаточно было одного слова моей матушки, чтобы я исполнилъ ея желаніе; старался казаться веселымъ, болталъ съ дамами, пригласилъ даже на кадриль Анну Елисѣевну, не смотря на сильную къ ней антипатію.

Послѣ бала, продолжавшагося три дня въ Мосевкѣ, и пріема гостей у насъ, при обратномъ ихъ путешествіи, пробывъ еще нѣсколько дней дома, я отправился въ Кіевъ вслѣдствіе настоятельной просьбы матушки, желавшей, чтобы я не уѣзжалъ далеко отъ нея и поступилъ-бы на службу, не теряя времени. Меня влекло въ Одессу, къ Воронцову, но я долженъ былъ уступить желанію матушки и рѣшился избрать новое поприще для службы въ Кіевѣ. Судьба вновь привела меня въ этотъ городъ: какъ ни казался мнѣ Кіевъ скучнымъ и безлюднымъ, съ нимъ мирила меня мысль, что я часто буду имѣть возможность видѣться съ матушкой.

(Окончаніе главы и части слѣдуетъ).

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЯГО СТРОЯ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI И XVII ВВ.[1]).

Религіозная жизнь извѣстнаго народа не можетъ развиваться иными путями, отличными отъ тѣхъ, какими совершается развитіе остальныхъ сторонъ его исторической жизни. Поэтому идеи и направленія, руководящія въ данное время жизнью общественною и политическою, непремѣнно отражаются въ событіяхъ жизни церковной. Это положеніе, примѣнимое къ исторіи каждаго народа, находитъ особенно яркое подтвержденіе въ примѣненіи къ прошлой жизни южно-русскаго племени, для котораго вѣра долгое время служила знаменемъ народности. Судьба южно-русской церкви была всегда неразрывно связана съ судьбою его народныхъ началъ, и потому эпохи торжества послѣднихъ были въ тоже время эпохами торжества первой, и наоборотъ. Аналогія эта не ограничивается лишь единствомъ ихъ внѣшней судьбы: она можетъ быть распространена и на внутренній строй жизни церковной и общественной. Какъ извѣстно, основными чертами народнаго южно-русскаго общественнаго строя были всегда стремленіе къ равноправности и къ самоуправленію и выборное начало. Я хочу показать, что тѣ-же черты были основными и для внутренняго церковнаго строя въ южной или, точнѣе, юго-западной Руси и что борьба за сохраненіе ихъ составляетъ главное содержаніе исторіи западно-русской церкви въ XVI и XVII в.в. Само собою разумѣется, что, во вниманіе къ условіямъ мѣста и вре-

[1]) Читано въ годичномъ собраніи Общества преподобнаго Нестора Лѣтописца, 11-го марта 1884 г.

жени, я буду избѣгать подробностей въ раскрытіи моей мысли и постараюсь ограничиться лишь самымъ бѣглымъ очеркомъ избраннаго для настоящей бесѣды предмета.

По недостатку историческихъ свидѣтельствъ о юго-западной Руси изъ временъ XIII и первой половины XIV в.в., трудно сказать что-нибудь опредѣленное о внутреннемъ строѣ тогдашней западно-русской церкви; но группируя отрывочныя свѣдѣнія слѣдующей за тѣмъ эпохи, находимъ, что послѣдовательное развитіе организаціи церковныхъ отношеній не было здѣсь прервано татарскимъ и затѣмъ литовскимъ завоеваніемъ, но продолжалось въ духѣ тѣхъ-же началъ, какія положены были еще въ древне-русскій періодъ. Уже въ XII—XIII в.в. замѣчаемъ, что избраніе епископовъ, совершавшееся первоначально соборомъ однихъ лишь іерарховъ, подъ руководствомъ митрополита и по соизволенію великаго князя, постепенно становится дѣломъ мірянъ, представителей мѣстныхъ паствъ. Не говоримъ уже о Новгородѣ, гдѣ избраніе епископовъ принадлежало народному вѣчу, но и въ другихъ древне-русскихъ княжествахъ вошло въ обычай, что, по смерти или удаленіи епископа, мѣстный князь вмѣстѣ съ своими подданными избиралъ ему преемника и посылалъ къ кіевскому митрополиту для посвященія. Впослѣдствіи въ московской Руси обычай этотъ былъ измѣненъ въ смыслѣ устраненія мірянъ отъ участія въ выборѣ іерарховъ; но въ юго-западной Руси, еще до отдѣленія ея отъ московской митрополіи, находимъ, что избраніе епископовъ совершалось по прежнему обычаю, т. е. не соборомъ однихъ іерарховъ, но при участіи князей, бояръ, священниковъ и всего »людства« той епархіи, для которой избирался архипастырь. Когда здѣсь была учреждена впослѣдствіи отдѣльная митрополія, то тѣмъ-же порядкомъ совершалось обыкновенно избраніе и кіевскихъ митрополитовъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ составъ избирателей входили князья, бояре и »людство« не одной какой-либо епархіи, а всей митрополіи. Таже система избранія примѣнялась къ замѣщенію и другихъ степеней церковныхъ до низшихъ клириковъ включительно. Имѣются документальныя свидѣтельства, что еще въ половинѣ XVI в. архимандритовъ кіево-печерской и другихъ обителей избирали не одни старцы монастырскіе, но также князья, земяне и

бояре кіевской земли; а виленскіе мѣщане до временъ уніи сами избирали и уставляли къ своимъ городскимъ церквамъ не только священниковъ, но и діаконовъ, уставщиковъ и пономарей. То же встрѣчаемъ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ юго-западной Руси.

Избирательная система обыкновенно сближаетъ избирателей съ избираемыми и порождаетъ между ними тѣсную нравственную связь; такъ было и въ данномъ случаѣ. Не составляя изъ себя особаго, замкнутаго сословія и постоянно пополняясь членами, избранными изъ среды мірянъ, западно-русское духовенство XV—XVI в.в. жило одною жизнью съ своими пасомыми, принимало видное участіе въ ихъ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ и въ свою очередь не устраняло мірянъ отъ такого-же участія въ дѣлахъ, касавшихся предметовъ церковнаго вѣдѣнія. Пока въ литовской Руси существовали удѣльныя княжества, православные іерархи занимали почетныя мѣста въ составѣ княжескихъ »радъ« или совѣтовъ; впослѣдствіи, въ XVI в. мы видимъ ихъ членами сеймовъ различныхъ западно-русскихъ земель и воеводствъ, а по смыслу одной грамоты короля Сигизмунда I отъ 1511 г. можно заключать, что православные іерархи засѣдали даже въ генеральныхъ сеймахъ великаго княжества литовскаго. Съ другой стороны и міряне въ то время смотрѣли на церковныя дѣла какъ на нѣчто такое, что должно подлежать вѣдѣнію всѣхъ и каждаго изъ членовъ церкви, а не одной лишь іерархіи. Оказывая церкви покровительство и щедрыя благодѣянія, свѣтскіе люди того вѣка считали своимъ правомъ блюсти за церковнымъ порядкомъ и благоустройствомъ, контролировать жизнь и дѣятельность ими же избираемаго духовенства и вообще принимать самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ церковныхъ. И не было случая, что-бы представители церкви когда-либо протестовали противъ законности подобныхъ взглядовъ и отношеній: напротивъ, они сами допускали иногда вмѣшательство мірянъ въ такія дѣла, которыя и по правиламъ церковнымъ должны принадлежать одной лишь духовной власти. Сохранились документальныя свидѣтельства о томъ, что міряне входили въ составъ *духовныхъ судовъ* не только епископскихъ, но даже митрополичьихъ, и принимали участіе въ рѣшеніи дѣлъ, касавшихся собственно церковнаго управленія. Наконецъ міряне участвовали въ *церков-*

ныхъ соборахъ, которые обыкновенно были созываемы для рѣшенія болѣе важныхъ вопросовъ, касавшихся всей литовско-русской митрополіи. Когда въ началѣ XV в. въ литовской Руси созрѣла мысль о необходимости имѣть здѣсь особаго, независимаго отъ Москвы митрополита, то великій литовскій князь Витовтъ не ограничился предварительнымъ совѣтомъ объ этомъ важномъ дѣлѣ съ одними епископами, но, слѣдуя очевидно мѣстному обычаю, »събра вси князи литовскыхъ и русскыхъ земель, и бояръ, и вельможъ, архимандриты-же и игумени, и благоговѣйныа иноки и попы, и сихъ всѣхъ съвѣтомъ и волею и избраніемъ и хотѣніемъ« былъ окончательно рѣшенъ вопросъ объ отдѣленіи кіевской митрополіи и объ избраніи въ митрополиты Григорія Симвлака. Въ этомъ документальномъ свидѣтельствѣ поименованъ обычный составъ западно-русскихъ церковныхъ соборовъ, не измѣнившійся и во все послѣдующее время, за исключеніемъ лишь того, что съ конца XVI в. на нихъ появляются, кромѣ князей, земянъ и другихъ »зацныхъ свѣтскихъ становъ«, еще представители церковныхъ братствъ и городскихъ обществъ.

Такимъ образомъ основными чертами внутренняго строя западнорусской церкви въ періодъ приблизительно до половины XVI в. нужно считать: а) избирательное начало въ замѣщеніи церковно-іерархическихъ должностей и б) широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. Черты эти одинаково были согласны какъ съ духомъ древнихъ соборныхъ преданій православной церкви, такъ и съ характеромъ понятій и общественныхъ воззрѣній южно-русскаго народа, и при условіи дальнѣйшаго ихъ сохраненія и развитія должны были сопровождаться самыми благотворными послѣдствіями и для самой церкви, и для общества. Избирательная система по самой природѣ своей не могла не служить наиболѣе вѣрнымъ средствомъ, обезпечивавшимъ западно-русскую іерархію отъ вторженія въ ея среду людей недостойныхъ, такъ какъ избранію обыкновенно предшествовало »взысканіе многое« достойнаго кандидата; а постоянное и близкое участіе представителей общества въ дѣлахъ церковнаго управленія и благоустройства естественно приводило къ тѣсному единенію пастырей съ пасомыми и порождало въ послѣднихъ живое и дѣятельное участіе къ интересамъ церкви. При этихъ

условіяхъ церковь оставалась живымъ національнымъ организмомъ, дѣйствительною хранительницею духовныхъ силъ своего народа и его руководительницею въ общественномъ и политическомъ развитіи.

Къ сожалѣнію, въ самомъ государственномъ устройствѣ княжества литовскаго коренились условія, мало благопріятствовавшія дальнѣйшему развитію внутренняго строя западно-русской церкви въ указанномъ направленіи и впослѣдствіи, при измѣнившихся обстоятельствахъ, прямо содѣйствовавшія его разрушенію. Опасность заключалась не въ томъ лишь одномъ, что со времени Ягайла литовскіе государи стали послѣдователями католической вѣры. Сознавая, какую громадную силу имѣло въ ихъ государствѣ русское народное начало, князья литовскіе, за исключеніемъ развѣ грубаго фанатика Ягайла, не только постоянно относились къ православной церкви съ полною вѣротерпимостью, но часто оказывали ей покровительство и неоднократно прилагали стараніе и заботливость объ ея интересахъ. Но въ ихъ рукахъ было одно опасное орудіе, злоупотребленіе которымъ впослѣдствіи принесло страшное зло для западно-русской церкви и привело ее къ крайнему разстройству; то было знаменитое ихъ право »*подаванья* столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ«, т. е. право жалованья архіерейскихъ каѳедръ, монастырей и церквей. Право это, во многомъ сходное съ инвеституроі нѣмецкихъ императоровъ, всецѣло вытекало изъ феодальнаго литовско-государственнаго строя, по которому великій князь признавался верховнымъ господаремъ всѣхъ земель на территоріи княжества, а слѣдовательно и всѣхъ находившихся въ немъ имѣній и земель церковныхъ, которыя принадлежали епископскимъ каѳедрамъ, монастырямъ и церквамъ. Такъ какъ почти всѣ церковныя должности въ литовской Руси были сопряжены съ правомъ распоряженія церковными имѣніями, часто весьма значительными, то на этомъ основаніи при замѣщеніи митрополичьей и архіерейскихъ каѳедръ, а равно настоятельскихъ мѣстъ въ монастыряхъ и нѣкоторыхъ церквахъ требовалось, сверхъ избранія, еще и согласіе или утвержденіе великаго князя, каковое утвержденіе и называлось »*подаваньемъ*«. Такимъ образомъ »подаванье« не было собственно раздачей церковно-іерархическихъ должностей, а лишь пожалованіемъ новоизбранному кандидату права распоряженія церковными

имѣніями, съ которыхъ отбывалась въ пользу государства военная служба и другія повинности; и въ этомъ смыслѣ литовскіе государи именовались »подавцами хлѣбовъ духовныхъ«. Такъ понимали на Руси право подаванья даже въ эпоху уніи, когда польскіе короли многократнымъ злоупотребленіемъ этого права извратили его первоначальный смыслъ и почти отождествили его съ правомъ назначенія[1]). По мѣрѣ безпрестаннаго жалованья литовскими государями служилымъ людямъ—князьямъ, земянамъ и боярамъ—земельныхъ участковъ и перехода леновъ въ частную собственность, къ новымъ владѣльцамъ вмѣстѣ съ тѣмъ переходило и право »подаванья« по отношенію къ находившимся на ихъ земляхъ церквамъ и монастырямъ; точно такое же право пріобрѣтали они и тогда, когда сами основывали въ своихъ имѣніяхъ новые монастыри или церкви и обезпечивали ихъ земельными надѣлами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ владѣльцы могли переуступать это право другимъ лицамъ посредствомъ дара, продажи, залога, аренды и проч. Этимъ путемъ право »подаванья«, первоначально принадлежавшее одному лишь верховному господарю, раздробилось впослѣдствіи между огромнымъ множествомъ лицъ. Теперь великому князю это право принадлежало лишь по отношенію къ епископскимъ каѳедрамъ и тѣмъ монастырямъ и церквамъ, которые находились или въ собственныхъ королевскихъ имѣніяхъ, или вообще на государственныхъ земляхъ, еще не розданныхъ въ частныя руки. Нерѣдко король жаловалъ право »подаванья« церквей и монастырей, находившихся въ его собственномъ распоряженіи, не только частнымъ лицамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, архіереямъ, протопопамъ и проч., но и цѣлымъ обществамъ того или другаго города и церковнымъ братствамъ.

Нечего и говорить о томъ, что право »подаванья« рѣшительно противорѣчило выработанному общимъ теченіемъ исторической жизни юго-западной Руси выборному началу; но въ первое

[1]) Авторъ знаменитаго *Апокрисиса* (изд. въ 1597—1599 г.), нисколько не отрицая королевскаго права подаванья, такъ опредѣляетъ его значеніе: »Инша есть речъ урядъ (духовный), а инша—добра до уряду для доброго его отправованья прилучоные. Урядъ власне отъ духовныхъ при посвященью, добра зась не отъ духовныхъ, але отъ короля его милости даваны бываютъ« (Русская Историч. Библіотека, т. VII, ст. 1292 и далѣе).

время и сами литовскіе князья, и частныя лица, умѣренно пользовались этимъ правомъ и потому его вліяніе на церковнообщественныя отношенія было почти не замѣтно. Долѣе всего сохранилъ свою силу прежній порядокъ относительно замѣщенія высшихъ іерархическихъ степеней въ западно-русской церкви: митрополиты и епископы до начала XVI в. были избираемы по прежнимъ обычаямъ [1]), господарское-же право »подаванья« при этомъ выражалось лишь тѣмъ, что во-первыхъ безъ княжескаго разрѣшенія нельзя было приступить къ выборамъ, а во-вторыхъ князю предоставлялось утверждать новоизбраннаго. Скорѣе и легче привилось право »подаванья« въ примѣненіи къ низшимъ церковнымъ должностямъ, но и здѣсь оно не сразу вытѣснило прежній порядокъ, а само вошло въ извѣстное съ нимъ соглашеніе. Въ то время западно-русское дворянство, не только простые земяне и бояре, но и высшая знать, потомки древнихъ удѣльныхъ и литовскихъ князей, удерживали еще въ своемъ быту множество понятій и чертъ, сближавшихъ ихъ съ низшими, городскими и сельскими сословіями, имѣли одни съ ними религіозныя вѣрованія и свято чтили »стародавніе звычаи« своей народности. Они обыкновенно бывали строителями и основателями церквей и монастырей въ своихъ имѣніяхъ, надѣляли ихъ землей и другими источниками постоянныхъ доходовъ, содержали при нихъ »шпитали« для бѣдныхъ и больныхъ, давали содержаніе церковнымъ причтамъ, защищали церкви и духовенство отъ обидъ и т. п., и въ этой заботливости о церковныхъ нуждахъ и интересахъ было фактическое оправданіе ихъ права »подаванья«. Часто случалось, что они выпрашивали у короля ту или другую церковь или монастырь, находившіеся въ его подаваньи, руководствуясь лишь благочестивымъ желаніемъ имѣть эти церкви въ своей »опекѣ и оборонѣ« и привести ихъ въ лучшее благоустройство; и король въ своихъ жалованныхъ грамотахъ иногда самъ напоминалъ подобнымъ патронамъ, что они »не маютъ отъ своихъ церквей ножит-

[1]) Авторъ *Апокрисиса* свидѣтельствуетъ, что еще въ его время, т. е. въ самомъ исходѣ XVI в., православные дворяне нѣкоторыхъ воеводствъ имѣли особыя королевскія грамоты, подтверждавшія ихъ право избирать себѣ духовныхъ властей. (Русск. Истор. Библіотека, т. VII, стр. 1294).

ковъ никоторыхъ собѣ мети, но сами маютъ церкви Божіи всякими речьми надавати и направляти и ихъ въ опекѣ своей и оборонѣ мети« [1]). Въ такой формѣ право подаванья не противорѣчило и старинным, древне-русскимъ обычаямъ, по которымъ избраніе, напримѣръ, игумена первоначально предоставлялось строителю или основателю монастыря, а позже игумена избирала братія, по утверждалъ основатель или князь [2]). Многіе общежительные монастыри, находившіеся въ королевскомъ подаваньи, какъ наприм. кіево-печерскій, кіево-михайловскій, межигорскій, еще въ XVI в. сохраняли въ своей жизни именно этотъ порядокъ: ихъ настоятели были избираемы братіей и мѣстными обывателями, а королю принадлежало лишь право утвержденія избраннаго [3]); другіе хотя и жаловались королемъ въ подаванье частнымъ лицамъ, но съ обязательствомъ подавать въ игумены человѣка »годного, хто будетъ любъ братьи, старцомъ того монастыря« [4]). Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда частные владѣльцы основывали въ своихъ имѣніяхъ общежительные монастыри, они сами предоставляли братіи избирать себѣ игуменовъ [5]). Можно думать, что и право подаванья приходскихъ церквей въ первое время не было столь абсолютнымъ, какимъ оно является впослѣдствіи. Во времена, предшествовавшія люблинской уніи, когда не существовало еще вполнѣ обязательныхъ отношеній между крупными владѣльцами и жившимъ на ихъ земляхъ населеніемъ, когда въ чертѣ ихъ владѣній существовало много мелкихъ свободныхъ собственниковъ — земянъ и бояръ, владѣльцамъ не представлялось никакой нужды, ни интереса вмѣшиваться въ приходскія дѣла всѣхъ церквей, разсѣянныхъ на ихъ территоріи. Они могли конечно брать подъ свое особое попеченіе нѣкоторые, болѣе важные монастыри или церкви, построенные и матеріально обезпеченные ими самими или ихъ предками, и интересоваться выборомъ къ нимъ священнослужите-

---

[1]) Акты западной Россіи, т. II, № 124.

[2]) Исторія р. церкви, митроп. Макарія, т. 2, стр. 100.

[3]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть I, т. I, № 14. Акты зап. Россіи, т. II, № 121 и 122.

[4]) Акты запад. Россіи, т. II, № 117.

[5]) Виленскій Археогр. Сборникъ, т. VI, № 142.

лей. Но было вѣдь много и другихъ церквей, построенныхъ самими прихожанами, священники которыхъ, въ отличіе отъ владѣльческихъ, носили въ XVI в. названіе »поповъ посполитыхъ«. Сельскія общины, тогда еще вполнѣ свободныя и пользовавшіяся даже правомъ самосуда (копные суды), также имѣли свои церкви и сами свои причты. Безъ сомнѣнія, выборъ священно-служителей для такихъ церквей вполнѣ принадлежалъ прихожанамъ, и если владѣлецъ принималъ въ немъ какое-либо участіе, то не болѣе, какъ только почетное, т. е. у него испрашивалось согласіе на избраніе и утвержденіе новоизбраннаго, подобно тому, какъ это практиковалось въ юго-западной Руси въ прошломъ и даже въ началѣ текущаго столѣтія.

Найболѣе раннее указаніе о злоупотребленіи правомъ подаванья встрѣчаемъ въ актахъ извѣстнаго виленскаго собора, бывшаго въ 1509 году. »Нѣкоторые въ нашемъ законѣ, жаловались отцы собора, презирая отеческое преданіе и заповѣди, ради мірской славы и властительства, покупаютъ себѣ, еще при жизни епископовъ, ихъ каѳедры и принимаютъ эти каѳедры *безъ совѣта и согласія митрополіи и епископовъ и безъ осмотрѣнія и избранія отъ князей и пановъ нашего греческаго закона*«. Такъ же пріобрѣтались иногда, по словамъ соборнаго акта, и настоятельскія мѣста въ монастыряхъ и священническія на приходахъ. Съ другой стороны соборъ жаловался, что нѣкоторые православные князья и паны, пользуясь въ своихъ имѣніяхъ правомъ подаванья священниковъ къ приходскимъ церквамъ, сами потомъ и отнимали эти церкви у священниковъ, безъ вѣдома епархіальнаго архіерея; другіе по небрежности долго оставляли въ своихъ имѣніяхъ приходскія церкви безъ священниковъ; иные приказывали священникамъ священнодѣйствовать въ ихъ церквахъ безъ благословенія архіерейскаго; еще нѣкоторые отнимали у церквей имѣнія и другіе предметы церковнаго достоянія. Но изъ всего видно, что въ то время подобныя злоупотребленія частныхъ лицъ правомъ подаванья составляли покуда еще рѣдкіе случаи и противозаконность ихъ была сознаваема всѣми; вотъ почему соборъ могъ энергично вооружиться противъ нихъ, угрожая даже отлученіемъ за нарушеніе старинныхъ порядковъ и правилъ церковныхъ. Гораздо труднѣе было бороться противъ покупки

святительскихъ каѳедръ и другихъ духовныхъ степеней, такъ какъ продавцемъ ихъ являлся не кто иной, какъ самъ »верховный подавца хлѣбовъ духовныхъ«, т. е. король. Все, что могъ предпринять соборъ противъ этого страшнаго злоупотребленія, выразилось въ слѣдующемъ опредѣленіи: »никому не подкупаться подъ живыми епископами, архимандритами и священниками; если же кто дерзнетъ на такое дѣло, архимандритъ-ли, или игуменъ, или священникъ, или мірянинъ, то да будетъ на нихъ церковное неблагословеніе и отлученіе, и на епископство и на всякій священническій санъ ихъ отнюдь не поставлять, а ставить на эти степени только достойныхъ; а за недостойнаго если и господарь будетъ ходатайствовать, въ такомъ случаѣ всѣмъ намъ епископамъ съ митрополитомъ пойти къ господарю и объявить недостоинство того недостойнаго, не дерзая отнюдь давать таковому посвященіе«. А если кто-либо изъ насъ, или будущіе послѣ насъ церковные пастыри, по своему нерадѣнію или скупости, захотятъ преступить эту заповѣдь и за нее не пострадать, тѣ да будутъ лишены своего сана «[1]).

Господарь, вмѣшательства котораго въ церковныя дѣла отцы собора такъ опасались, былъ Сигизмундъ I, великій князь литовскій и вмѣстѣ король польскій. Онъ вовсе не былъ фанатикомъ и гонителемъ православія, напротивъ это былъ умный и вполнѣ вѣротерпимый государь, оказавшій много услугъ самой западно-русской церкви. Но въ немъ были уже слабы литовско-русскія традиціи его предшественниковъ, а живя почти постоянно въ Польшѣ и обращая преимущественное вниманіе на ходъ польскихъ дѣлъ, онъ вполнѣ усвоилъ тамошніе порядки и понятія и невольно переносилъ ихъ и на дѣла литовско-русскія. Какъ извѣстно, избирательное начало было всегда чуждо римскокатолической церкви, основанной на противоположномъ принципѣ—строгаго единовластія. Извѣстно также и то, какъ многочисленны были разные виды симоніи, подкуповъ и искательствъ, съ которыми сопряжено было въ то время пріобрѣтеніе отъ римскаго двора духовныхъ сановъ и бенефицій. Польскіе короли, подобно другимъ католическимъ государямъ Европы, вели упорную борьбу противъ этихъ искательствъ и добились того, что

[1]) Дѣянія Виленскаго Собора.—Русск. Истор. Библіот., т. IV.

взяли исключительно въ свои руки назначеніе духовныхъ сановниковъ и раздачу церковныхъ имѣній и бенефицій; вмѣстѣ съ тѣмъ они обратили въ доходы государственной казны и всѣ тѣ денежные взносы, какіе прежде шли римскому двору отъ лицъ, искавшихъ церковныхъ должностей. Пользуясь столь неограниченно правомъ раздачи духовныхъ должностей въ римско-католической церкви, Сигизмундъ склоненъ былъ такъ-же широко понимать и принадлежавшее ему право подаванья по отношенію къ православной западно-русской церкви; отсюда и проистекали справедливыя опасенія отцевъ виленскаго собора. Тѣ »подкупательства подъ живыми епископами, архимандритами и священниками «, о которыхъ соборъ упоминаетъ, въ Польшѣ составляли обычное явленіе: тамъ можно было легко выхлопотать у короля грамоту на любую церковную должность еще при жизни занимающаго ее лица, съ правомъ занятія ея, когда она сдѣлается свободною; такіе преждевременные кандидаты назывались *поэтинатами*. Очевидно, что, по мѣрѣ сближенія Литвы съ Польшею, подобныя искательства стали проникать и въ западно-русскую церковь, и какъ не энергично вооружалась противъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, православная іерархія, случаи покупки церковныхъ должностей не только не исчезли, но стали быстро увеличиваться, благодаря покровительственному отношенію къ нимъ правительства. Изъ обнародованныхъ доселѣ документовъ извѣстно нѣсколько случаевъ подобныхъ подкупательствъ, бывшихъ именно при Сигизмундѣ I. Былъ, напр., у него писарь Михайло Васильевичъ Коптя, котораго онъ посылалъ однажды въ Крымъ, чтобы расположить въ свою пользу татаръ. Исполнивъ порученіе, Коптя издержалъ на это не мало собственныхъ денегъ, и воротившись къ королю, просилъ вознаградить его— и чѣмъ же? Не деньгами, а тѣмъ, чтобы отцу его, пану Василію Евлашкевичу, король пожаловалъ епископскую каѳедру—луцкую или владимірскую (обѣ самыя богатыя по имѣніямъ), какая прежде станетъ праздною. И Сигизмундъ охотно исполнилъ желаніе просителя и выдалъ въ 1520 г. грамоту, въ которой объявилъ, что за вѣрную службу писаря Коптя и за понесенныя имъ на службѣ издержки даетъ отцу его одну изъ названныхъ епископскихъ каѳедръ, какая прежде сдѣлается свободною, и обѣщается »тое епископьи никому иному не

отдавати«, кромѣ отца его [1]). А въ 1524 г. нѣкто Андрей Дягилевичъ изъ Кіева повѣдалъ королю, что имѣетъ намѣреніе сдѣлаться священникомъ; а такъ какъ за взятый у него товаръ ему должна быть уплачена изъ королевской казны значительная денежная сумма, то онъ просилъ, взамѣнъ этой платы, дать ему въ Кіевѣ три церкви королевскаго подаванья: межигорскую, іорданскую и рождественскую. И король охотно согласился на такую сдѣлку и отдалъ Дягилевичу три названныя церкви со всѣми имѣніями, тѣмъ болѣе что за него же ходатайствовалъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій [2]). Очевидно, что, поступая такимъ образомъ, король отнюдь не руководствовался желаніемъ намѣренно вредить православію, да едва-ли онъ и сознавалъ, что его дѣйствія подтачивали въ самомъ корнѣ главную силу церковной іерархіи и вели ее къ разстройству и деморализаціи. Такъ же точно онъ распоряжался духовными должностями и въ католичекой церкви и какъ тамъ, такъ и здѣсь прежде всего ревниво оберегалъ, какъ ему казалось, прерогативы своей верховной и заботился объ умноженіи королевскихъ доходовъ. Онъ впрочемъ допускалъ и существованіе прежнихъ выборныхъ порядковъ въ православной церкви, но ввелъ новый обычай, клонившійся къ той-же финансовой цѣли, именно: бралъ отъ православныхъ епархій и монастырей денежныя приношенія, такъ называемыя »*чолобитья*«, каждый разъ, когда утверждалъ избранныхъ ими кандидатовъ на епископскія и архимандричьи мѣста [3]); значитъ, бралъ и съ тѣхъ, кому хотѣлось купить себѣ церковную должность, и отъ тѣхъ, кому »подавалъ« іерарховъ. При новомъ королѣ, Сигизмундѣ-Августѣ, превосходившемъ вѣротерпимостью своего отца, выборный порядокъ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей въ западно-русской церкви почти совсѣмъ выходитъ изъ употребленія и замѣняется искательствомъ и подкупами у короля и его приближенныхъ, или же король самъ раздаетъ эти должности въ награду выслужившимся предъ нимъ лицамъ, не обращая никакого вни-

[1]) Акты южн. и зап. Россіи, т. II, № 105.

[2]) Ibidem, № 110.

[3]) Акты южн. и зап. Россіи, т. II, №№ 105 и 112. Исторія Русск. церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 193—4 и 229.

манія на нравственныя ихъ качества и вообще на степень годности ихъ къ занятію сановъ духовныхъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ половинѣ XVI в. прежній внутренній строй западно-русской церкви если не совсѣмъ еще былъ разрушенъ, то уже сильно дезорганизованъ. Для нашей цѣли весьма важно замѣтить, что начало этой дезорганизаціи было положено въ самое по видимому благопріятное для православной церкви время, когда она наслаждалась полнымъ спокойствіемъ, не нарушаемымъ никакими попытками къ введенію уніи, когда объ іезуитахъ въ Польшѣ и Литвѣ не было еще и помину, и наконецъ въ правленіе лучшихъ и наиболѣе вѣротерпимыхъ польско-литовскихъ государей, двухъ первыхъ Сигизмундовъ. Безспорно, оба эти государи своимъ образомъ дѣйствій не мало способствовали означенной дезорганизаціи; но видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ какую-то преднамѣренность, якобы въ видахъ систематической подготовки къ будущей уніи, какъ то обыкновенно утверждаютъ наши историки уніи, по меньшей мѣрѣ не основательно, ибо, повторяемъ, оба эти короля совершенно такъ-же поступали и по отношенію къ собственной, католической церкви.

Но что же дѣлало въ это время само западно-русское православное общество? Отчего оно не выступило на защиту старинныхъ обычаевъ и порядковъ своей народной церкви и не вооружилось противъ нововведеній, явно грозившихъ ей конечнымъ безчиніемъ и упадкомъ?— Въ томъ-то и заключается, по нашему мнѣнію, центръ тяжести вопроса, что западно-русское общество само переживало тогда переходное время и быстро приближалось къ развязкѣ давно уже зрѣвшаго въ немъ процесса, имѣвшаго составить поворотную эпоху въ его политической, общественной и бытовой жизни. Съ одной стороны оно чутко прислушивалось къ ходу событій въ сосѣдней Германіи, волновавшихъ тогда всю Европу и заставившихъ дрогнуть самую столицу католическаго міра. Многіе изъ западно-русскихъ дворянъ посылали въ то время своихъ сыновей учиться въ германскіе университеты, гдѣ они слушали самого Лютера, Меланхтона и иныхъ протестантскихъ богослововъ; другіе сами любили ѣздить въ нѣмецкія земли и въ Швейцарію. По всей Литвѣ и юго-западной Руси ходили сочиненія знаменитыхъ реформаторовъ и

свободно распространялись ихъ ученія. Когда въ 1548 г. вступилъ на престолъ Сигизмундъ-Августъ, онъ приблизилъ къ себѣ виленскаго воеводу Николая Радзивилла, потомка нѣкогда православныхъ предковъ, который выступилъ горячимъ поборникомъ кальвинизма и открытымъ его покровителемъ. Примѣръ Радзивилла увлекъ за собою цѣлый рядъ знатныхъ литовско-русскихъ фамилій, за которыми потянулись и болѣе мелкіе дворянскіе роды. Въ короткое время увлеченіе протестантскими идеями сдѣлалось въ Литвѣ и западной Руси до такой степени всеобщимъ, что рѣдкій сколько-нибудь образованный человѣкъ былъ вполнѣ отъ него свободенъ [1]). Съ другой стороны, одновременно съ этимъ умственно-религіознымъ броженіемъ, исподоволь совершался еще болѣе рѣзкій переломъ въ общественно-бытовой жизни Литвы и юго-западной Руси. Приближалась знаменитая люблинская унія (1569 г.), окончательно объединившая литовское княжество съ Польшей и открывшая эпоху полнаго господства въ немъ польскаго вліянія. Люблинская унія справедливо считается поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Литвы и юго-западной Руси, знаменующимъ начало кореннаго измѣненія прежде существовавшихъ здѣсь политическихъ, сословно-общественныхъ и экономическихъ отношеній. Она положила конецъ существованію древне-русскихъ сельскихъ общинъ съ ихъ правомъ самосуда и свободнаго землевладѣнія, уничтожила прежнее разнообразіе сословныхъ группъ, до того времени чуждыхъ строгаго разграниченія и взаимно другъ съ другомъ сливавшихся, и разбила все населеніе на двѣ рѣзко отдѣленныя одна отъ другой сословно-общественныя категоріи: шляхтичей и людей посполитыхъ. Заимствованіе формъ польскаго общественнаго строя повлекло за собою перенесеніе цѣлой атмосферы понятій, выработанныхъ въ польско-шляхетскомъ обществѣ, и усвоеніе привычекъ и формъ шляхетскаго общежитія. Подъ вліяніемъ этого въ русско-шляхетскомъ обществѣ становятся господствующими такіе пороки, какъ стремленіе къ роскоши и тщеславію и отсюда всеобщая погоня за наживой и неразборчивость въ средствахъ къ ея достиженію, сословное высокомѣріе и чрезмѣрная ревность къ охранѣ своего приви-

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kościoła wyznania helwekiego w Litwie.

легированнаго положенія; отсюда презрительное отношеніе къ людямъ низшихъ сословій и нетерпимость къ малѣйшимъ проявленіямъ ихъ независимости, напр. преслѣдованіе копныхъ судовъ и другихъ освященныхъ преданіемъ древности остатковъ былыхъ крестьянскихъ правъ и свободы. Новыя сословно-шляхетскія идеи столь интенсивно дѣйствовали на умы западно-русскихъ дворянъ, что даже какъ-бы затмѣвали въ нихъ сознаніе національной ихъ индивидуальности: въ юридическихъ актахъ и другихъ памятникахъ тогдашней письменности все рѣже встрѣчается прежнее противопоставленіе »*Руси*« и »*ляховъ*«: ихъ племенное различіе какъ-бы игнорируется и они обыкновенно сливаются въ одномъ сословномъ терминѣ: »шляхта и рыцерство закону грѣческого и римского«. Но на дѣлѣ и это послѣднее, вѣроисповѣдное различіе постепенно теряетъ прежнюю силу: съ одной стороны тѣсное сближеніе западно-русскихъ дворянъ съ поляками, въ особенности-же брачныя между ними связи, все чаще стали приводить ихъ къ перемѣнѣ старой »русской« вѣры на новую, шляхетскую, т. е. католическую, а съ другой то широкое распространеніе протестантскихъ идей, о которомъ выше мы упоминали, если и не могло увлечь поголовно все западно-русское дворянство, то все же значительно расшатывало прежнія его вѣрованія и порождало въ его средѣ религіозный индеферентизмъ.

Сообразивъ все вышесказанное, не трудно представить, какъ всѣ эти послѣдствія общественнаго перелома, связаннаго въ исторіи юго-западной Руси съ эпохою люблинской уніи, должны были отразиться на положеніи и судьбѣ западно-русской церкви. Прежде всего сословная исключительность окончательно разрушила прежнее единеніе клира и мірянъ—представителей всѣхъ слоевъ западно-русскаго общества и парализовала ихъ совмѣстное служеніе интересамъ церкви. Самый клиръ, подъ вліяніемъ сословной идеи, распался теперь на двѣ рѣзко разграниченныя группы: высшая іерархія вмѣстѣ съ немногими представителями бѣлаго духовенства образовала изъ себя *шляхту духовного стану* и скоро совершенно слилась во всемъ съ »панами *шляхтою станова свѣтскихъ*«, а низшее духовенство зачислено было въ ряды »*посполитого стану*« и вмѣстѣ съ нимъ обречено на жертву само-

властію со стороны »становъ шляхетскихъ«. Получая изъ рукъ помѣщиковъ приходскія мѣста, священники привыкли подчиняться имъ даже и въ такихъ дѣлахъ, которыя выходили изъ сферы собственно подданническихъ отношеній и касались прямо ихъ пастырскихъ обязанностей. И въ обществѣ, и въ средѣ самого духовенства скоро выработался принципъ: чье подаванье, тому и послушаніе поповъ. На этомъ основаніи помѣщики или даже ихъ урядники и арендаторы третировали священниковъ, какъ своихъ подданныхъ, сами и судили ихъ, сажали въ свои тюрьмы, приказывали имъ по произволу вѣнчать или расторгать браки и т. п. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ быта сельскаго духовенства, самое званіе православнаго священника пало такъ низко, что, по свидѣтельству современниковъ, порядочный человѣкъ стыдился вступать въ него, и только одно »сметье людское, голодные и неуки тиснулись« въ его ряды, понижая и безъ того невысокій нравственный его уровень до такой степени, что, какъ выражается одинъ изъ современниковъ, »южъ трудно было розознати, где былъ частшій пресвитеръ: въ корчмѣ, чи въ церквѣ«. Совершенно обратно измѣнилось теперь положеніе высшаго духовенства, въ ряды котораго стали стремиться одни шляхтичи, часто представители именитыхъ фамилій. Такъ было въ то время и въ Польшѣ, гдѣ высшія духовныя должности нерѣдко служили предметомъ искательства для знатныхъ вельможъ и государственныхъ сановниковъ. Тѣмъ болѣе это должно было случиться въ юго-западной Руси, высшія сословія которой переживали тогда экономическій кризисъ. Вслѣдствіе измѣнившихся бытовыхъ условій жизни, стремленія къ роскоши и расточительности, западно-русскіе шляхтичи скоро ощутили недостаточность прежнихъ источниковъ матеріальнаго обезпеченія и старались отыскать новые. Такъ какъ православныя епархіи и большинство монастырей обладали весьма значительными имѣніями, то отсюда становится понятной охватившая въ то время свѣтскихъ пановъ погоня за »духовнымъ хлѣбомъ«, т. е. епископіями и архимандріями. Естественно, что прежній путь къ достиженію этихъ достоинствъ, т. е. всенародное избраніе, для большинства искателей представлялъ много неудобствъ, и потому они предпочитали обращаться съ искательствомъ непосредственно къ королю и на-

перерывъ другъ предъ другомъ выпрашивали у него жалованныя грамоты на духовныя должности—кто за военную службу, кто по ходатайству придворныхъ вельможъ, а большинство прямо за деньги. Принявъ посвященіе, шляхтичи, нимало не измѣняли прежняго образа жизни и прежнихъ привычекъ и нравовъ и на каждомъ шагу попирали самымъ дерзкимъ образомъ церковныя правила и предписанія. Многіе вступали въ управленіе епархіями или монастырями, имѣя живыхъ женъ и, посвятившись, продолжали вести прежнюю семейную жизнь. Эти непризванные владыки менѣе всего склонны были заботиться о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ: все вниманіе и всѣ ихъ помыслы были поглощены одной заботой—о возможно быстромъ обогащеніи. Они устранили »крылошанъ«, т. е. соборныхъ священниковъ отъ права участія въ распоряженіи церковными имѣніями и доходами и сами распоряжались ими единолично и совершенно безъ всякаго контроля: раздавали цѣлыя помѣстья въ пожизненное пользованіе своимъ дѣтямъ и родственникамъ, отдавали въ приданое за дочерьми, продавали, обмѣнивали, расхищали болѣе цѣнныя вещи изъ церковной утвари и т. п. Не довольствуясь этимъ, владыки произвольно налагали поборы и подати на подвѣдомственное имъ духовенство, и если священники не могли удовлетворять ихъ требованіямъ, то они запрещали имъ богослуженіе и запечатывали церкви. Еще безцеремоннѣе поступали владыки съ тѣми церквями, которыя находились подъ личнымъ ихъ патронатствомъ: они просто сдавали такія церкви въ аренду, наравнѣ съ мельницами и винокурнями. Въ своей частной жизни владыки ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ шляхтичей и съ излишествомъ предавались всѣмъ порокамъ, какіе распространены были среди тогдашняго русско-шляхетскаго общества.

Таковы были послѣдствія новой системы отношеній въ западно-русской церкви. Съ той поры, когда были нарушены основныя черты ея древняго, соборнаго строя, когда старинный обычай всенароднаго избранія духовныхъ пастырей мало-по-малу уступилъ мѣсто королевскому и частному »подаванью«, когда паства была устранена отъ участія въ дѣлахъ церковныхъ, духъ жизни сталъ угасать въ живомъ до того времени и дѣятельномъ организмѣ церковномъ и не

прошло полувѣка, какъ въ немъ обнаружились печальные признаки внутренняго разложенія: всѣ духовныя должности стали считаться не болѣе, какъ доходными мѣстами, которыя можно было купить за деньги; на архіерейскихъ каѳедрахъ возсѣдали сплошь и рядомъ люди безъ всякаго призванія и подготовки къ пастырскому служенію, нерѣдко люди безъ вѣры и убѣжденій, заботившіеся объ одномъ обогащеніи, предававшіеся всякимъ порокамъ и безнаказанно нарушавшіе каноническія правила и церковные обычаи; исчезла самая тѣнь церковной дисциплины: всякій могъ дѣлать, что хотѣлъ, и лица опозоренныя тягчайшими преступленіями спокойно оставались на своихъ мѣстахъ; священники не хотѣли слушаться своихъ порочныхъ пастырей, предавались пьянству и больше заботились о томъ, чтобы угодить своимъ патронамъ-помѣщикамъ, нежели думали о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ; наконецъ сами пасомые, лишенные духовнаго руководительства и потерявшіе всякое довѣріе и уваженіе къ своимъ недостойнымъ пастырямъ, измѣняли отцевской вѣрѣ и толпами уходили въ чужія вѣры и секты, другіе-же стали склоняться къ мысли объ уніи. При созерцаніи всего этого становится совершенно понятнымъ отчаяніе современниковъ, о которомъ въ 1591 г. львовскіе братчики увѣдомляли константинопольскаго патріарха, что многіе изъ православныхъ смущаются недоумѣніемъ: не настоитъ-ли время погибели православной церкви?

Западно-русская церковь однакожъ не погибла и была обязана своимъ спасеніемъ единственно тому обстоятельству, что ея соборныя преданія не были окончательно забыты западно-русскимъ обществомъ и сохранились въ чистотѣ среди низшихъ классовъ населенія. По мѣрѣ того, какъ умножались злоупотребленія въ іерархической средѣ, мысль о реформѣ церковной находила все большее число сторонниковъ; не доставало лишь соглашенія относительно того, какими средствами и во имя какихъ началъ должна быть предпринята эта реформа. Православные патроны, даже столь могущественные, какъ князь К. Острожскій, оказались безсильными не только предпринять такую реформу, но и указать путь и средства къ ней. Несравненно способнѣе и пригоднѣе къ этому дѣлу оказались западно-русскіе мѣщане, преимущественно тѣ, которые жили въ большихъ городахъ и пользовались само-

управленіемъ по магдебургскому праву. Мы уже раньше упоминали, что мѣщанскія общества многихъ городовъ и мѣстечекъ до временъ самой уніи удержали право завѣдыванія своими церквями и выбора къ нимъ священниковъ, очень дорожили этимъ правомъ и энергично отстаивали его отъ посягательствъ со стороны своихъ же архипастырей. Къ этому нужно прибавить, что мѣщане, по условіямъ быта и по самому роду торгово-промышленныхъ занятій своихъ, представляли собою достаточно развитое сословіе: многіе изъ нихъ вели торговлю съ заграничными городами и сами часто бывали въ чужихъ земляхъ; между ними была широко распространена грамотность и кое-какое книжное образованіе, а въ средѣ мѣщанъ болѣе крупныхъ городовъ, напр. Львова, Вильны и другихъ нерѣдко встрѣчались лица, обладавшія настоящею европейскою образованностью. При всемъ этомъ западнорусское мѣщанство отличалось строгимъ консерватизмомъ во всемъ, что касалось его народности и вѣры, и не смотря на то, что мѣщане, въ силу указанныхъ условій ихъ быта, ничуть не менѣе шляхтичей подвергались дѣйствію протестантской пропаганды, между ними были довольно рѣдки случаи оставленія отцевской вѣры. Мы готовы даже допустить, что проповѣдь реформаціи нѣкоторыми ея сторонами, напр. отрицаніемъ безусловности авторитета іерархической власти, обличеніемъ злоупотребленій духовенства, а также ученіемъ о правѣ вѣрующихъ самостоятельно завѣдывать дѣлами церковныхъ общинъ и т. под., скорѣе могла оказывать полезное вліяніе на западнорусскихъ мѣщанъ, развивая и укрѣпляя въ ихъ сознаніи соотвѣтственныя начала православнаго ученія, столь же противоположныя началамъ католическимъ, и пріучая ихъ критически относиться къ дѣйствіямъ собственныхъ своихъ іерарховъ. Какъ-бы то ни было, но нельзя не признать, что западнорусское мѣщанство обладало достаточными средствами къ тому, чтобы взять на себя починъ въ дѣлѣ реформы церковной, тѣмъ болѣе, что оно имѣло у себя готовыя учрежденія, которыя могли стать первыми очагами церковнаго возрожденія: разумѣемъ церковныя братства.

Извѣстно, что братскіе мѣщанскіе союзы существовали въ нѣкоторыхъ западно-и южно-русскихъ городахъ еще съ половины XV в., но число ихъ было не велико и они носили смѣшанный характеръ:

отчасти религіозныхъ и отчасти цеховыхъ корпорацій. Но съ наступленіемъ послѣдней четверти XVI в. церковныя братства одно за другимъ появляются въ большихъ и малыхъ городахъ и мѣстечкахъ и въ какія нибудь 10—15 лѣтъ образуютъ довольно густую сѣть на пространствѣ отъ Львова до Вильны и Мстиславля. Въ это же время обнаружилась недостаточность одного попеченія о матеріальныхъ нуждахъ отдѣльныхъ приходскихъ церквей, что составляло доселѣ задачу братствъ, и мѣщане стали убѣждаться въ необходимости такихъ учрежденій, которыя имѣли-бы задачей служить не своимъ только приходскимъ церквямъ, а всей церкви православной, для удовлетворенія не столько вещественныхъ, сколько духовныхъ ея потребностей, о которыхъ некому было тогда заботиться. Этимъ путемъ возникла мысль о непригодности прежней организаціи церковныхъ братствъ и о необходимости реформировать ихъ внутренній строй съ цѣлью приспособить ихъ къ служенію болѣе широкимъ задачамъ. Такая реформа и была осуществлена въ 1586 г. по почину, предпринятому старѣйшимъ изъ южно-русскихъ братствъ, именно львовскимъ. Воспользовавшись пріѣздомъ во Львовъ антіохійскаго патріарха Іоакима, львовскіе мѣщане представили на его утвержденіе выработанный ими новый братскій уставъ, служившій послѣ того образчикомъ для южно-русскихъ братствъ. По смыслу новаго устава, братство не есть болѣе сословный кружокъ лицъ, преслѣдующихъ частныя религіозно-благотворительныя цѣли, но является общецерковнымъ учрежденіемъ, задача котораго во всестороннемъ служеніи пользѣ и интересамъ всей западно-русской церкви. Поэтому братства, вопервыхъ, теряютъ прежній, полуцеховой характеръ и становятся всесословнымъ союзомъ, въ составъ котораго могли вступать и мѣщане, и знатные шляхтичи, и посполитые, и вообще люди »всякого стану«, и притомъ не одни мужчины, но и женщины; во вторыхъ, не отказываясь отъ преслѣдованія прежнихъ благотворительныхъ цѣлей, т. е. помощи церквямъ, »шпиталямъ« и вообще бѣднымъ и несчастнымъ, братства считаютъ теперь главнѣйшимъ своимъ дѣломъ: открытіе училищъ, содержаніе при нихъ ученыхъ людей, заведеніе типографій и воспитаніе въ своихъ школахъ сиротъ и дѣтей бѣдняковъ; и въ третьихъ, въ видахъ достиженія единства и солидарности

своихъ дѣйствій, братства организуются въ одинъ общій союзъ, въ которомъ львовскому братству дается первенство между всѣми братствами, какъ прежде основанными, такъ и имѣющими возникнуть, и даже право нѣкотораго контроля надъ ихъ дѣятельностью. Патріархъ видѣлъ, что въ лицѣ братствъ возникала на Руси новая церковно-общественная сила, могущая реформировать западно-русскую церковь, и потому не только утвердилъ новый братскій уставъ, но и съ своей стороны даровалъ имъ столь широкія права и полномочія, что, владѣя ими, братства являлись законными органами высшей церковной власти. Такъ имъ предоставлялось право: обличать всякаго противящагося христіанскому закону и отметать изъ церкви всякое безчиніе, наблюдать за жизнью и нравственностью не только своихъ членовъ, но и лицъ сторонніхъ, какъ мірянъ, такъ и духовныхъ, и не исправляющихся предавать церковному суду и даже подвергать отлученію; наконецъ, что особенно важно, братствамъ предоставлялось право надзора за дѣйствіями и поступками самихъ архіереевъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда епископъ управлялъ своей паствой не по правиламъ церковнымъ, братчики имѣли власть »противиться ему, какъ врагу истины«. Пользуясь этими полномочіями и опираясь на сочувствіе и поддержку православныхъ дворянъ, которые стали охотно вписывать свои имена въ братскіе реестры, братства настойчиво стараются простирать свое вліяніе на высшее управленіе дѣлами западно-русской церкви и обуздать своевольное и безнравственное духовенство: они ставятъ архіереямъ на видъ всѣ безобразія, творившіяся тогда въ іерархической средѣ, побуждаютъ ихъ созывать ежегодно соборы, сами посылаютъ на эти соборы своихъ уполномоченныхъ и вносятъ предложенія, направленныя къ коренной церковной реформѣ и къ возстановленію древняго ея благоустройства. Такъ, напр., въ 1594 г. на брестскомъ соборѣ братскіе »послы« или депутаты внесли между прочимъ слѣдующія важныя предложенія: объ измѣненіи существовавшихъ порядковъ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей и о возстановленіи древняго обычая замѣщать эти должности путемъ избранія, а равно объ учрежденіи въ юго-западной Руси постояннаго мѣстопребыванія патріаршаго экзарха или намѣстника въ видахъ усиленія надзора за жизнью и дѣятельностью высшей іерархіи.

Наконецъ, потерявъ надежду на добровольное исправленіе своихъ владыкъ, братства стали побуждать константинопольскаго патріарха къ созыву чрезвычайнаго собора для суда надъ ними.

Извѣстно, въ какія враждебныя отношенія къ церковнымъ братствамъ стали тогда многіе изъ архіереевъ, уже достаточно усвоившіе шляхетско-католическую теорію о непререкаемости авторитета власти епископской и невмѣшательствѣ мірянъ въ церковныя дѣла. Едва только братства обнаружили намѣреніе пользоваться предоставленными имъ отъ патріарховъ полномочіями, какъ немедленно въ средѣ архіереевъ поднялся вопль о томъ, что патріархи отняли у нихъ всю церковную власть и вручили ее простымъ хлопамъ: шевцамъ, сѣдельникамъ и кожемякамъ, что эти хлопы-братчики не только не хотятъ повиноваться епископамъ, но даже осмѣливаются вмѣшиваться въ церковное управленіе и обсуждать ихъ образъ дѣйствій, и что въ виду этого они, епископы, вынуждены что-нибудь »о собѣ промышляти«. Это »промышленіе« о себѣ западно-русскихъ архіереевъ выразилось въ томъ, что они отправились договариваться съ польскимъ правительствомъ относительно уніи и въ число главныхъ условій этого договора внесли требованіе, чтобы выданныя братствамъ патріаршія грамоты были уничтожены и чтобы братства впредь находились въ совершенномъ подчиненіи у епископовъ. Такъ самъ митрополитъ Михаилъ Рагоза объяснялъ причины, побудившія его и другихъ архіереевъ приступить къ уніи, а о львовскомъ епископѣ Гедеонѣ Балабанѣ одинъ изъ современниковъ выразился, что онъ, томимый со стороны львовскаго братства, былъ-бы радъ взять въ помощь себѣ самаго дьявола, а не то что римлянъ. Архіерейское вѣроотступничество нимало не остановило начавшагося на Руси своего рода реформаціоннаго движенія: опасность, грозившая вѣрѣ и церкви со стороны владыкъ-отступниковъ, заставила мірянъ взять исключительно на себя защиту православія, и такимъ образомъ архіереи сами подали поводъ къ еще болѣе рѣшительному вмѣшательству свѣтскихъ людей въ церковныя дѣла. Заволновались церковныя братства, къ нимъ присоединились мѣщане и большинство православныхъ дворянъ, и всѣ въ одинъ голосъ протестовали противъ уніи и заявляли именемъ всего русскаго народа, что не признаютъ бо-

лѣе измѣнниковъ-архіереевъ своими пастырями. Напрасно король старался успокоить эти волненія, угрожая мѣщанамъ и убѣждая дворянъ, что они, люди свѣтскіе, не имѣютъ права даже обсуждать, а тѣмъ болѣе отвергать то, что учинено ихъ архипастырями, но должны безпрекословно слѣдовать за ними, не испытывая, чему учатъ тѣ, которыхъ Духъ св. далъ имъ въ вожди до конца жизни. Этому, чисто католическому принципу православные противопоставляли свой, соборный принципъ и утверждали, что безъ совѣщаній соборныхъ и безъ воли и согласія свѣтскихъ сословій, какъ знатныхъ, такъ и простыхъ людей, владыки не имѣли права предпринимать никакихъ перемѣнъ въ религіи. Вскорѣ былъ открытъ знаменитый брестскій соборъ, представляющій небывалое ни предъ тѣмъ, ни послѣ того явленіе въ церкви русской. Онъ состоялъ изъ двухъ »колъ« или отдѣленій: духовнаго и свѣтскаго, собиравшихся однако вмѣстѣ и разсуждавшихъ сообща. Коло свѣтское было несравненно многочисленнѣе духовнаго; въ его составъ входили депутаты отъ всѣхъ почти западно-русскихъ земель, воеводствъ и повѣтовъ, а также отъ церковныхъ братствъ и городскихъ общинъ, прибывшіе на соборъ съ инструкціями отъ своихъ избирателей, сходными въ двухъ главныхъ требованіяхъ: а) чтобы митрополитъ и владыки, самовольно подчинившіеся папѣ, были низложены и лишены духовнаго сана, и б) чтобы затѣянная ими унія была отвергнута. Въ такомъ именно смыслѣ состоялся и самый актъ соборный, который и былъ изданъ отъ имени лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, какъ членовъ собора.

Брестскій соборъ былъ актомъ окончательнаго разрыва между двумя направленіями, давно уже обозначившимися внутри западно-русской церкви: клерикально-іерархическимъ и соборнымъ. Первое изъ этихъ направленій, какъ не согласное съ духомъ православія, теперь выдѣлилось изъ него и примкнуло къ своему естественному союзнику— латинству; разсчитывая при его помощи достигнуть преобладанія надъ направленіемъ ему противоположнымъ, оно въ свою очередь старается, въ видахъ самосохраненія, оживить и яснѣе формировать свое основное начало. Таковъ, по нашему мнѣнію, внутренній смыслъ борьбы между уніей и православіемъ, открывшейся тотчасъ послѣ брестскаго собора.

Унія стала теперь внѣшнимъ символомъ, знаменующимъ собою систему строгаго іерархическаго полновластія въ церковныхъ отношеніяхъ, совершенно исключающаго право пасомыхъ на самоопредѣленіе въ дѣлахъ вѣры и самоуправленіе въ дѣлахъ церкви, какъ религіозно-общественной организаціи. Эта система была не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ къ сферѣ церковныхъ отношеній общаго олигархически-шляхетскаго принципа, издавна господствовавшаго въ польскомъ общественномъ быту и съ успѣхомъ прививаемаго тогда на литовско-русской почвѣ; вотъ почему унія, не смотря на первоначальную малочисленность открытыхъ ея приверженцевъ и вообще негодованіе, съ какимъ встрѣчено было въ западно-русскомъ мірѣ ея появленіе, не погибла преждевременною смертью, но съ теченіемъ времени стала пріобрѣтать сочувствіе и поддержку въ средѣ той самой русской шляхты, которая такъ недавно еще клялась на брестскомъ соборѣ оказывать ей всевозможное противодѣйствіе. Наоборотъ, православіе осталось знаменемъ церковно-соборнаго строя, основаннаго на евангельской идеѣ всеобщаго равенства вѣрующихъ, какъ членовъ церкви, безъ различія ихъ званій и положеній въ ней, и по духу весьма близкаго къ тому безсословно-общинному порядку, который нѣкогда составлялъ основу общественныхъ отношеній въ южной Руси и въ то время подвергался окончательному вытѣсненію со стороны чуждаго, польско-шляхетскаго порядка; вотъ почему истинные поборники православія, полагавшіе за него свое достояніе, свободу и самую жизнь, выходили не столько изъ среды западно-русскихъ пановъ, любившихъ болѣе хвалиться титуломъ защитниковъ православной церкви, нежли въ дѣйствительности ее защищавшихъ, сколько изъ среды низшихъ сословій: мѣщанъ, низшаго духовенства и простаго народа, въ лицѣ его представителей—козаковъ.

Чтобы иллюстрировать наши положенія, обратимъ вниманіе на полемическую литературу того вѣка, уніатскую и православную, такъ какъ въ ней яснѣе формулированы тѣже основные принципы, какими обѣ стороны руководились и въ своихъ дѣйствіяхъ. Какіе-же то были принципы? Если исключить изъ полемической литературы богословскіе трактаты о догматическихъ разногласіяхъ между православіемъ и уніей, то окажется, что остальная часть полемики сводится главнымъ обра-

зомъ къ спорамъ о предѣлахъ церковно-іерархической власти и о правѣ участія мірянъ въ дѣлахъ вѣры и церкви. Такъ въ первомъ полемическомъ сочиненіи, написанномъ въ защиту уніи, проводятся слѣдующія воззрѣнія: соборъ есть трибуналъ только однихъ епископовъ и кромѣ нихъ никто другой не долженъ имѣть на немъ голоса; право разсуждать объ ученіи вѣры принадлежитъ единственно высшей духовной власти, а отнюдь не мірянамъ, которые обязаны слѣпо вѣровать всему, чему учатъ ихъ пастыри; міряне ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть судьями своихъ пастырей, даже и тогда, когда-бы они заблуждались, ибо и въ этомъ случаѣ пасомые не освобождаются отъ обязанности безусловнаго повиновенія имъ. Въ отвѣтномъ сочиненіи православныхъ, знаменитомъ »Апокрисисѣ«, искусно опровергаются эти папистическія воззрѣнія и энергично защищаются противоположныя имъ, соборныя понятія православной церкви. Съ особенною смѣлостью авторъ »Апокрисиса« развиваетъ и защищаетъ тезисъ объ участіи мірянъ въ дѣлахъ вѣры. Онъ усвояетъ мірянамъ въ самыхъ широкихъ границахъ право участія не только въ избраніи и судѣ надъ всѣми духовными лицами, но и въ сужденіи о догматахъ вѣры, съ правомъ голоса на соборахъ, производящихъ церковный судъ и постановляющихъ церковныя вѣроопредѣленія. Ученіе противниковъ объ обязанностяхъ пасомыхъ безъ разсужденія вѣровать всему, чему учатъ пастыри, авторъ Апокрисиса называетъ *жидовскимъ* ученіемъ, говоря, что »такое приказаніе могло выйти не отъ христіанскихъ учителей, а развѣ отъ жидовскихъ рабиновъ, которые, написавъ въ талмудѣ множество нелѣпыхъ выдумокъ, приказали жидамъ вѣрить всему этому подъ угрозою проклятія«; напротивъ, по его взгляду, пасомые имѣютъ несомнѣнное право испытывать, согласно-ли съ словомъ Божіимъ то, чему учатъ пастыри, предостерегать и вразумлять послѣднихъ, когда они заблуждаются или поступаютъ беззаконно, а въ случаѣ нужды подвергать преступныхъ іерарховъ соборному суду и приговаривать къ низложенію; »ибо, говоритъ онъ, кто имѣетъ право избирать духовныхъ, тотъ можетъ и низвергать ихъ«. Уніатскіе писатели объявили автора »Апокрисиса« еретикомъ, а его взгляды протестантскими; но тѣже воззрѣнія были повторяемы и другими, несомнѣнно православными по-

лемистами. Наконецъ, мы имѣемъ сочиненія простого южно-русскаго монаха, Іоанна Вишенскаго, подвизавшагося въ то время въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей и оттуда приславшаго въ Малую Русь свои поистинѣ »соборныя« посланія. Вишенскій не былъ ученымъ богословомъ, писалъ свои посланія въ простонародномъ духѣ и безъ сомнѣнія вѣрнѣе другихъ писателей выражалъ мнѣнія и настроеніе среднихъ круговъ тогдашняго общества. Въ своихъ посланіяхъ онъ проводитъ тѣже воззрѣнія, что и авторъ »Апокрисиса«, но формулируетъ ихъ съ большею еще смѣлостью и рѣзкостью. »Да будутъ прокляты, восклицаетъ онъ, владыки, архимандриты и игумены, которіе на мѣстахъ святыхъ лежучи, гроши збираютъ, жены украшаютъ, слугъ умножаютъ, кареты зиждутъ, роскошь свою поганскую исполняютъ«. Онъ прямо провозглашаетъ, что »хлопы, кожемяки, сѣдельники, шевцы«, вообще міряне и простолюдины—это и есть самое тѣло церкви, имѣющее, по гласу Христову, власть »скверно-начальника (архіерея) извергнуть, осудить и даже подвергнуть отлученію«. Въ другомъ мѣстѣ онъ убѣждаетъ православныхъ: »всякого такого, который на священническій санъ не по правиламъ восходитъ, але похоти плотскія ради, имѣнія и панства самъ наскакуетъ, не пріймайте, и отъ короля даного, безъ вашого избранія, изженѣте и прокленѣте. Лѣпше вамъ безъ владыкъ и безъ поповъ, отъ діавола поставленныхъ, до церкве ходити и православіе хранити, нежели съ владыками и попами, не отъ Бога званными, у церкви быти и съ тои ся ругати. Не попы бо насъ спасуть, или владыки, или митрополиты, но вѣры нашея таинство съ храненіемъ заповѣдей Божіихъ—тое насъ спасти маетъ«.

Вотъ какія понятія проповѣдывались тогда въ западно-русскомъ обществѣ ревнителями православія въ противовѣсъ клерикальнымъ тенденціямъ латино-уніатской партіи. Правду сказать, никогда еще соборный принципъ православной церкви не формировался съ такою опредѣлительностью, широтою и смѣлостью, какъ то мы видимъ у цитированныхъ нами полемистовъ, особенно же у православнаго инока Вишенскаго, доходившаго почти до отрицанія церковной іерархіи. Мы упомянули, что латино-уніатскіе писатели признавали ихъ мнѣнія еретическими, т. е. протестантскими; къ этому прибавимъ, что такими-же

отчасти признаются нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній и нынѣшними православными богословами. Не намъ, конечно, защищать ихъ ортодоксальность. Скажемъ лишь, что голосомъ всей западно-русской церкви подобныя мнѣнія признавались тогда вполнѣ православными, а если кто изъ православныхъ начиналъ смущаться ихъ церковно-республиканскимъ характеромъ, тотъ неминуемо оканчивалъ тѣмъ, что измѣнялъ православію и оказывался въ рядахъ уніи. Это именно и случилось съ однимъ изъ талантливѣйшихъ слугъ и защитниковъ православія, извѣстнымъ Мелетіемъ Смотрицкимъ, который, послѣ цѣлаго ряда литературныхъ и другихъ трудовъ, совершенныхъ на пользу православной церкви, будучи уже въ санѣ архіепископа полоцкаго, неожиданно сталъ соблазняться тѣмъ, что въ южно-русской церкви »не духовные въ справахъ духовныхъ радятъ, але свѣтскіе, а духовные (какъ онъ выражался) только pro forma«, и это сознаніе произвело столь рѣзкій переломъ въ его убѣжденіяхъ, что онъ осудилъ свою прежнюю дѣятельность, признавъ ее насажденіемъ на Руси »лютерской и кальвинской ересей«, и перешелъ въ унію. Но не такъ думали объ этомъ предметѣ другіе православные іерархи, видѣвшіе въ широкомъ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви единственный прочный залогъ ея спасенія среди обуревавшихъ ее со всѣхъ сторонъ бѣдствій и потому заботливо поощрявшіе такое участіе. И когда въ 1620 г., въ южной Руси была снова возстановлена высшая православная іерархія и вступила во всѣ каноническія права свои, она и не подумала ограничивать участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, а на первомъ-же соборѣ своемъ, происходившемъ въ Кіевѣ въ 1621 г., приняла себѣ въ руководство слѣдующее постановленіе: »Не слѣдовать безбожному папскому правилу, по которому хотя бы папа тму людей влекъ за собою въ адъ, никто не смѣетъ сказать ему: стой! что ты дѣлаешь? Поэтому не гнѣваться на младшихъ или низшихъ степенью, если-бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что-либо напоминали или отъ чего предостерегали, напротивъ позволять имъ это дѣлать и не считать стыдомъ слушать меньшихъ и отъ нихъ научаться. Ипатій Потѣй, Рагоза и другіе ихъ единомышленники были немалыя головы, не смотря на то предки наши, и многіе изъ нихъ совсѣмъ простые люди, дерзали обличать ихъ безбоязненно. Тоже подобаетъ творить и всѣмъ православнымъ«.

Съ тѣхъ поръ до самаго конца существованія самостоятельной кіевской митрополіи, всѣ церковныя должности въ Малороссіи отъ митрополита до приходскаго священника были избирательныя и общеніе между духовнымъ и мірскими сословіями было такъ тѣсно, что нерѣдко на высшія духовныя достоинства были избираемы заслуженные козаки, и наоборотъ—лица духовныя при случаѣ выбирались въ войсковыя должности. Такъ еще въ 1692 г. въ архимандриты кіево-печерской лавры былъ выбранъ единогласно значный войска запорожскаго товарищъ, войсковый генеральный судья Михаилъ Вуяховичъ, а подъ 1715 г. малороссійскія лѣтописи передаютъ, что какой-то протопопъ Лисовскій »того року сотникомъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ учиненъ«. Что-же касается сельскаго малороссійскаго духовенства, то и въ настоящую пору живо еще поколѣніе, которое хорошо помнитъ тѣ времена, когда сельскія »громады« на Украинѣ вольными голосами выбирали къ своимъ »парахвіямъ« священниковъ и заключали предварительный договоръ относительно ихъ обезпеченія и вообще взаимныхъ отношеній. И кто знаетъ, не въ этой-ли свободѣ отношеній между пастырями и пасомыми кроется объясненіе того, почему у насъ въ старину и духовенство было дѣятельнѣе, и школы и пиитали существовали почти при каждой церкви, и общество иначе относилось къ церкви и къ духовенству, и не было слышно тѣхъ нареканій на него, какими столь богато наше время.

О. И. Левицкій.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

IV.

Вѣсть о томъ, что Балабуха отбилъ ольшаницкую парафію у Моссаковскаго, пришла скоро въ Чайки. Какой-то дьячекъ, бывъ въ Ольшаницѣ, заѣхалъ въ Чайки и передалъ эту вѣсть матушкѣ Прокоповичкѣ. Отецъ Степанъ на ту пору отдыхалъ въ пасѣкѣ. Лишь только гость за порогъ, матушка опрометью бросилась въ пасѣку и чуть не опрокинувъ улья на пути, влетѣла въ »катрагу«. О. Степанъ сладко почивалъ, лежа на спинѣ и вольно раскидавъ руки и ноги. Матушка дернула его изо всей силы и крикнула на всю пасѣку.

— Чи ты знаешъ, що сталося? Чи ты знаешъ, що дiється?

— Га, що, де? Пожежа! крикнулъ въ свою очередь панъ-отецъ; схватившись съ своего ложа и усѣвшись на лавкѣ.

— Чи ты знаешъ, що сталося? крикнула еще громче пани-матка и толкнула своего »господинка« въ бокъ.

— Що? церква горить? Дзвони на гвалтъ! лизь на дзвиныцю! кричалъ въ просонкахъ Прокоповичъ.

— Лизь уже ты на дзвиныцю, та дзвони. Пропала Вильшаниця, та вже й не вернется.

— А, злодiи! Хтось укравъ Вильшаницю? Запрягай кони та доганяй,—мололъ совсѣмъ еще сонный панъ-отецъ.

---

[1]) См. »Кіевская Старина« 1884 г., іюньск. кн., стр. 267—288.

— Та перехрестись, та прочумайся! вразумляла его пани-матка. Яки тамъ злодіи! Ось Балабуха одбивъ Вильшаницю у нашого Харитона. Тильки що бувъ дякъ, забула вже звидкиль, вступивъ до господы, та й росказавъ оце.

— Та чортъ ёго бери, коли одбивъ. Про мене, нехай соби носа одибъе. Тильки мене перелякала. Я думавъ, що може де нибудь пожежа, сказалъ Прокоповичъ, занятый только сномъ и опасеніемъ пожара.

— Отъ тоби й на! Це гарный батько! А що жъ теперъ робитеме наша Онися? спросила Прокоповичка.

— Про мене, нехай соби й за Балабуху йде! пробормоталъ Прокоповичъ, ничего уже не соображавшій;—на него налегъ сонъ и онъ, какъ снопъ, свалился на лавку.

— Та вставай, та давай намъ пораду! крикнула матушка и дернула мужа такъ, что тотъ чуть не полѣтѣлъ подъ лавку и со страха уцѣпился обѣими руками за жену.

— Одчепись, бо якъ дамъ, то й перекинешься! закричалъ онъ сердито, снова сѣвъ на лавку: дай мени доспати, а потимъ...

И о. Степанъ сидя дремалъ, свѣсивъ голову и упершись руками въ колѣни.

— Вставай. Онъ архіерей прыихавъ! крикнула ему жена, замѣтивъ, что онъ дремлетъ.

— А вже-жъ! Пиддуришъ, якъ разъ, не открывая глазъ, проговорилъ о. Степанъ и опрокинувшись на лавку лицемъ къ стѣнѣ, мгновенно захрапѣлъ. Жена плюнула съ досады и пошла въ комнаты на совѣтъ къ Онисѣ.

Онися ходила по свѣтлицѣ и спокойно забавлялась сѣмячками, точно ничего непріятнаго не произошло. Мать замѣтила ея равнодушный видъ, и ее разбирала невольная досада на равнодушіе къ случившемуся со стороны мужа и дочери и что ей одной приходилось мучиться за всѣхъ.

— Похожай доню, та насиннячко лузай! проговорила она язвительнымъ тономъ, обращаясь къ дочери.

— А що-жъ маю робити! отвѣчала дочь. Хиба сиду, та буду слёзы лити?

— Ато-жъ нема чого плакати? съ сердцемъ вскрикнула мать.

— Я, мамо, не зъ тихъ, що плачуть, спокойно сказала Онися и по прежнему ходила и грызла сѣмячки.

— Якъ не зъ тихъ, то про мене, йди замижъ за карапишанського дяка, бо вже попадею не будешъ.

— То й піду! Оце велике лихо! Хиба дякъ не чоловикъ.

— Якій винъ чоловикъ! будешъ лито й зиму боса ходити та горщикомъ воду носити.

— Абы не дирявый горщикъ, та й носитиму, сказала Онися, глядя въ окно и не переставая грызть сѣмячки.

— Хиба-жъ ты думаешъ за ёго йти замижъ? крикнула мать.

— А бо що?

— А те, що винъ попомъ у Вильшаници не буде. А якажъ друга громада выбере такого дурня за попа?

— Харитонъ не дурень. Я ёго люблю и за ёго замижъ піду, хочъ-бы я на вики зосталась дячихою, сказала Онися, снова заглядывая въ окно.

Если-бы Онися не глядѣла въ окно, а взглянула на мать, послѣдняя, быть можетъ, стала бы мягче и покойнѣе: равнодушіе дочери раздражало ее.

— То ты пидешъ за того дяка, за ту чехоню? Ба не пидешъ! крикнула мать.

— Ба піду й за чехоню, тихо сказала Онися, сдерживая гнѣвъ.

— Ба не пидешъ, бо мы тебе не оддамо!

— Я й сама піду. Хиба я маленька, щобъ вы мене оддавали.

— Та мы тоби ничого не дамо! Пидешъ до ёго хиба пишки въ Карапиши.

— То й пишки піду. Це мени не заважить.

— Шфу на того дурного дяка. Та винъ-же отъ хлибъ святый обминявъ, а до тебе й слова не промовивъ. Ото знайшла розумъ.

— Тимъ винъ мени й сподобався. Вмію я й сама говорити. Якъ бы въ ёго бувъ языкъ довгій, ябъ ёму наклала повенъ визъ гарбузивъ, якъ вашому академистови.

— Якъ ты ёму не накладешъ гарбузивъ, то я ёму накладу не то въ визъ, а въ ёго голову, бо въ ёго голова така розумна, якъ гарбузъ.

— И, вже ваше минуло. Не часъ вамъ гарбузувати. А я Харитона люблю и більшъ ни за кого замижъ не пиду, окримъ єго, хочъ-бы тутъ двадцять академистивъ було.

Тяжело вздохнула мать, хлопнула дверью и пошла къ мужу. Отецъ Степанъ хропѣлъ такъ, что лавка подъ нимъ дрожала. Матушка поглядѣла, потопталась и не рѣшилась прерывать крѣпкій сонъ своего мужа, между тѣмъ пройдясь по саду, немного остыла, успокоилась и побрела въ комнаты. Оника ходила по свѣтлицѣ и грызла сѣмячки.

— Хто ёго зна, що це за люди, заговорила какъ-бы про себя мать, переступая порогъ: той хропе въ катрази, а ця насинячко луза. Немае имъ дила ни до чого. Сама за всихъ клопочись, та й годи.

— За мене, мамо, не клопочиться. Я сама за себе поклопочусь, сказала Оника.

Только что Оника произнесла эти слова, какъ на дворѣ залаяли собаки и раздался глухой трескъ въѣзжавшаго воза. Оника, не взглянувъ даже въ окно, догадалась о томъ, кто въѣзжалъ во дворъ. Догадывалась и мать и тѣмъ не менѣе спросила:

— А хто то прыихавъ?

— Вгадайте! отозвалась Оника, не обращаясь къ матери.

— Певне карапишанська чехоня, сказала со злостью мать, удаляясь въ комнату, и прибавила: крутись-же съ нимъ, бо я не буду коло ёго панькатись.

Спустя нѣсколько минутъ отворилась дверь въ свѣтлицу и на порогѣ показался Моссаковскій въ черномъ длинномъ жупанѣ, въ сапогахъ на подборахъ, съ широкимъ отложнымъ воротомъ рубахи, застегнутой на этотъ разъ голубой лентой. Лице его сіяло, синія очи блестѣли тихимъ радостнымъ свѣтомъ. Русыя кудри свѣтлымъ пламенемъ охватывали кругомъ его голову. Подъ мышкой у него бѣлѣла паляница. Проконовичка вскинула на Моссаковскаго черезъ порогъ не ласковыми очами, притворила дверь и стала за ней. Моссаковскій взглянулъ на Онисю и на его матово-блѣдномъ лицѣ появился легкій румянецъ. Оника почуяла въ себѣ непонятный страхъ при видѣ этого совсѣмъ смирнаго человѣка. Она чувствовала, какъ забилось въ груди ея сердце, какъ стыли ея руки и ноги.

— Добры-день вамъ! зъ недилею будьте здорови! тихо сказалъ Моссаковскій и поцѣловалъ Онисю въ руку.

Онися поцѣловала его въ щеку и мгновенно почувствовала, что кровь хлынула ей въ лице, а руки и ноги совсѣмъ онѣмѣли.

— Доброго здоровьячка! спасыби вамъ! едва слышно отвѣтила Онися. Моссаковскій положилъ палянницу на столъ, остановился и опустилъ руки. Онися попросила его сѣсть, Моссаковскій робко опустился на стулъ.

Настало молчаніе, Моссаковскій и Онися не смѣли взглянуть другъ другу въ глаза. Мать стояла за дверью и все прислушивалась.

— Правдива чехоня! подумала она послѣ нѣкотораго ожиданія, не вміе навить зъ дивкою поговорити й пожартувати. Мій отець Степанъ не такъ поводився зо мною, якъ бувъ моимъ женихомъ.

Долго молодые сидѣли и молчали. Онися знала, что Моссаковскій готовъ до вечера молчать да смотрѣть на нее; но ей самой становилось неловко, и она наконецъ прямо заговорила о томъ, что у нихъ обоихъ было на мысли.

— Вы, Харитопе Петровичу, може думаете, що я одкинусь одъ васъ черезъ те, що вы втеряли вильшаницьку парафію? Не думайте сёго...

— Ни, я... ничого не думаю... на силу отозвался Моссаковскій и сказалъ правду: въ ту минуту онъ дѣйствительно ни объ чемъ не думалъ, но только глядѣлъ на Онисю и любовался ею.

— Я не одкинусь одъ васъ, я пиду за васъ замижъ, хочъ-бы вы зостались дякомъ въ Карапишахъ, смѣло сказала Онися.

— Спасыби вамъ, Онисіе Степановно! Яки вы добри.

Мать за дверью такъ мотнула головой, что намитка на ея плечахъ приподнялась чуть не выше головы.

Моссаковскаго лице горѣло, глаза блестѣли отъ радости; онъ готовъ былъ броситься къ ногамъ Ониси, но даже глазами не шевельнулъ.

— Я пиду за васъ замижъ, хочъ-бы мій батько та мати не пристали на те, опять сказала Онися и съ этими словами схватилась съ мѣста и сѣла рядомъ съ Моссаковскимъ. Моссаковскій не выдержалъ, схватилъ ея руку и поцѣловалъ. Онися цмокнула его въ щеку.

Мать, заслышавъ цѣлованье, дернула дверью и вскочила въ свѣтлицу. Молодые сидѣли, потупивъ глаза. Лице Прокоповички было блѣдно, глаза горѣли, какъ угли.

— Оце гарно,—начала она, ей Богу гарно! Де весилля, а вони вже цмокаються.

— Ей Богу я ни въ чому не виненъ, тихо промолвилъ Моссаковскій, схватившись со стула и цѣлуя Прокоповичку въ руку.

Прокоповичка не знала, что дѣлать, что больше сказать; метнулась сюда-туда по свѣтлицѣ, такъ что намитка на ней заколыхалась, и молча вышла въ садъ.

— Ваша паниматка на мене чогось сердяться, сказалъ Моссаковскій: вони не оддадуть васъ за мене.

— Якъ не оддадуть, то я сама пиду, сказала Онися, сердито глянувъ въ слѣдъ удалившейся матери.

А мать межъ тѣмъ бѣгомъ устремилась въ пасѣку и, найдя мужа уже проснувшимся, накрыла его, какъ говорится, мокрымъ рядномъ:

— Иди вже до хаты, та говори зъ тимъ дякомъ. Вже прыихавъ мабуть по мою душу!

— Отъ и добре, що прыихавъ: буде зъ кимъ по чарци выпити.

— Тоби тильки по чарци. Готовый свою дитину пропити. Сплять соби, а я одна клопочусь та бигаю.

— Вже правда, що розбигалась, якъ курка зъ яйцемъ; не дала й выспатись. И чого такъ ты прибігала въ пасику гвалтувати? Що тамъ трапилось: чи пожежа, чи?...

— Пожежа! Добра пожежа! Балабуха одбивъ Вильшаницю одъ Моссаковського. Виддавай теперъ дочку за дяка.

— А дочка що каже?

— А дочка здурила. Иди ще ты поговори зъ нею: цилуется зъ тымъ дурнымъ дякомъ, нема стыда й сорома.

— Гм... Гм... Це вже не до ладу... Треба щось робити... закончилъ Прокоповичъ, направляясь съ женой къ дому.

Тѣмъ временемъ Моссаковскій сообщилъ Онисѣ, что ольшаницкая громада выжила Балабуху и что владыка тамъ предоставилъ ему этотъ приходъ, какъ того желала громада. Онися сообразила, что въ такомъ разѣ ей и думать не объ чемъ и что родителямъ ея никакой нѣтъ нужды мѣнять свое слово. Одно то ея ждало, что, благодаря робости и молчаливости ея жениха, дѣло не вдругъ объяснится; но и это болѣе забавляло, чѣмъ безпокоило ее.

Скоро появились папъ-отецъ и пани-матка. Моссаковскій привѣтствовалъ ихъ низкимъ поклономъ. Онися съ любопытствомъ поглядывала то на отца, то на мать. Мать сѣла на канапкѣ, надулась, глядѣла на стѣну и молчала. Отецъ смотрѣлъ покойнѣе и ласковѣе; не желая раздражать жены, онъ обратился къ Онисѣ и велѣлъ ей принести водки и закуски. Онися поспѣшно выходила; мать въ догонку говорила:

— Та парижъ, Онисю, теси паляныци, що лежить тамъ зъ самого верху!

Онися усмѣхнулась: съ самаго верху лежала черствая паляница. Онися нарѣзала самой свѣжей и вынесла вмѣстѣ съ водкой въ свѣтлицу.

Выпили по рюмкѣ. Моссаковскій молчалъ, не имѣя привычки много говорить. Прокоповичка молчала съ досады и все глядѣла на стѣну. Прокоповичъ пробовалъ завести разговоръ, но, не вполнѣ очнувшись еще отъ сна, только зѣвалъ во весь ротъ. Молчаніе и надутый видъ жены ему не нравились и онъ, желая развеселить ее, обратился къ ней съ шутливымъ вопросомъ:

— Чого це ты, паниматко, такъ пильно дивишся на стину? Чи мухъ личишъ, чи що?

Прокоповичка бросила на мужа гнѣвный взглядъ и стала смотрѣть на печку такъ пристально, будто тамъ была очень искусно написанная картина.

Въ свѣтлицѣ опять стало тихо. Прокоповичъ еще разъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. Всѣ молчали, Прокоповичъ вновь началъ поддразнивать жену.

— Отъ же ты, паниматко, закохалась въ груби. Дивися тай дивися на пеи и очей не зводишъ, сказалъ онъ.

— Говори вже ты; мени нема чого говорити, сердито отвѣтила Прокоповичка, не сводя глазъ съ печки.

Онися внутренно смѣялась. Моссаковскій глядѣлъ въ землю.

— Выпиймо ще по чарци! Може зъ чарки добудемо розмовы, сказалъ Прокоповичъ, наливая по второй.

Выпили по второй; языки въ самомъ дѣлѣ развязались. Прокоповичъ сталъ распрашивать Моссаковскаго про Ольшаницу, но издалека.

— Якъ же вы, Харитоне, думаете теперъ распорядитись собою? спросилъ онъ Моссаковскаго.

— Мени треба скорише женитись, щобъ часомъ зновъ хтось не отбивъ у мене Вильшаныци, отвѣтилъ Моссаковскій. Прокоповичка перевела глаза съ печи на дверь.

— Якъ же такъ! А Балабуха де дився? спросилъ Прокоповичъ.

— Балабуха мусивъ выихати зъ Вильшаныци, бо єго громада не схотила держати на парафіи. Владыка оддавъ мени Вильшаныцю, сказалъ Моссаковскій.

Прокоповичка перевела глаза съ дверей на Моссаковскаго и не вѣрила своимъ ушамъ.

— Такъ оддавъ вамъ парафію? вскрикнула она, схватившись съ мѣста.

— Оддавъ, совершенно спокойно отвѣчалъ Моссаковскій. Громада настояла на своему. Теперъ мени треба поспишати, щобъ парафія зновъ не втикла зъ рукъ.

— Голубчику, Харитоне! Поздоровляю васъ одъ щирого сердця! воскликнулъ Прокоповичъ и бросился обнимать Моссаковскаго. Прокоповичка въ свою очередь начала обнимать и цѣловать его. Всѣ развеселились, всѣ говорили, нихто никого не слушалъ. Прокоповичка засуетилась, завертѣлась, выскочила въ спальню и снова въ свѣтлицу вбѣжала. Онися хохотала, закрывшись рукавомъ.

— А що, паниматко, коли поличила вси мухи, то ставъ могоричъ. Вынось наливки, настойки, запикапки! Давай на стилъ пироги, калачи, всяки ласощи, яки маешъ! Давай разомъ полудень и вечерю, выкрикивалъ Прокоповичъ.

Прокоповичка бросилась въ кладовую, въ кухню, подняла на ноги всю прислугу. Въ кухнѣ затопили въ печи. Закричали куры подъ ножемъ, завизжалъ поросенокъ, котораго влекли на закланіе. Въ свѣтлицу какъ будто на крыльяхъ влетѣли фляшки съ наливками и настойками. Откуда взялись пироги въ сметанѣ, бублики на яйцахъ, маковники, всякіе »пундики«. Пошла чарка за чаркой, полилась веселая бесѣда. На всѣхъ сіяла радость. Моссаковскій разговорился, раскраснѣлся, повеселѣлъ. Прокоповичка любовно глядѣла на его нѣжное съ румянцемъ лице и только теперь убѣдилась, что онъ похожъ отнюдь не на чехоню, а на какого нибудь панка.

— Теперъ хочъ и пидъ винець! не выдержала и поспѣшила высказаться Прокоповичка, выпивъ чарку запеканки: нема намъ чого

гаятись. Въ поли, хвалити Господа, зовсимъ обробились, дома роботы не гуртъ,—можно й погуляти.

— Про мене, хочъ и заразъ, сказалъ Моссаковскій; бо справди нема чого гаяти часъ.

— Шкода, що вы не прыихали зъ братомъ: мы-бъ оце поговорили зъ нимъ, якъ зъ сватомъ, говорила Прокоповичка, ласково глядя Моссаковскому въ глаза. Про те мы своеи дочки не обидимо: є въ насъ, хвалити Бога, и худоба, й кони, й возы, й плуги.

— И спасыби вамъ, паниматко! Хто-жъ не знае про вашу добристь? Про це нема чого й говорити, съ довѣріемъ произнесъ Моссаковскій.

— Одна дочка, одна дитина: для кого-жъ мы дбали? прибавилъ Прокоповичъ, и тѣмъ кончились переговоры о приданомъ.

Пошла чарка опять изъ рукъ въ руки. И гость и хозяева, перекидываясь веселыми шуткам и прибаутками, принялись за полдникъ и не переставали выпивать и закусывать, пока не настало время »вечери«. Прокоповичка, снимая со стола закуски и очищая мѣсто для ужина, со вздохомъ произнесла:

— Оце-жъ я наварила й напекла, та не буде кому вечеряти: колибъ Господь принисъ якихъ гостей, або що.

— Правду кажешъ, пани-матко, отозвался Прокоповичъ: якбы Господь пославъ гостей, то все-бъ таки больше взилось и выпилось въ кумпаніи.

Какъ-бы въ исполненіе ихъ желанія, неожиданно для всѣхъ въ свѣтлицу вошелъ старшій братъ Харитона, завернувшій мимоѣздомъ.

— Десь Господь послухавъ моеи молитвы и принисъ васъ, неначе на крылахъ! радостно вскричалъ Прокоповичъ и бросился обнимать и цѣловать гостя.

Прокоповичка отъ радости и съ хмѣлю чуть не поцѣпилась гостю на шею. Онися цѣловала его руки, а Харитонъ въ увлеченіи общимъ восторгомъ такъ прижималъ и цѣловалъ брата, будто не видѣлся съ нимъ много лѣтъ. Настало новое оживленіе, пошла опять круговая, разошлись въ бесѣдѣ, запумѣли.

— Теперъ моя вечеря не пропаде! сказала Прокоповичка и побѣжала въ кухню.

Въ непродолжительномъ времени столъ былъ готовъ къ ужину: по срединѣ его, какъ на громадскомъ обѣдѣ, возвышалась цѣлая гора свѣже-нарѣзанной паляницы, по краямъ протянуты были полотенца, въ замѣнъ салфетокъ. Добавлено было разныхъ настоекъ и наливокъ, долито было и широкое *пуздро* (родъ графина) съ водкой. Усѣлись за столъ, выпили со всѣми причитаньями по первой и принялись за лапшу съ курицей такъ усердно, какъ бы дотолѣ во рту съ утра ничего не держали. Выпили по второй, и отъ большущаго поросенка скоро остались одни только кости. Справились съ большимъ полумискомъ жареныхъ куръ и закончили варениками, выпивая *до* и *по*, и наконецъ на потуху.

Прокоповичъ давно уже чувствовалъ, что у него шумитъ въ головѣ и потому спѣшилъ закончить дѣломъ.

— Ну, господине, началъ онъ, обращаясь къ нареченному своему зятю, поки ще наши языки повертаються въ роти, поговоримо по Божому, коли то намъ те весилля справляти.

— Воля ваша, отець Степанъ, сказалъ Моссаковскій; мени здаеця, що нема чого одкладати.

— А вже-жъ нема чого одкладати, подхватила Прокоповичка, пуще всего боявшаяся, чтобы кто нибудь опять не отнялъ прихода у Харитона. По предложенію о. Степана, согласились всѣ праздновать свадьбу чрезъ недѣлю.

— Въ субботу спечемо коравай та шишки, а въ неділю й до винця, заключила Прокоповичка, поправляя на головѣ »очипокъ и намитку«.

Встали изъ за стола, помолились и вновь присѣли. Въ свѣтлицѣ стояла духота. О. Степанъ раскрылъ окна; въ комнату полилась свѣжая прохлада сухой, теплой осени. Надъ садомъ по темному небу блестѣли звѣзды; но пресыщеннымъ гостямъ и хозяевамъ не приходило въ голову любоваться звѣздной почью; они сидѣли и пыхтѣли, обтирая потъ. Бесѣда не клеилась, всѣхъ клонило ко сну. Немилосердно зѣвнулъ о. Степанъ, за нимъ пани-матка, потомъ старшій гость. Только Онися, забившись въ уголъ съ Харитономъ, тихо щебетала, какъ пріѣзжалъ свататься Балабуха и какъ надавала она ему »гарбузовъ«, а Харитонъ съ дѣтскимъ смѣхомъ слушалъ ея разсказъ, жадно слѣдя за движеніемъ ея кро-

шечныхъ губъ, изъ подъ которыхъ блестѣли, какъ жемчугъ, ровные красивые зубки.

— Теперъ хочь и до дому, сказалъ наконецъ братъ Харитона, назѣвавшись до слезъ.

— Та зоставайтесь ночувати, просилъ Прокоповичъ, не твердо державшійся на стулѣ: ничь темна: треба переправлятись черезъ Рось. Борони Боже якои напасти!

— И хто таки въ глупу ничъ йде? приговаривала Прокоповичка. Зоставайтесь! Постелемо отутъ покотомъ; выспитесь добре, та тоди й пойдете.

Но и сама она чувствовала, и гости понимали, что это такъ ради »звычаю« говорится.

Когда гости стали прощаться, хозяева стали выполнять другой »звычай«.

— Выпиймо-жъ на дорогу, щобъ колеса не торохтили, произнесъ Прокоповичъ, наливая по чаркѣ.

Выпили, »щобъ колеса не торохтили«, и вышли на крыльцо.

— Выпьемо по другій, щобъ конямъ веселише було бигти, сказалъ опять Прокоповичъ.

Выпили, »щобъ конямъ веселише було бигти«. Гости совсѣмъ стали прощаться.

— А ще-жъ, щобъ дорога стлалась скатертю, примолвила Прокоповичка, и изъ своихъ рукъ поднесла.

Казалось, все уже исполнено, всѣ обычаи соблюдены, оставалось уѣзжать гостямъ; но о. Степанъ вспомнилъ о погоничахъ и сталъ потчивать ихъ, а какъ на нихъ закончить казалось не ловкимъ, то пришлось хозяевамъ и гостямъ еще разъ выпить на прощанье.

Была полночь, когда гости тронулись со двора. По затихшему, будто мертвому селу громко застучали ихъ повозки и дребезжащій ихъ стукъ скоро замеръ гдѣ-то глубоко внизу надъ Росью.

— А що, мамо, чи буду я соломою топити, та горшкомъ воду носити? подшучивала надъ матерью Онися.

— Теперъ-же, пани-матко, вже не бигай, якъ курка зъ яйцемъ, та не буди мене, якъ буду спочивати въ катрази, поддалъ о. Степанъ. Прокоповичка не нашлась возразить дочери и мужу и лишь указывала на предстоящія ей хлопоты:

— Смійтесь, смійтесь зъ матери; набигается мати, поки ще й весилля настане.

Чрезъ недѣлю, въ субботу, въ пекарнѣ о. Степана, послѣ ранняго обѣда, собравшіяся изъ села »молодыци« и пріѣхавшія родственницы невѣсты начали готовить коровай и шишки. Онѣ поставили среди пекарни два стола, помыли руки, засучили рукава и выкинули изъ большой дежи тѣсто въ ночвы, а потомъ на столъ. Старостиха завела тоненькимъ голоскомъ:

Свйти, Боже, зъ раю
До нашого короваю,
Щобъ було виднесенько
Краяти дрибнесенько!

Дружно подхватили молодицы и матушки. Закипѣла работа подъ звуки грустно-веселыхъ, нескончаемыхъ пѣсень: завертѣлись десятки рукъ вокругъ стола, замелькали голые локти, дрожа, вертясь и цѣпляя другъ друга. Громадная глыба тѣста раздроблена на большіе и меньшіе куски; привычныя, быстро вертѣвшіяся руки давали имъ то ту, то другую форму: однѣ выдѣлывали сердцевину коровая, другія поясокъ къ нему, третія поперечники, четвертыя вѣнецъ; тѣ вылѣпливали шишки, эти голубковъ, и т. д., и т. д. Изъ частей слагалось цѣлое; соорудили коровай, вокругъ его расположили массу шишекъ, голубковъ и пр., и все это двинули съ причитаньями да съ припѣвами въ большущую широкую печь. Молодицы помыли опять руки и застлали столы скатертями. Въ пекарню вошли Прокоповичка и Онися, неся водку и закуски. Началось полдничанье. Онися благодарила мѣсившихъ, кланялась каждой въ поясъ, потчивала изъ своихъ рукъ. Вотъ молодицы поставили дѣжу на столъ, закрыли ее вѣкомъ, зажгли и прилѣпили вокругъ восковыя свѣчки, стали въ кружокъ, подняли дѣжу въ верхъ и держа ее на рукахъ, съ притопываньемъ, съ припѣвомъ трижды обошли вокругъ стола и трижды стукнули ею въ потолокъ, каждый разъ, какъ оканчивали кругъ. Запѣло все, что было въ кухнѣ, запѣли старыя бабы, вспомня свои молодые годы, когда и для нихъ готовили коровай... Море звуковъ залило пекарню, отдалось въ свѣтлицѣ и компатѣ и сквозь растворенныя окна разливалось далеко по селу.

Пока выпекался коровай въ печи, молодицы и матушки выпивали и закусывали, перекидывались шутками и прибаутками, на этотъ случай издавна придуманными, и отъ времени до времени затягивали пѣсни, одна другой лучше. Уже подъ вечеръ вынули изъ печи коровай и шишки; коровай удался какъ нельзя лучше. Еще разъ запѣли молодицы и разошлись по домамъ, неся въ рукахъ свадебныя шишки на гостинецъ дѣтямъ.

Въ то время, когда съ такими церемоніями готовился коровай, о. Степанъ хлопоталъ приготовить помѣщеніе для гостей, которыхъ ждали много въ лицѣ званыхъ и незваныхъ, близкихъ и отдаленныхъ, нарочитыхъ и проѣзжихъ. Такимъ помѣщеніемъ избиралась обыкновенно клуня, гдѣ молотятъ хлѣбъ, а по сторонамъ складываютъ снопы, припасаемые для молотьбы. Еще наканунѣ было утрамбовано долбешками гумно, слито водой и смазано глиной, а боковыя части, »засторонки«, освобождены отъ сноповъ, тщательно вычищены и выметены. Теперь заняты были убранствомъ свадебнаго помѣщенія: въ почетныхъ углахъ стѣны завѣшены были коврами, въ другихъ мѣстахъ простынями, рядами, кусками небѣленаго полотна. Въ одномъ изъ »засторонковъ« поставили столы и ослоны для музыкантовъ, въ другомъ для гостей. На двухъ столбахъ, подпиравшихъ крышу, повѣшены были фонари для освѣщенія сцены, т. е. мѣста танцевъ; столы предположено освѣщать свѣчками и каганцами.

На дворѣ рѣзали и потрошили птицу и поросятъ, на огородѣ смалили кабана. Къ вечеру Прокоповичъ самолично привезъ изъ Богуслава большую бочку водки; Прокоповичка вытачивала и разливала наливки и настойки, варила варенуху. Вездѣ кипѣла работа, шевелились и бѣгали люди. Въ кухнѣ то и дѣло мѣсили тѣсто, пекли книши, паляницы, пироги, варили ноги воловьи, свиныя и поросячьи на холодецъ, жарили куръ, утокъ, гусей, индюковъ, мыли посуду, прибирали, выметали. Далеко за полночь, утомленные работой хозяева и помогавшіе имъ улеглись спать, гдѣ кого сонъ свалилъ.

На утро Онися схватилась раньше всѣхъ; ей не спалось уже, хотя на дворѣ только занималась заря. Онися накинула кацавейку и вышла въ садъ. Въ домѣ всѣ спали; вездѣ было тихо. На селѣ гдѣ-то далеко пѣли пѣтухи, слышался ревъ коровы. Синее небо

широкимъ шатромъ покрывало спящую землю. Внизу дремала Рось и чуть замѣтно лоснилась ея поверхность, отражая слабый свѣтъ утренней зари. Раскинувшійся по горѣ садъ, высокіе берега Роси, покрытые лѣсами, будто думу думали, глядя за Рось, на густой спящій лѣсъ, на небо, зардѣвшееся надъ лѣсомъ. Густая осенняя роса гнула къ низу еще совсѣмъ здоровый листъ на деревѣ. Въ воздухѣ стояло какъ-бы лѣто и только пожелтѣвшіе кой гдѣ листья напоминали о наступившей осени.

Онися окинула глазами садъ, оба берега Роси, густые лѣса, взглянула на засыхавшія гряды чернобривцевъ да гвоздиковъ, вспомнила, что она сегодня вѣнчается, что это послѣдній для нея здѣсь день и почуяла въ сердцѣ тихую боль. Ей стало жаль и садка, и густыхъ лѣсовъ, и Роси, и роднаго гнѣзда. Онися кинула глазами на широкія поля и луки за Рось, гдѣ чуть замѣтно темными чертами обозначались ольшанскія хаты, вербы и груши, и почувствовала, что ея сердце облилось неиспытанною радостію.

— Тамъ я буду господинею, матиму свое господарство, свою худобу... Тамъ мое царство й панство! подумала Онися и душа ея, какъ выпорхающая впервые изъ гнѣзда птичка, заиграла и задрожала. Она гордо подняла голову, еще разъ окинула взоромъ широкую роскошную картину за Рось и не примѣтила совсѣмъ, какъ изъ-за густаго лѣса выкатилось пышное солнце, облитое короткимъ огненнымъ пламенемъ и пронизало золотистыми стрѣлами курчавые верхи дубовъ.

— Тамъ мое царство й панство! Тамъ я буду господинею! подумала Онися и спокойная, гордая вернулась домой.

— А що дочко! Часъ тоби убиратись до винця. Швидко задзвонять до церкви, сказала мать, встрѣтивъ Онисю на крылечкѣ.

Не успѣла Онися умыться, какъ къ ней влетѣли разрядившіяся по свадебному, разукрашенныя цвѣтами и лентами *дружки*, дочери лучшихъ хозяевъ въ селѣ. Дивчата живо расчесали и заплели Онисѣ косу, увили ее густыми рядами лентъ, убрали голову цвѣтами. Онися надѣла дорогую плахту, затканную желтымъ и бѣлымъ шелкомъ, одѣлась въ ясно-синюю юбку съ серебряными цвѣтками, обулась въ красные сафьянные башмаки и взяла въ руку вышитый »рушникъ«. Ударили въ колоколъ и Онися пошла съ дружками въ церковь.

Немного спустя пріѣхалъ Моссаковскій съ *боярами*, а за нимъ стали съѣзжаться его близкіе родичи. Молодые причастились за обѣдней и, по давнему обычаю, не выходя изъ церкви, тутъ-же обвѣнчались. Когда они направились домой, за ними повалило слѣдомъ все, что было въ церкви, а для такого случая собралось чуть не все село: въ тѣ поры праздникъ священника былъ праздникомъ всего прихода. Около каждаго двора на воротахъ стояли покрытые скатертями столы, а на столѣ лежали хлѣбъ и соль. Каждый хозяинъ съ приближеніемъ молодыхъ привѣтствовалъ ихъ хлѣбомъ-солью. Прокоповичка встрѣтила молодыхъ на крыльцѣ; она благословила ихъ хлѣбомъ-солью, а одна близкая родственница обсыпала новобрачныхъ овсомъ и пшеницею пополамъ съ мѣдными и серебряными деньгами. Налетѣвшія со всего села дѣти бросились подбирать деньги и немилосердно толкали, пихали, опрокидывали другъ друга, чуть не дрались. Поднялся шумъ и гвалтъ. Масса народа облегала крыльцо, наполняла весь дворъ; яркое солнце сіяло на живописныхъ уборахъ дѣвчатъ и молодицъ, переливаясь въ тысячахъ цвѣтовъ; черныя свиты и головы мужчинъ мелькали, шевелились всюду по двору и у крыльца. Молодые вошли въ домъ и усѣлись обѣдать въ небольшомъ кружкѣ родныхъ. Обѣдъ былъ непродолжительный; это была какъ-бы прелюдія къ свадебному пиру.

Скоро послѣ обѣда начали съѣзжаться гости: собралось много родныхъ и сосѣдей, не мало и совсѣмъ непрошеныхъ; пріѣхали и Мелхиседекъ съ Мартою. Но срединѣ свѣтлицы стоялъ длинный столъ; на столѣ красовалось сосновое *гилце*, подъ сѣнью его *коровай*, убранный листовымъ золотомъ, вокругъ большія и малыя *шишки*. Дружки разцвѣтили *гилце* калиною и мелкими букетиками изъ колосьевъ ржи и овса. Онисю усадили на *посади*, а за столомъ усѣлись дружки,—дочери священниковъ и подруги-крестьянки изъ села. Дружки запѣли; водворилась тишина, все замерло, все обратилось въ слухъ. Онися сидѣла задумчивая, сосредоточенная; подруги пѣли, понимая всю важность и торжественность минуты. Чувствовалось, будто совершается священнодѣйствіе, идетъ новое вѣнчанье, не по чину церкви, а по обряду міра съ его широкою жизнью. Пѣсни смѣнялись пѣснями: радостныя, веселыя—грустными, заунывными. Въ нихъ выливалось все, что могло волновать душу въ эти торжественныя минуты, и сильнымъ ключемъ била жизнь

съ ея думами, мечтами, надеждами, тайнымъ предчувствіемъ Матушки вздыхали, Прокоповичка стояла подпершн голову рукой, Онися не разъ подносила хусточку къ глазамъ...

Перепѣли наконецъ все, что положено на этотъ разъ; Онисю подняли »зъ посаду«, и она, поблагодаривъ подругъ, въ сопровожденіи ихъ отправилась въ клуню, чтобы тамъ начать танцы. Тамъ ждали »музыки въ засторонкѣ«, а противъ нихъ длинными рядами вокругъ столовъ расположилась вся компанія гостей; столы уставлены были всякими закусками и напитками. Съ появленіемъ Ониси, богуславскіе жидки заиграли на своихъ органахъ; открылись танцы на »току«. Для начала Онися »перекрутилась« по разу съ каждой изъ подругъ, и затѣмъ пошелъ нескончаемый *козакъ* въ одиночку, по парамъ и гуртомъ, мѣняемый на десятки ладовъ. У обѣихъ широкихъ дверей толпились большія массы народу, собравшагося со всего села. Батюшки и господари изъ села съ своими женами угощались за столами. Матушки смѣшались съ простыми парафіанками и только лучше выбѣленныя и болѣе тонкія намитки, да болѣе толстыя намиста съ золотыми дукачами да парчевыми жупанами отличали однихъ отъ другихъ.

Солнце зашло. Въ клунѣ зажгли фонари и свѣчи; »музыки« все играли; а дѣвчата съ паничами и парубками продолжали танцовать. Стали наконецъ подавать »вечерю«, точнѣе мѣнять и подбавлять кушанья и напитки, которыя на минуту не сходили со столовъ. Это послужило поводомъ къ новой усиленной выпивкѣ. Нѣкоторые изъ гостей, нагрузившіеся раньше, не выдержали и подъ общій шумъ и гоготанье побрели спать, заваливаясь, гдѣ только можно было найти какое либо прикрытіе. Вообще всѣ держались чинно и даже записные гуляки не очень наливались: ихъ день былъ въ понедѣльникъ. Лишь въ полночь все затихло. Батюшки, вообще мужчины расположились спать кто тутъ-же въ клунѣ, кто въ другихъ постройкахъ, на бричкахъ и возахъ, не заботясь о постели. Матушекъ разобрали прихожанки по своимъ хатамъ.

Въ понедѣльникъ рано проснулись гости, оставшіеся на ночь въ клунѣ, и калякали, лежа на сѣнѣ.

— А що, отецъ Мелхиседекъ, чи шумитъ въ голови писля вчорашнёго? спросилъ Прокоповичъ, толкая локтемъ своего сосѣда.

— Въ мене така голова, що зъ одного дня не зашумить, отвѣчалъ Мелхиседекъ, потягиваясь подъ кожухомъ: може зашумить ажъ сегодня ввечери. А въ тебе, отець Степанъ, шумить?

— Шумить, але мабуть одъ музыкъ. Сказати правду, нема писля чого й похмелятись. Але часъ уже молодыхъ скрывати! А чого це вы й доси лежите? Вставайте, та пидемо до коморы выводить молодихъ, бо вже по чарци хочеться, крикнулъ Прокоповичъ на спавшихъ »покотомъ« гостей.

Гости зашевелились, зѣвали, потягивались, но никто не спѣшилъ вставать. День былъ тихій, но холодный: каждому хотѣлось еще полежать на мягкомъ сѣнѣ, подъ теплой покрышкой.

— Тай ледачи зъ васъ люди! крикнулъ отецъ Мелхиседекъ; нема на васъ моеи жинки. Вона-бъ дала вамъ доброи прочуханки. А доки вы будете отутъ выверталься на вси боки! Онъ вскочилъ на ноги и пошелъ стаскивать съ гостей одежу. Охваченные холодомъ собраты поневолѣ вскакивали и принимались за свой не хитрый туалетъ: разыскивали свои кафтаны, облачались и шли умываться къ колодцу, который былъ тутъ-же на дворѣ, а освѣжившись холодною водою, расплетались и заплетались, а равно причесывались съ помощью лишь собственныхъ пальцевъ и потомъ расходились въ одиночку, чтобы »переговорить *Отче нашъ* и *Помилуй мя Боже*«.

Скоро потянулись къ дому батюшки и другіе гости со всѣмъ концевъ двора, гдѣ кого ночь застигла.

Собрались у крыльца, а на искосокъ отъ него была *комора*, гдѣ почивали молодые. У коморы расположились »музыки« въ ожиданіи выхода молодыхъ. Раньше проникнули туда свашки: они подняли Онисю, помогли ей одѣться, повязали голову платкомъ и вывели молодыхъ изъ опочивальни. Лишь только растворились двери, жидки заиграли какой-то маршъ, подъ звуки котораго молодые съ конфузливымъ видомъ прослѣдовали въ домъ. Спустя нѣсколько минутъ ихъ повели въ церковь. »Музыки« шли за ними и играли, пока они не вступили въ колокольню. Въ церкви имъ прочли молитву на снятіе вѣнцевъ и затѣмъ вся компанія возвратилась домой: »музыки« на пути играли, а свашки подплясывали. Онисѣ надѣли *очипокъ*, потомъ *намитку* и повели въ клуню. Тамъ уже накрыты были столы и поставлены яства и питья. Подъ звуки музыки на-

чалось всеобщее снѣданье. Къ тому времени со всего села ко двору батюшки шли на поклонъ молодымъ хозяева и хозяйки, и шли не съ пустыми руками: кто несъ курицу, утыканную калиною, кто гуся, кто утку или поросенка, кто тащилъ овцу, кто бычка либо телку. Иныя изъ хозяекъ несли сувои полотна, пряжу, лепъ, пеньку. Когда окончился завтракъ, молодые стали потчивать каждаго изъ гостей поочередно. Харитонъ держалъ подносъ. Онися наливала и припрашивала. Выпившіе вручали или объявляли свои подарки. Молодые кланялись и обязательно съ каждымъ цѣловались. Раскошеливались батюшки и матушки: кто выкладывалъ деньги, кто заявлялъ, что дарить коня или лошенка, корову или теленка, улей или два пчелъ, кругъ колесъ и пр. и пр. Посыпались подарки отъ прихожанъ: дарили, что принесли и вновь обѣщали, кто мѣшокъ или мѣрку пшеницы, кто жита, проса, ячменя или овса. Всѣ прибавляли: »на ноке хазяйство«, и выражали свои пожеланія, кто какъ могъ. Молодые въ короткое время завелись чуть не цѣлымъ хозяйствомъ. Счастливые, довольные и въ тоже время крѣпко уставшіе, они усѣлись на свое почетное мѣсто »князя и княгини«.

Заиграли »музыки«; *приданки*, сдавъ съ рукъ подарки, пустились въ плясъ. Число танцующихъ росло съ каждой минутой; танцовали всѣ, кто чувствовалъ въ себѣ силу шевелить ногами. Скоро вся *клуня* превратилась въ всенародное гульбище: перемѣшались мужчины съ женщинами, старые съ молодыми, міряне съ духовными. Танцовали на *току* и въ *застороньках*, въ клунѣ и за клуней. Забыли крепаки свое горе и нужду, нескончаемую работу и панскіе нагаи и отдирали не хуже, чѣмъ ихъ предки на Хортицѣ. Уставшіе отъ танцевъ присаживались къ цировавшимъ за столами, выпивали и закусывали и вели шумную бесѣду, въ которой исчезало различіе между пастырями и пасомыми. Вдругъ среди общаго шума, стука, гоготанья, въ клуню вошли двѣ жидовки и одинъ жидъ. Одна жидовка тащила полную корзину куръ, другая на одной рукѣ несла кошелку съ яйцами, а другой держала пару утокъ за ноги. У жида въ обѣихъ рукахъ висѣли внизъ головами по два пѣтуха, а еще два пѣтуха, связанные ногами, были перекинуты черезъ плечо. Жиды направились къ тому столу, гдѣ сидѣли молодые, сами хозяева и о. Мелхиседекъ. У жидовокъ были парчевые наушники, обшитые бисеромъ и стеклярусомъ. Изъ подъ нихъ ви-

днѣлись черные начосы изъ шелковой матеріи, закрывавшіе ихъ обритыя головы. Одѣты они были въ старые капоты; лица имѣли грязныя, выпачканныя. Жидовки приступили къ Мелхиседеку.

— Добрыдень, панотченьку! поздоровлю васъ зъ весиллячкомъ вашои дочки. Дай Боже вамъ и вашій дочци счастя й здоровья!

— Що це за мара? Звидкиля вы взялись? спросилъ Мелхиседекъ.

— Мы йдемо на ярмарокъ въ Богуславъ, та почули, що въ васъ весилля, ну й зашли до васъ. Чи не треба вамъ курей? Въ мене кури гладки, якъ печи. Ожъ нате покоштуйте, яки добри! говорила старшая жидовка и съ этими словами она вытащила изъ корзины одну курицу, перевернула ее вверхъ ногами и приблизясь къ Мелхиседеку, ткнула ему чуть не въ бороду.

— Чи не сказилась жидивка! Тыче мени живу курку въ зубы! Понеси своему Лейби, нехай покоштуе.

— Якъ не хочете цеои, ну, то визьмить оцю; це ще гладша. Я оцю курку цилый мисяць сама годувала кукурузою, продолжала жидовка и опять ткнула курицею Мелхиседеку чуть не подъ самый носъ.

— Одчепись къ нечистому! Мени не треба курей.

— Якъ-же не треба? Я знаю, що треба. Выдаете таку доню, таку гарну, якъ сонце, а курей не треба. Де вже не треба. Я выдала недавно свою дочку въ Билу-Церкву, то знаю, що треба. А може визьмете пивпивъ?

Тутъ жидъ съ пейсами, въ панчохахъ и патынкахъ подступилъ къ Мелхиседеку и хвостомъ пѣтуха ткнулъ ему въ руки.

— Иди къ нечистому! Не знаешъ, котрымъ бокомъ показувати курей.

— Може визьмете яечокъ! приговаривала другая жидовка: я знаю, що вамъ треба гугели на весилля, бо я сама недавно оженила свого Моиска...

— Якого це чорта вы напали на мене съ курми! Я не господарь! отмахивался Мелхиседекъ.

Жидъ подступилъ къ Прокоповичу и сталъ переворачивать предъ нимъ пѣтуховъ на всѣ бока. Жидовка показывала куръ Описѣ, ея матери, мужу. Одна, что постарше, вновь пристала къ Мелхи-

седеку, совала ему въ лице курицей, а дальше начала церемонно дергать его за рясу. Мелхиседекъ разсердился.

— А ты проклятуща! Якъ ты сміешъ смыкати мене за рясу? Геть пишла къ нечистому! Иди соби зъ курми до свого Лейбы.

— На що мени ити до Лейбы, коли я васъ, Господи, якъ люблю; хай вамъ Богъ дасть здоровья. На що мени ити до Лейбы, коли я й теперъ коло свого Лейбы, сказала жидовка и кинулась обнимать Мелхиседека.

Мелхиседекъ схватился съ мѣста и прыснулъ, точно понюхалъ крѣпкаго табаку. Вокругъ раздался хохотъ. Жидовки не вытерпѣли и также расхохотались.

— Чи це ты мене не пизнавъ? а хиба-жъ я тебе не люблю?

Мелхиседекъ вытаращилъ глаза. Онъ только теперь по голосу узналъ жену свою Марту. Предъ нимъ стояла истая жидовка въ наушникахъ, съ шелковыми начосами, въ старепькомъ капотѣ со спущеннымъ однимъ рукавомъ, въ старыхъ патинкахъ.

Марта однако такъ измѣнила голосъ, такъ искусно въ разговорѣ поддѣлалась подъ говоръ и всѣ пріемы жидовокъ, что ее никакъ нельзя было узнать. Наушники, начосы, капотъ, патинки—все это взято было у жидовъ въ корчмѣ; въ добавокъ къ этому Марта выпачкала сажею лице, разрисовала брови, понатерла калиной и яичнымъ желткомъ щеки такъ, что сдавалась пожилою и длинноликою. Жидомъ нарядился одинъ академистъ, роль второй жидовки исполняла одна пріѣзжая дьячиха.

Въ клунѣ поднялся смѣхъ и говоръ. Жидовъ узнали, но роль ихъ еще не была окончена. Жидъ крикнулъ »музыкамъ«, чтобъ играли жидовскій танецъ. Переодѣтые комедіанты пошли танцовать по жидовски, держа въ рукахъ курь и утокъ. Жидовки выступали одна противъ другой тихо, плавно, поводя граціозно станомъ и руками. Жидъ мѣрно переходилъ отъ одной къ другой, выдѣлывая граціозные пируэты, страстно глядя въ очи, осматривая сзади. Музыканты заиграли быстро, жидки подхватили полы и пошли столь же быстро выкидывать ногами; пейсы, полы тряслись, куры, корзины болтались; всѣ помирали со смѣху. Въ концѣ всего танцовали, повернувшись спинами другъ къ другу: стали подскакивать на обѣихъ ногахъ, но не разомъ, а одинъ за другимъ, какъ ступы въ мельницѣ, толкая другъ друга спинами. Картина была такъ за-

бавна и смѣшна, что въ клунѣ поднялся не смѣхъ, а просто гвалтъ. На шумъ со всего двора и кухни сбѣжались парубки и дѣвчата, погоничи, наймиты и наймички смотрѣть »кумедію«. Натѣшивши компанію, жидъ бережно взялъ своихъ дамъ одну по другой подъ мышки и снесъ ихъ на стулья. Жидовки взяли въ руки по курицѣ и будто вѣерами обмахивали свои разгорѣвшіяся лица. Пошли шутки, приставанья; но актеръ и актерки, исполнивъ свою роль, шибко убѣжали.

Завтракъ все тянулся: подбавлялись закуски и питья, гости выпивали, ѣли и весело шумѣли. Въ полдень Прокоповичка велѣла подавать обѣдъ. За обѣдомъ шло непрерывное потчиванье; выпита была масса водки и наливокъ, но пьяныхъ не было. Потчивали попеременно хозяева, молодые, кто либо изъ родныхъ. Шли нескончаемыя причитанья, пожеланья, припрашиванья и отнѣкиванья: пока рюмка переходила отъ одного конца до другого и возвращалась на старое мѣсто, у выпившаго хмѣль вылеталъ изъ головы. Съ такими-же передышками, облегченіями шло потребленіе обѣда; съѣдена была неимовѣрная масса вареного и печеного: порѣшили кабана, съѣли полъ быка, несчетное число куръ, гусей, утокъ, индюковъ, а гости не уставали ѣсть. Подали сладкое, мучное: хрустъ, маковники, разные коржики. Хозяинъ обратился къ женѣ:

— А що, панiматко! чи не ма въ тебе чого мицнищого одъ цеей гирькои. Щось наша горилка не дуже бье въ голову. Тягнемъ, тягнемъ, а въ голови не шумить. Тыбъ зварила намъ варенухи, або що.

— Я вже й зварила, безъ твого приказу, сказала Прокоповичка и послала въ пекарню молодицъ за варенухой.

Молодицы принесли два горшка варенухи. По клунѣ разнесился запахъ вареной водки, меду, гвоздики, перцу и всякаго коренья. Охотники до варенухи даже облизывались. Прокоповичка наливала варенуху въ разнокалиберныя чашки, стаканы и большія рюмки. Сильный запахъ перцу съ медомъ дошелъ до другого конца клуни, гдѣ сидѣли жидки музыканты. Жидки загерготали и зацмокали языками. Батюшки дразнили ихъ черезъ »токъ«, показывая имъ чашки съ варенухой.

— Ну, отець Мелхиседекъ! теперъ начувайся. Писля цеей варенухи пидешъ и ты въ танець, смѣялся о. Степанъ.

— А ну попробую, чи пиду въ танець, чи зостанусь на мисти и нигъ не пидведу, сказалъ Мелхиседекъ.

Пока гости смаковали и хвалили варенуху, въ дворъ вошли цыгане и направлялись къ клунѣ. За ними гналась цѣлая стая собакъ. Впереди шли двѣ »плащуватыя« цыганки, закутанныя съ головы до ногъ въ разноцвѣтное тряпье. У одной за спиной торчало въ мѣшкѣ дитя, грязное, закоптѣлое, почти голое. Цыганки обвѣшаны были щетками и пучками веретенъ. Рослый, черный, косматый цыганъ едва выглядывалъ изъ кучи решетъ, ситъ и подситковъ, которыми былъ обвѣшанъ спереди и сзади. Цыганки вошли въ клуню и направились къ гостямъ, показывая имъ щетки и веретена, цыганъ совалъ матушкамъ решета и сита, выхваляя свой товаръ. Одна изъ цыганокъ подошла къ Онисѣ, взяла ее за руку и стала ворожить.

— И поздоровъ тебе, Боже! Дай тоби викъ довгій! Отъ дай свою билу рученьку, я тоби всю правду скажу. Ты щаслива и вродлива, довго будешъ жить; будешъ мати двадцятеро дитей, кучерявихъ, гарнихъ та чорнявихъ, якъ свята земля. Поклади-жъ мени на руку золотого, я тоби ще иншу правдоньку скажу.

Онися положила на руку цыганкѣ злотый.

— Спасиби тоби, молодая паніе! Богъ тебе благословить. Будешъ мати тридцятеро сандушковъ, будешъ жити зо сто рокивъ та ще не помрешъ. Ты будешъ головою въ доми, будешъ верховодити надъ панами, надъ жидами. Твои сандушки будуть кучеряви та чорняви, якъ въ комини сажа. А будешъ богата, якъ свята земля и николи не вмрешъ...

Гости разсмѣялись. Послѣ разыгранной жидами »кумедіи« трудно уже было кого-либо ввести въ заблужденіе. Въ новыхъ комедіантахъ всѣ узнали двухъ дьячихъ и чорнаго пучеглазаго богуславскаго дьяка. »Музыки« заиграли. Цыганъ повелъ цыганокъ въ танецъ, и онѣ начали настоящій дикій цыганскій танецъ: поднявъ свои лохмотья, они изумительно быстро въ тактъ музыки неслись по току, щелкая языками, вспрескивая приподнятыми руками, откидывая головы назадъ, кружась на одномъ мѣстѣ, страстно вздрагивая бедрами, икрами, всѣмъ станомъ. Цыганъ выдѣлывалъ »халяндру«, немилосердо колотя себя пятами, при чемъ сита и решета, колотясь другъ о друга, вторили музыкѣ. Послѣ

танцевъ цыгане безъ церемоніи попросили себѣ варенухи, сѣли за столами между гостьми и долго еще плели всякую небылицу и ворожили батюшкамъ и матушкамъ.

Перевалило за полдень, обѣдъ все еще тянулся. Приданки запѣли:

А все тута не по нашому,
А все тута не по вашому.
А спидання до обиданія,
А обиданія ажъ до полудня,
А полудень ажъ до вечери,
А вечеря ажъ о нивъ ночи!

Варенуха развеселила гостей, но не споила ихъ. Матушки и молодицы разъохотились пѣть, а потомъ пустились танцовать. Танцовали и пѣли до вечера, пока не настала пора для ужина. Опять молодицы потащили на столы всякую живность: ставились опять холодныя ноги, жареныя куры, гуси, поросята, вареники въ сметанѣ, мпишки, всякіе пундики. Неустанная чарка обходила столы.

Гости собирались уже вставать, какъ вдругъ подъ однимъ столомъ что-то сильно заворчало и заревло. Гости подумали, что подъ столъ залѣзла собака и не обратили вниманія; но спустя минуту послышалось новое, еще болѣе сильное рычаніе, и что-то схватило Мелхиседека за ногу. Мелхиседекъ почувствовалъ, что въ его ногу вцѣпились зубы, вскочилъ съ мѣста и крикнулъ. Всѣ умолкли. Въ эту минуту изъ подъ стола вынырнула какая-то страшная, чорная и съ рогами голова и легла мордой на столъ. Рога, какъ у вола, морда черная, какъ сажа, зубы бѣлые, какъ снѣгъ, глаза налиты кровью. Голова зарычала. Всѣ вскрикнули. Въ одно мгновенье изъ подъ стола выпрыгнулъ огромный звѣрь и вскочивъ на столъ, сталъ на четырехъ лапахъ. Фигура звѣря походила на медвѣдя, вокругъ висѣла длинная шерсть. На головѣ однако торчали воловьи рога; вокругъ шеи повисли длинныя черныя космы, точно грива у льва. Звѣрь сердито водилъ глазами вокругъ, оскаливалъ зубы и издавалъ ревъ на подобіе медвѣжьяго. Всѣ шарахнулись отъ него и разбѣжались; поднялся крикъ и визгъ. Жиды перестали играть. Звѣрь повернулся два раза на столѣ, заревѣлъ, прыгнулъ со стола и бросился черезъ токъ къ жидамъ. Жи-

ды побросали инструменты, подняли гвалтъ и пустились удирать на другой конецъ клуни, гдѣ столпились гости. Медвѣдь погнался за жидами, поймалъ одного изъ нихъ, повалилъ на земь лапой и сталъ рвать зубами. Ой вей! Гвултъ! Ратуйте! кричалъ безъ памяти жидокъ. Медвѣдь поднялся на заднія лапы въ сторону жидовъ. Раздалось неистовое: гвултъ! Медвѣдь повернулся къ обмершему жидку и поднялъ его передними лапами вверхъ. Жидокъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и всѣмъ тѣломъ дрожалъ. Настала мертвая тишина: изрѣдка слышалось: ой вей миръ! Гости сбились въ одну кучу и глядѣли въ недоумѣніи; у болѣе трусливыхъ мигомъ вышелъ хмѣль изъ головы...

Мгновенно звѣрь принялъ позу человѣка, сорвалъ рога и покрышку съ головы, сбросилъ вывернутый шерстью тулубъ: предъ глазами зрителей очутился исполинскій дякъ. Хохоту, удивленію не было конца. Дьячекъ пошелъ обмывать лице, а жидки еще не скоро пришли въ себя, чтобы быть въ состояніи опять играть.

Удовлетворенные искуснымъ представленіемъ гости принялись доканчивать варенуху.

Запѣли вновь молодицы, къ нимъ примкнули матушки, а потомъ на долго загудѣло все священство и почтенное дяковство. Пѣли сперва церковныя и просто набожныя пѣсни: *Съ небесныхъ круговъ, Преукрашенная, Дивное имя Твое, Стань Давиде съ гуслями* и пр. и пр., при чемъ матушки и бабки то вздыхали, то набожно крестились; но потомъ пошли свѣтовыя пѣсни, козацкія, чумацкія и просто народныя: *А вже козакъ та й докозакувався, Козакъ душа правдива, А я чумакъ несчастливый, Ой на гори та женци жнуть, Ой за гаемъ, гаемъ* и пр. под. Пѣли хоровыя, пѣли въ одиночку: *Ходитъ гоминъ по диброви, Ой оре Семенъ* и пр. Не смотря на то, что поющіе были подпивши, въ общемъ выходило удивительно мелодичное пѣніе, глубоко дѣйствовавшее на всѣхъ; то пѣла простая, безхитростная жизнь, веселящаяся во всю свою широту. При хоровомъ пѣніи жидки подлаживались своими инструментами и вторили поющимъ. Выходило восхитительно. До полночи вся клуня пѣла и играла. Пѣли, казалось, ворота, пѣли сохи и присошки, кроквы и латы, даже самые спопки на покрышкѣ. Только въ полночь изнуренные цѣлодневнымъ весельемъ гости разбрелись по угламъ и уснули, гдѣ кому пришлось.

Во вторникъ утромъ, проснувшаяся свадебная компанія чувствовала уже потребность опохмелиться. Опять снѣдали до обѣда, обѣдали до полудня, полдничали до вечери, а вечеряли до полночи, и уже въ среду предъ вечеромъ *перезва*, состоявшая изъ болѣе близкихъ лицъ, поѣхала въ Ольшаницу къ молодому.

Ольшаницкія молодицы еще предъ свадьбою привели въ порядокъ домъ и дворъ Моссаковскаго: выбѣлили внутри, тщательно обмазали и побѣлили снаружи, помыли окна, вычистили дворъ, почистили и подмели дорожки въ саду. Родички Моссаковскаго, уѣхавъ раньше со свадьбы, наготовили всего и ждали гостей. Пока перезва доѣхала до Ольшаницы, на дворѣ совсѣмъ смерклось. Люди со всего села сбѣгались посмотрѣть на молодыхъ, на перезву и якъ »смалитимуть молоду«. На всей широкой улицѣ, которая вела чрезъ плотину ко двору Моссаковскаго, господари порастворяли ворота и на воротахъ поставили столы съ хлѣбомъ и солью. По всей улицѣ у каждаго двора лежали кучи соломы и обмолоченныхъ споповъ. Перезва въѣхала въ село. Соломенные костры загорались одинъ за другимъ и скоро вся улица была залита огнемъ. Огонь освѣтилъ бѣлыя хаты, застланные столы, освѣтилъ группы людей около каждаго двора. Моссаковскій и Онися останавливались у воротъ и слѣзали съ повозки. Господари кланялись и поздравляли, молодые цѣловались съ поздравителями, оставляя по нѣскольку грошей на столѣ. Перезва медленно двигалась по улицѣ и уже поздненько доѣхала до плотины. Тутъ по всей плотинѣ надъ водою стояли горящіе кули соломы. Хлопцы разложили костры вездѣ: по надъ прудомъ, въ саду у берега, вокругъ церкви и по обѣ стороны воротъ у Моссаковскаго двора. Пламя освѣтило прудъ; вода блестѣла огнемъ. Церковь, домъ, садъ были видны, какъ среди дня. У двора и на дворѣ стояла масса народа и ждала молодыхъ. Еще разъ остановили лошадей подлѣ церкви, гдѣ за столомъ стояли староста съ старостихой, привѣтствуя молодыхъ хлѣбомъ-солью. Между двухъ горящихъ костровъ перезва въѣхала во дворъ. У крыльца выстроились молодицы »приданки«. Они встрѣтили молодыхъ свадебною пѣснью и съ пѣснью провели ихъ въ покои. »Приданки«, тутъ-же при себѣ держали дары, которыхъ молодые такъ много уже набрали въ Чайкахъ. »Музыки« заиграли на крыльцѣ и веселыя »приданки«, едва успѣвъ отдать дары, живо пустились

танцовать. Половина двора разомъ заплясала. Дѣвчата и молодицы стали въ большой кругъ и парами пустились въ метелицу. Костры пылали и обливали дворъ яркимъ свѣтомъ. Звонкіе голоса поющихъ перемѣшивались съ звуками музыки. Парубки и хлопцы то и дѣло подбрасывали солому въ костры. Огненный свѣтъ среди темной ночи, ярко освѣщенная кроваваго цвѣту вода, изступленные танцы, массы молодицъ, музыка и пѣсни давали картинѣ видъ чего-то дивнаго, миѳическаго, вакханальнаго.

Весь свадебный поѣздъ вышелъ на крыльце и долго любовался необычайной картиной, пока не потухли костры, пока не истомились молодицы въ непрерывныхъ танцахъ. Музыки и гости вошли въ комнаты, а за ними и »приданки«. Въ просторной свѣтлицѣ вновь начались танцы, но танцовали уже молодыя матушки, дьяконицы и дьячихи.

На накрытыхъ нѣсколькихъ столахъ поставлены были закуски и напитки. Онися потчивала »приданокъ«, а Моссаковскій господарей. До поздней ночи выпивали и танцовали, пока совсѣмъ не изморились и хозяева и гости.

Еще два дня тѣже и новые гости здѣсь, какъ и въ Чайкахъ, снѣдали до обѣда, обѣдали до полудня, полдничали до вечери. Только въ субботу разъѣхались по домамъ и то потому, что священникамъ надо было служить вечерню.

Въ воскресенье послѣ обѣдни собрались почетнѣйшіе хозяева, сдѣлали складку на постригъ Моссаковскому и проводили его въ Кіевъ. Староста припрегъ свою лошадь и отправился съ Моссаковскимъ въ путь. И родня Моссаковскаго и будущіе его духовныя и словесныя чада проводили Харитона за село; тамъ за шариною, подъ грушею усѣлись на травѣ, выпили, закусили и распрощались. Харитонъ поѣхалъ въ Кіевъ, а Онися съ отцемъ и матерью вернулись въ Чайки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

(Живописная Россія. Т. III. Спб. 1883.[1]*) (Литва и Бѣлоруссія— соч. Киркора).*

Въ типографскомъ отношеніи эта книга представляетъ собой едвали не единственное популярное историческое изданіе въ Россіи: разнообразіе иллюстрацій, чистота бумаги и отчетливость шрифта заставляютъ желать весьма не многаго. Точно также и со стороны содержанія она представляетъ громадный трудъ по части собранія и разработки историко-статистическаго и этнографическаго матеріала. Но къ сожалѣнію въ ней помѣщено нѣсколько очерковъ, составленныхъ и иллюстрированныхъ крайне тенденціозно. Таковы очерки: *народности литовскаго польсья, историческія судьбы, просвѣщеніе, народный трудъ и наконецъ названіе г. Вильны.*

Откровенно говоря, мы до сихъ поръ не можемъ дать себѣ яснаго отчета, для кого собственно и съ какою цѣлью они составлены и внесены въ эту книгу. Судя по языку, они очевидно предназначаются для русскихъ; но судя по направленію и тенденціямъ—для поляковъ. Можетъ быть еще третье предположеніе, но неблаговидное: они предназначаются для ослѣпленія русскихъ посредствомъ тонкаго и искуснаго преслѣдованія цѣлей польскихъ.

---

[1]) Заимствуемъ эту весьма любопытную библіографическую замѣтку съ нѣкоторыми сокращеніями изъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Въ недавно полученномъ нами № 13 газеты »Русь« помѣщена какъ самая эта замѣтка, такъ еще болѣе любопытная статья проф. Кояловича, разъясняющая происхожденіе и характеръ изданія: *Живописная Россія.* Оказывается, что еще въ 50-хъ годахъ

Общее впечатлѣніе, оставшееся у насъ отъ чтенія этихъ очерковъ таково, что авторъ ихъ по чему-то ограничился только польскими источниками; на русскіе-же, особенно позднѣйшіе обратилъ весьма мало вниманія. Мы нигдѣ не встрѣтили даже намековъ на изданія виленской археографической коммиссіи, Археографическій сборникъ виленскаго учеб. округа, Акты кіевской коммиссіи, Акты витебскіе, спеціальныя сочиненія по исторіи церкви митрополита Макарія, по исторіи уніи профессора Кояловича, Памятники з.-русской старины П. Н. Батюшкова, Историческій очеркъ Вильны профессора Васильевскаго и многія другія. Исключеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано было только для Туровскаго Евангелія, Бѣлорусскихъ пѣсенъ гг. Гильдебрандта, Безсонова, Шейна и одного акта с. п. археографической коммиссіи, въ которомъ городъ Вильна называется В-и-л-н-о, и нѣкоторыхъ другихъ изданій, не касающихся политической стороны западно-русской жизни. Такое игнорированіе массы трудовъ и изслѣдованій русскихъ людей не можетъ быть не поставлено въ укоръ историческому изслѣдованію, появляющемуся на свѣтъ въ наши дни. Съ такимъ-же пристрастіемъ составлена и иллюстрація этихъ очерковъ, или вѣрнѣе этой части изданія. Вильна изображена съ той стороны, откуда видны только костелы и не видно православныхъ храмовъ; представлены выдающіеся дѣятели стороны польской и вовсе не представлены соотвѣтственные имъ дѣятели стороны русской.

М. О. Вольфомъ, о которомъ извѣстно, что это былъ выкрещенный польскій еврей, задумано было съобща съ польскими писателями издать *Живописную Польшу* въ старыхъ ея предѣлахъ, со включеніемъ Бѣлоруссіи, Литвы, Украйны, Волыни, Подоліи и Галиціи съ цѣлію удержать въ памяти поляковъ образъ ихъ отчизны. Предпріятіе это тогда не состоялось, а послѣ возстанія 1863 г. стало совсѣмъ неудобнымъ. Въ 1878 г. тотъ-же Вольфъ придумалъ достигнуть той-же цѣли изданіемъ *Живописной Россіи*, которое начато съ описанія указанныхъ, нѣкогда польскихъ провинцій, причемъ рѣшено было поручить эту работу польскимъ патріотамъ, а по выходѣ оной въ русскомъ текстѣ перевести и издать въ текстѣ польскомъ, чтобы за одно просвѣтить и русскихъ и поляковъ относительно польскаго характера тѣхъ провинцій. Для отвода глазъ къ описанію коренныхъ частей Россіи приглашены русскіе писатели и художники, а главная редакція поручена выдающемуся дѣятелю русской науки, предсѣдателю русскаго географическаго общества П. П. Семенову. Не дурной планъ и поистинѣ великая русская простота! Начало этой удивительной польской затѣѣ положено именно этимъ III томомъ *Живописной Россіи*, но за смертію Вольфа въ 1883 г. дальнѣйшая работа пріостановилась.—Ред.

Мы съ большимъ интересомъ разсматривали изображеніе бракосочетанія Ягеллы съ польской королевой Ядвигой; но не нашли соотвѣтственныхъ изображеній бракосочетанія литовскихъ князей съ княжнами русскими; разсматривали католическія процессіи на Жмуди, но не нашли соотвѣтственныхъ процессій другихъ вѣроисповѣданій; разсматривали высокомѣрную фигуру знаменитаго іезуитскаго проповѣдника Скарги, но не нашли соотвѣтственныхъ изображеній ни борцовъ сильныхъ (кн. Острожскаго, Льва Сапѣги, Волковичей, Огинскихъ и др.), ни борцовъ скромныхъ (Смотрицкаго, братьевъ Зизаніевъ, Симеона Полоцкаго и др.), которые съ одинаковой энергіей и самоотверженіемъ защищали интересы родные, православно-русскіе; мы нигдѣ не нашли даже такихъ личностей, какъ первые издатели литовско-русскаго законодательства, первые основатели западно-русскихъ типографій, первые дѣятели западно-русскихъ братствъ... На страницѣ 117 мы нашли цѣлую плеяду польскихъ писателей и ученыхъ и нигдѣ не нашли изображеній ни Георгія Конисскаго, ни митрополита Макарія, ни проф. Кояловича, ни П. Н. Батюшкова, ни Носовича, ни многихъ другихъ, не мало поработавшихъ на поприщѣ западно-русской исторіи. Словомъ сказать: мы нашли въ иллюстраціяхъ тоже самое освѣщеніе западно-русской жизни, которое слишкомъ ярко блистало въ 60-хъ годахъ въ Виленскомъ Музеѣ древностей, снимокъ съ котораго авторъ не забылъ однакоже помѣстить на стр. 108. Уже-ли авторъ, вносящій въ свой трудъ такое направленіе, думаетъ, что западно-русскій край и до сихъ поръ находится еще въ положеніи нравственно и политически закрѣпощеннаго хлопа, котораго можно гнуть въ какую угодно сторону и насиловать его политическія убѣжденія въ пользу какой угодно политической партіи? Est modus in rebus...

I.

Но перейдемъ къ частностямъ. Къ литовскому Полѣсью авторъ очерковъ относитъ цѣлыхъ три губерніи: ковенскую, виленскую и гродненскую; но тутъ-же оговаривается, что литва живетъ только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ виленской губерніи и одномъ уѣздѣ гродненской. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же литвѣ отдавать цѣлыхъ три губерніи? Гораздо проще и раціональнѣе провести настоящую этнографическую границу между тѣмъ и другимъ племенемъ и каждому отдать свое. Нельзя не упрекнуть по этому поводу Географическаго Общества, которое часто посылаетъ ученыя экспедиціи на дальній востокъ и мало обращаетъ вни-

манія на близкій западъ, въ которомъ до сихъ поръ еще ведется племенной споръ о границѣ. Передъ нами лежитъ этнографическая карта г. Мирковича, изданная славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ. Мы провѣрили ее по очерку »Живописной Россіи« и нашли довольно сходной, но только съ очеркомъ, а не съ дѣйствительностію. Мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ важномъ вопросѣ и высказать нѣсколько предположеній, основанныхъ на изученіи мѣстнаго народонаселенія.

По картѣ Мирковича отъ крайняго пункта литовскихъ населеній въ вилейскомъ уѣздѣ, съ востока на западъ до станціи Евье (троцкаго уѣзда), по масштабу нужно полагать до 70 верстъ; на этомъ значительномъ пространствѣ отмѣчены сплошныя литовскія поселенія; въ дѣйствительности-же это далеко не вѣрно. Отъ станціи Евье на сѣверъ и югъ встрѣчается еще смѣшанное народонаселеніе: есть деревни, говорящія на томъ и другомъ языкѣ безразлично. Намъ кажется, что эти послѣднія деревни слѣдуетъ считать настоящей этнографической границей между Литвой и Бѣлоруссіей, потому что въ нихъ до сихъ поръ представляется скрещеніе двухъ племенъ. Другія-же объясненія намъ кажутся очень гадательными. Если существуетъ ученое предположеніе, что западно-руссы врѣзались въ средину литовцевъ подъ ударами татаръ, то ему можно противопоставить другое, совершенно равносильное предположеніе, что литовцы еще раньше врѣзались въ середину бѣлоруссовъ подъ ударами меченосцевъ. Съ другой же стороны русскія лѣтописи говорятъ, что еще при Ярославѣ литва платила ему дань лыками и вѣниками. Положимъ, что дань была не важная, но важно было подчиненіе дикаго и воинственнаго народа русской власти. На чемъ же, спрашивается, опиралась эта власть? Очевидно на русскихъ поселеніяхъ. Отсюда понятно, почему Русь была первою, по сказанію одного изъ болѣе безпристрастныхъ польскихъ историковъ, Ярошевича, которая внесла въ это дикое племя свѣтъ христіанской вѣры и гражданственности безъ насилій и кровопролитій. Мы не можемъ отвергать, что литовцы и бѣлоруссы могли въ пограничныхъ осѣдлостяхъ передвигаться на ту, или другую сторону: мы даже скажемъ болѣе—въ такихъ случаяхъ они могли удерживать и свой преимущественный племенной обликъ; но мы утверждаемъ, что пограничныя поселенія, *на крайнемъ западѣ*, усвоившія себѣ тотъ и другой языкъ должны считаться дѣйствительными граничными поселеніями двухъ племенъ. Намъ помнится, что еще въ 1877 или 78 году мы говорили объ этомъ съ г. Кузнецовымъ, предпринимавшимъ этнографическую поѣздку на Жмудь; но что имъ сдѣлано въ эту поѣздку, мы до сихъ поръ не знаемъ, потому что въ Вильнѣ нѣтъ

даже въ публичной библіотекѣ тѣхъ номеровъ извѣстій географическаго общества, въ которыхъ должны были опубликоваться его труды. Допустивши такое предположеніе, мы должны будемъ совершено изъяѣнить этнографическую границу и въ составъ Литовскаго Полѣсья включить только губернію ковенскую и извѣстную часть уѣздовъ свенцянскаго, троцкаго и виленскаго. Тѣже литовскія поселенія, которыя встрѣчаются въ уѣздахъ: лидскомъ, ошмянскомъ, вилейскомъ и гродненскомъ, считать или позднѣйшими, или случайными. Вѣдь находились же литовскія поселенія еще въ XVI ст. въ старостві пинскомъ, экономіяхъ гродненской, кобринской: но эти поселенія отмѣчались въ актахъ, какъ *литва кн. Чарторыйскаго*, или другаго вельможи, т. е. какъ поселенія недобровольныя, и онѣ не могутъ приниматься въ разсчетъ при опредѣленіи этнографической границы. Во всякомъ случаѣ этотъ пограничный вопросъ слѣдуетъ считать спорнымъ: этого требуетъ существованіе 12 православныхъ приходовъ въ троцкомъ и виленскомъ уѣздахъ, о насажденіи и поддержаніи которыхъ не заботились ни прежнее польское правительство, ни католическое, духовенство, ни крещеная въ католичество литва, а только исконное бѣлорусское племя этихъ уѣздовъ: а пока этотъ вопросъ не разрѣшится, не слѣдуетъ отдавать литвѣ трехъ губерній, а то, что слѣдуетъ.

II.

Къ *кореннымъ жителямъ* Литовскаго Полѣсья авторъ очерка причисляетъ и *поляковъ*. На стр. 11 онъ говоритъ: „польскихъ выходцевъ, переселенцевъ изъ собственной Польши здѣсь не много; но коль скоро многіе бѣлоруссы и литовцы усвоили себѣ польскую національность, польскій языкъ и во многомъ (хотя и не во всемъ) польскіе нравы и обычаи, наконецъ коль скоро сами себя называютъ поляками, то не только съ этнографической, но и съ нравственной точки зрѣнія мы не имѣемъ никакого права называть ихъ иначе".

Эту новую теорію происхожденія коренныхъ національностей мы относимъ къ числу счастливыхъ историческихъ афоризмовъ.

До сихъ поръ право натурализаціи принадлежало или правительству, или народнымъ представителямъ, или же племеннымъ массамъ; но мы никогда не слыхали, чтобы это право принадлежало доброй волѣ отдѣльныхъ лицъ. Никто, конечно, не можетъ запретить извѣстнымъ людямъ, усвоившимъ себѣ чужлую ихъ племени національность, языкъ, нравы, обѣчаи, порвавшимъ съ своими предками всякую нравственную связь, считать себя тѣмъ, кѣмъ они хотятъ быть; но никто также не можетъ отнять права у правительства, или извѣстнаго племени считать

такихъ людей тѣмъ, кѣмъ они есть въ дѣйствительности. А дѣйствительность ясно показываетъ, что такіе люди, съ точки зрѣнія остальной племенной массы, если хотятъ считать себя чужеземцами, то должны переселиться въ чужую землю, если же хотятъ оставаться среди ея, то должны считаться *„тубыльцами“*, отступившими отъ національности своихъ предковъ; но считаться *коренными чужеземцами* никакъ не могутъ, потому что такое соединеніе несоединимыхъ понятій противорѣчило бы законамъ человѣческой логики. Допустивши такую теорію происхожденія коренныхъ національностей, мы должны будемъ допустить, что могутъ на свѣтѣ возродиться коренные негры изъ парижанъ въ Парижѣ, коренные англичане изъ москвичей въ Москвѣ же и т. д.; словомъ мы должны будемъ допустить смѣшной абсурдъ и ничего больше..

Мы не говоримъ уже о томъ, что вопросъ: всѣ ли бѣлоруссы и литовцы, усвоившіе себѣ польскій языкъ и польскую цивилизацію, дѣйствительно считаютъ себя коренными литовско-русскими *поляками*, слѣдуетъ считать гадательнымъ и нерѣшеннымъ уже потому самому, что не можетъ же не поражать многихъ изъ нихъ своею очевидностію тотъ фактъ, что имъ гораздо выгоднѣе и легче войти въ соглашеніе со своими одноземцами *родичами*, хотя-бы и различными по вѣрѣ, и устроить съ ними извѣстный modus vivendi, нежели съ чуждыми имъ по происхожденію поляками, хотябы и одновѣрцами.

Но дѣло еще не въ томъ. Эти *коренные чужеземцы* позволяютъ себѣ насиловать политическія убѣжденія остальной массы народонаселенія и тащить ее за собой по волнамъ политическихъ приключеній. И по какому праву? Мы знаемъ, что во времена существованія Рѣчи-Посполитой мѣстная интеллигенція, духовенство и горожане (о простомъ народѣ мы не можемъ говорить, потому что онъ былъ тогда безгласенъ) никогда не считали себя поляками, хотя многіе изъ нихъ были фанатическими католиками и усердными подражателями польской цивилизаціи. Изъ многочисленныхъ депутатскихъ инструкцій мы знаемъ, что западно-русское и литовское дворянство очень ревниво охраняло свою политическую автономію и также настойчиво протестовало при малѣйшемъ ея нарушеніи со стороны короны: засидится-ли коронное войско въ какой-либо литовско-русской крѣпости—протестъ; заберетъ ли корона изъ литовскаго скарба деньги—протестъ; получилъ-ли какой-либо »короняжъ« на Литвѣ должность или имѣніе, хотя-бы на основаніи королевской привилегіи—протестъ, а привилегія объявляется подложной »*ad male narrata*«; нарушится ли очередное собраніе сейма—протестъ и т. д. Даже въ позднѣйшіе годы существованія Рѣчи-Посполитой, почти наканунѣ раздѣла Польши, дворяне пограничнаго съ Короной брестскаго воеводства чрезъ

своихъ пословъ требовали, 1) чтобы составлена была особая коммиссія для собранія древнѣйшихъ лит.-русскихъ законоположеній, которыя были или уничтожены позднѣйшими, или замѣнены въ пользу Рѣчи-Посполитой; 2) чтобы на сеймѣ не было постановлено ничего такого, что нарушало-бы права в. княжества литовско-русскаго, полученныя имъ на основаніи уніи и 3) чтобы исполненіе даже такой мелочи, какъ содержаніе двухъ татарскихъ пословъ въ предѣлахъ княжества, было поровну распредѣлено между Короной и Литвой [1]). Эти факты занесены въ актовыя книги бывшаго в. кн. литовскаго, хранящіяся частію въ Вильнѣ, частію въ Кіевѣ и частію въ Витебскѣ. Они ясно говорятъ, что не смотря на всѣ стремленія латино-польскаго правительства—подчинить себѣ литовско-русское княжество, не смотря на всѣ тайныя и явныя преслѣдованія православной вѣры и русской народности, этотъ край не утратилъ сознанія ни своей политической автономіи, ни національной самобытности, хотя эти послѣднія и были уже разшатаны и надломаны. Съ какого времени нѣкоторые мѣстные уроженцы стали титуловать себя *поляками*, объ этомъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

III.

Между народностями Литовскаго Полѣсья авторъ очерка находитъ и *чернороссовъ*; онъ помѣщаетъ ихъ въ 3-хъ приходахъ лидскаго уѣзда. Считаемъ долгомъ замѣтить, что такого названія мы нигдѣ не встрѣчали въ западно-русскихъ виленскихъ актахъ; оно существуетъ только въ польской исторической литературѣ. Насъ удивляетъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что авторъ сократилъ это племя до самаго ограниченнаго minimum'a въ то время, когда въ 1766 г. составитель географическаго словаря *Карпинскій* находилъ это племя въ губерніяхъ виленской, гродненской и во всей губерніи минской; учебникъ географіи 1770 г., изданный въ Варшавѣ для школъ, указываетъ на Черную Русь въ новогородскомъ воеводствѣ (ostatnie to woiewodstwo (новгородское) nazywa się pospolicie Rusią Czarną, стр. 257, Gieographia powszechna, Warszawa, 1770 г.); а Encyklopedya Powszechna 1866 г. находитъ эту Русь и въ московскомъ княжествѣ Ивана III, и царствѣ польскомъ, козачинѣ и еще Богъ знаетъ гдѣ (Ст. Бартошевича). Ужели все это племя такъ быстро вымерло, что осталось только въ трехъ приходахъ?

О евреяхъ авторъ очерка отзывается съ рѣдкимъ сочувствіемъ. Онъ выводитъ ихъ не изъ Польши, какъ объ этомъ говорятъ еврейскія же привилегіи и акты, а изъ Кіева. Должно быть, это были дѣти еврей-

[1]) Акты Вил. Арх. ком., т. IV и др.

скихъ миссіонеровъ, дурно принятыхъ св. Владиміромъ? О серьезной сторонѣ исторической и бытовой жизни этого племени авторъ умалчиваетъ, хотя касательно этого вопроса имѣются уже довольно значительные историческіе матерьялы и спеціальныя изслѣдованія. Таковы, напр., V т. Актовъ виленской археографической коммиссіи, акты, изданные проф. Бершадскимъ, его же спеціальное изслѣдованіе о древнѣйшихъ судьбахъ евреевъ и другіе, кромѣ изслѣдованій польскихъ.

Намеки на сеймъ 1788 года, когда Рѣчь-Посполитая проэктировала даровать евреямъ полныя права гражданства, слишкомъ неумѣстны. Мало-ли что могло обѣщать капиталистамъ евреямъ польское государство, стоявшее на краю гибели? Но мы лучше раскроемъ Volumina Legum и посмотримъ, чѣмъ владѣли евреи въ цвѣтущую пору этого государства? Въ это время евреямъ воспрещено было взимать пошлины, выдавать подъ росписки и векселя деньги, держать христіанскую прислугу, заниматься торговлей безъ опредѣленныхъ договоровъ съ христіанами, выходить на улицы во время христіанскихъ процессій, заниматься перекупничествомъ, запрещено было даже носить обыкновенныя шапки, кромѣ желтыхъ. Кажется, въ настоящее время не существуетъ такихъ ограниченій!? Единственное, что разрѣшила и узаконила для евреевъ Рѣчь Посполитая – это *кагалъ*; онъ складывался подъ ея легкомысленнымъ владычествомъ, не смотря на продолжительные протесты со стороны самихъ же евреевъ, легъ тяжелымъ бременемъ на экономическую жизнь края и стоитъ теперь предъ христіанскимъ міромъ во всеоружіи *еврейскаго всемірнаго союза*. Съ этой точки зрѣнія Рѣчь-Посполитая оказала евреямъ величайшую услугу; но поработивши имъ всѣ остальныя племена края, положившія неизмѣримое количество своего труда и своихъ костей на культурное его развитіе, она совершила одну изъ величайшихъ несправедливостей.

Никто не можетъ отнять у автора очерковъ права высказывать къ еврейскому племени свои задушевныя симпатіи; но чтобы доказать его гуманность и безкорыстіе по отношенію къ другимъ племенамъ края, намъ кажется нужно представить болѣе вѣскія доказательства, нежели разсказъ объ отношеніяхъ одного фактора къ одному хорошему знакомому автора помѣщику, которые не могли обойтись другъ безъ друга. Вѣдь оба они были полновластные распорядители крестьянскаго труда и капитала? Въ серьезномъ историческомъ очеркѣ такіе разсказы отзываются балагурствомъ добраго прошлаго.

Во всѣхъ трехъ губерніяхъ авторъ находитъ шляхетскія околицы и приводитъ подробности ихъ прежнихъ политическихъ правъ и отношеній къ магнатамъ, ихъ современные нравы и обычаи; но при этомъ

забываетъ пояснить, что эти околицы въ большинствѣ случаевъ представляютъ собой обломки древняго путнаго и панцырнаго боярства, частію превращеннаго въ хлоповъ, а частію облеченнаго въ шляхетство. Между такой шляхтой на Полѣсьи есть цѣлыя селенія, ни слова не горящія по-польски. Авторъ вспоминаетъ о центральной ревизіонной коммисіи 1843 года, превратившей многія тысячи шляхтичей въ однодворцевъ и гражданъ, но забываетъ сказать, что на мѣста ихъ были созданы такія-же другія тысячи путемъ подкуповъ и фальсификаціи документовъ.

IV.

Въ VII очеркѣ, озаглавленномъ, »Просвѣщеніе и народное творчество«, на 101 стр. читаемъ: »мы уже говорили, что первыя училища заведены были при монастыряхъ (православныхъ или католическихъ?). При виленскомъ р.-католическомъ соборѣ, а также при костелѣ св. Іоанна заведены были школы одновременно съ основаніемъ этихъ храмовъ (несомнѣнно школы римско-католическія). *По всей вѣроятности, такія же школы могли существовать также съ XIV ст. при православномъ соборѣ и другихъ церквахъ* (а въ дѣйствительности могли, пожалуй, и несуществовать?).

Можно-ли выразиться по поводу этого важнаго предмета злѣе и насмѣшливѣе? Вѣдь самъ-же авторъ въ началѣ 100 стр. говоритъ, что польская типографія была открыта спустя 22 года послѣ появленія русской письменности (т. е. печати?), »что эта письменность указываетъ на извѣстную степень нравственнаго развитія народа, для котораго потребовались печатныя книги духовнаго содержанія въ то время, когда печать еще такъ мало была распространена у другихъ народовъ«. Только духовнаго содержанія!? Но я обращаюсь къ вамъ, величавыя тѣни гедиминовичей, ольгердовичей, какъ владѣтельныхъ князей; къ вамъ, первые издатели письменнаго литовско-русскаго законодательства, какъ современникамъ этой эпохи! разрѣшите намъ, своимъ потомкамъ это оскорбительное подозрѣніе: въ какихъ школахъ воспитывались ваши секретари, ваши юридическіе дѣльцы, творившіе судъ и расправу на языкѣ русскомъ во всѣхъ предѣлахъ л. р. княжества,—въ школахъ православныхъ или католическихъ? И вы, достойные представители и поборники западно русскаго просвѣщенія, скажите намъ, для кого вы открывали въ своихъ городахъ и помѣстьяхъ типографіи,—для своихъ одноземцевъ, или »*коренныхъ чужеземцевъ*«? Мы обезпокоили могильныя тѣни этихъ первыхъ проводниковъ и защитниковъ западно-русской гражданственности и религіозно-нравственнаго просвѣщенія, потому что дѣятельность

ихъ чисто-русская, патріотическая, подвергается не только сомнѣнію, но и умышленному извращенію.

Какъ обширна и вмѣстѣ съ тѣмъ страшна была русская школа и письменность для католическо-польской пропаганды, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные документы и Volumina Legum, указывающіе на неуклонное стремленіе ея не только подавить ихъ, но и совершенно уничтожить. Прочное, серьезное начало этимъ преслѣдованіямъ было положено тѣмъ самымъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, который говорилъ о себѣ, что *онъ властвуетъ надъ людьми, а Господь надъ ихъ совѣстію*. Вотъ, напримѣръ, мандатъ этого толерантнаго короля виленскому старостѣ, въ которомъ онъ, *по жалобѣ р.-католическаго епископа*, строго предписываетъ запретить диссидентамъ скупать дома и плацы для постройки храмовъ, устройства школъ и братствъ подъ страхомъ конфискаціи имущества и уплаты 10,000 копъ литовскихъ грошей пени. Все это староста долженъ былъ исполнять подъ маской доброжелательства: »*сохраняя миръ между диссидентами по вѣрѣ, тѣмъ не менѣе* nullam novam scholam, vel delubrum, vel domum ad supra memorata exercitia et conventicula vel constitui permittat, pro gratia nostra regia aliter non facturus [1]).

Вотъ напримѣръ привилегія короля Яна Казиміра виленскимъ переплетчикамъ, выданная по ходатайству *виленскаго р.-католическаго епископа*. Въ этой привилегіи король предоставляетъ имъ право слѣдить, »чтобы никто изъ *диссидентовъ или еретиковъ не ввозилъ и не продавалъ въ Вильнѣ никакихъ книгъ, а также не открывалъ библіотекъ*«, въ противномъ случаѣ книги должны были подвергаться конфискаціи и поступать въ собственность переплетчикамъ по вымороченому отъ короля праву [2]).

Въ 1794 году на основаніи конституціи гродненскаго сейма была составлена особая цензурная коммисія, состоявшая изъ *35 ксендзовъ* (для литовскаго полѣсья), на которую возложена была полицейская обязанность уничтожать всѣ книги, какія только находились въ библіотекахъ-книжныхъ складахъ, если онѣ заключали въ себѣ *ядъ противъ обычаевъ и римско-католической вѣры* [3]).

Сколько было уничтожено въ это время памятниковъ западно-русской письменности и печати, въ которыхъ находился диссидентскій ядъ противъ католицизма? Но ихъ было такъ много, что осталось еще

---

[1]) Акты Вил. Арх. ком., т. VIII.

[2]) Акты Вил. Арх. ком., т. X

[3]) Акты Вил. Арх. ком., т X.

значительное количество для истребленія и въ позднѣйшее время. Мы бы зашли слишкомъ далеко, еслибы вздумали покороче познакомить читателя съ правительственною дѣятельностію въ этомъ родѣ бывшей Рѣчи Посполитой; но передъ нами стоитъ XIX столѣтіе и мы торопимся приблизиться къ весьма важной эпохѣ западно-русскаго просвѣщенія.

Выдающимся дѣятелемъ этой эпохи былъ князь Адамъ Чарторыйскій—сначала русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, потомъ попечитель виленскаго учеб. округа, наконецъ основатель Ламберова отеля и родоначальникъ королей несуществующаго королевства. Свою фамильную программу онъ развивалъ въ своемъ же помѣстьи Пулавахъ. По выраженію одного современнаго польскаго писателя Козмяна, »Пулавы сдѣлались польскимъ Эпиромъ, въ которомъ Геленъ, по разрушеніи большой Трои, основалъ Трою малую«. Отсюда стали развиваться новыя національно-польскія стремленія по всѣмъ предѣламъ бывшей Рѣчи-Посполитой.

Въ 1802 г. кн. Чарторыйскому было поручено проэктировать уставъ для виленскаго университета и учебнаго округа. Въ 1803 году въ помощники къ нему прикомандированъ былъ, въ качествѣ визитатора училищъ, Ѳаддей Чацкій. Первый пригласилъ къ себѣ въ сотрудники ректора виленской академіи Стройковскаго, второй—Гуго Колонтая. Образовалось два центра просвѣтительной польской дѣятельности: одинъ въ Вильнѣ, другой въ Кременцѣ. Работа закипѣла. На нее обращены были невольные взоры польскихъ патріотовъ. »Подъ русскимъ владычествомъ, писалъ по этому поводу Фр. Дмоховскій Колонтаю, намъ открываются самые благопріятные виды. Вмѣстѣ съ тѣмъ *организація публичной инструкціи въ выборѣ способныхъ соотечественниковъ на мѣсто учителей произведетъ то, чего только ожидать можно въ данномъ случаѣ.* Но если учительскія мѣста заняты будутъ чужеземцами, тогда придется попрощаться съ отечественными науками, и въ особенности пострадаетъ отъ этого образованіе. Излагая науки на чужомъ языкѣ, можно приготовить извѣстное число ученыхъ, но безъ польскаго языка нельзя распространять образованія въ массѣ. Въ данномъ случаѣ цѣли Императора таковы [1]), что позволяютъ надѣяться получить отъ него гораздо больше, нежели сколько можетъ дать намъ какое бы то ни было »правительство«. Но каково было ихъ разочарованіе, когда

[1]) Изъ записки гр. Огинскаго, поданной въ 1811 году Императору Александру I, видно, что Государь соглашался образовать изъ литовско-русскаго княжества—литовское герцогство съ мѣстной администраціей на польскомъ языкѣ. Русск. Архивъ, 1874 г.

Стройковскій долженъ былъ допустить въ своемъ уставѣ (составленномъ на основаніи общаго устава Россійскихъ университетовъ) §, по которому университетскій совѣтъ могъ приглашать на ученую службу и иностранцевъ. Противъ этого поднялась буря. »Виленскій университетъ, писалъ по этому-же дѣлу Дмоховскій Колонтаю, наполняется чужеземцами; тамъ будутъ нѣмцы, французы, итальянцы, англичане—словомъ вавилонское столпотвореніе. Принято за систему ни къ чему не допускать поляковъ, какъ неспособныхъ. Послѣ паденія народа трудно наносить ему большее оскорбленіе, какъ смотрѣть на него такими глазами, и виленская академія, никогда не пользовавшаяся хорошей репутаціей, теперь окончательно покрылась позоромъ. И что тамъ были за профессора? Они не умѣли воспитать себѣ преемниковъ, а это преемство не сопряжено съ большими затрудненіями. Объ этомъ можно только сожалѣть, но исправить трудно. *Гдѣ мы закладывали гнѣзда польскаго языка и польской литературы, тамъ будетъ сѣдалище нѣмецкихъ трансцедентализтовъ, и Вильна сдѣлается колоніей чужеземцевъ*«.. Колонтай по этомуже поводу писалъ Сняденцкому: »въ своемъ проэктѣ онъ (Стройковскій) призналъ необходимымъ обратиться къ вызову иностранцевъ и этимъ отдалилъ отъ себя достойныхъ поляковъ. Теперь онъ твердитъ, что трудно найти поляковъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ найдетъ ихъ, поставивши на одну доску съ чужеземцами и подчинивъ суду недоучившихся виленскихъ ученыхъ?«. Но крутыя мѣры были несогласны съ политикой кн. Чарторыйскаго и дѣло обошлось въ пользу преобладанія польскаго направленія гораздо успѣшнѣе, нежели какъ опасались рьяные патріоты.

Нельзя здѣсь не замѣтить, что намѣренія М. Н. Просвѣщенія были иныя. Графъ Завадовскій былъ противъ учрежденія округа въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, хотѣлъ отдѣлить юго-западныя губерніи и образовать особый округъ подъ главенствомъ университета кіевскаго. Съ этою цѣлью онъ нарочно ѣздилъ туда въ 1805 году; но Чарторыйскій не дремалъ и выслалъ къ нему на встрѣчу Чацкаго съ слѣдующимъ представленіемъ: »открывать новый университетъ въ Кіевѣ чрезвычайно неудобно во 1-хъ потому, что Кіевъ стоитъ въ сторонѣ отъ с. з. края и занимаетъ невыгодное мѣстоположеніе для такого заведенія; во 2-хъ потому, что недалеко отъ Кіева уже открытъ университетъ въ Харьковѣ; въ 3-хъ потому, что желанія обывателей, несущихъ свои пожертвованія на пользу образованія таковы, чтобы преподаваніе шло на языкѣ польскомъ, чего нельзя достигнуть въ Кіевѣ, какъ въ древнѣйшемъ русскомъ городѣ, гдѣ гражданское право должно преподаваться на основаніи права русскаго—*не здѣшняго*, а право цер-

ковное на основаніи права восточнаго, и богословіе въ духѣ благочестія. Такія затрудненія не имѣли бы большого значенія, еслибы русское духовенство было болѣе или менѣе сносно образовано; но до тѣхъ поръ, пока не устранится это послѣднее неудобство, учрежденіе въ Кіевѣ университета останется дѣломъ очень спорнымъ, тѣмъ болѣе, что школьное образованіе унаслѣдовало здѣсь нѣмецкій уставъ, допускающій только четыре факультета«. Истинныя же причины нежеланія кн. Чарторыйскаго открывать университетъ и учебный округъ въ Кіевѣ были совершенно другія. »Какъ полякъ, писалъ по этому поводу Колонтай Снядецкому, князь Чарторыйскій не желаетъ открытія университета въ Кіевѣ, гдѣ можно предвидѣть неминуемый упадокъ нашей рѣчи и неминуемыя препятствія въ мѣстной суперстиціи. Не желаетъ онъ открытія и новаго округа оттого, чтобы не нарушить того объединенія края, которое выражается въ настоящее время въ единствѣ образованія«. По-русски это значитъ: князь Чарторыйскій не желаетъ открытія кіевскаго университета и округа оттого, чтобы не выпустить изъ-подъ своего полонизаторскаго вліянія нѣсколькихъ губерній и не нарушать традиціонной цѣлости границъ в. княжества литовскаго, въ которыхъ оно подчинялось Рѣчи Посполитой.

Опасность миновала, желанія Чарторыйскаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ и бывшее великое княжество литовско-русское сдѣлалось поприщемъ для развитія въ немъ политики національно-польской. Протеста со стороны мѣстной интеллигенціи, не раздѣлявшей этого направленія, не только не послѣдовало, какъ это постоянно бывало во времена Рѣчи Посполитой, но и не могло послѣдовать, частію вслѣдствіе новыхъ политическихъ условій, измѣнившихъ отношенія новыхъ подданныхъ къ новому правительству. Съ этой поры с.-западной и юго-западной Руси суждено было безропотно и надолго подчиниться политическимъ проискамъ незначительной части людей, объявившихъ себя чужеземцами, и выносить на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія продолжительныхъ революціонныхъ движеній. Съ этой точки зрѣнія заслуги покойнаго митрополита Сѣмашки и архіеп. Антонія, примирившихъ уніятовъ съ православными, въ глазахъ потомства неоцѣненны. И ихъ то мы не нашли въ иллюстраціи живописной Россіи!

Какъ успѣшно велись дѣла ополяченія молодежи въ школахъ виленскаго учебнаго округа, видно изъ слѣдственныхъ дѣлъ коммисіи Новосильцова, проливающихъ яркій свѣтъ на это темное пятно западно-русской исторической жизни.

Изъ этихъ дѣлъ видно, что въ 1805 году еще *нужно* было вербовать учениковъ въ польскіе легіоны; въ 1818 году они уже *добровольно*

обрекали себя на жертву отечеству, а въ 1824 году во имя Польши *совершали уже уголовно-политическія преступленія.*

Самымъ довѣреннымъ лицемъ кн. Чарторыйскаго въ распространеніи его идей былъ Контримъ. »Подъ скромнымъ названіемъ адъюнкта, писалъ объ немъ Новосильцовъ цесаревичу Константину Павловичу, »котораго онъ никогда не искалъ перемѣнять, сей хитрый и скрытный человѣкъ управлялъ очень долгое время самымъ непримѣтнымъ образомъ какъ университетомъ, такъ, можно сказать, и мнѣніемъ большей части публики. Всѣ сіи, собранныя мною на его счетъ свѣдѣнія, были поводомъ, что я внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ пружинъ возмутительной системы, но по разнымъ причинамъ не прежде могъ приступить къ рѣшительной мѣрѣ, какъ по возвращеніи моемъ въ Вильну«.

При содѣйствіи этого человѣка и многихъ другихъ, были основаны въ Вильнѣ многочисленныя тайныя общества, а по примѣру Вильны и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ края. Таковы были общества: Шубравцевъ, Лучезарныхъ, Филоматовъ, Филаретовъ—въ Вильнѣ, Науковое и Моральное, Черныхъ братьевъ и Зорянъ—въ другихъ мѣстностяхъ края. Устраивались эти общества чуть ли не съ вѣдома самого университета. Такъ, по поводу визитацій Ходзько, Новосильцевъ доносилъ цесаревичу, что »этотъ дворянинъ былъ посылаемъ отъ университета въ качествѣ визитатора училищъ виленскаго учебнаго округа и производилъ свои визитаціи съ извѣстнымъ Заномъ (основателемъ общества Филаретовъ), состоявшимъ при немъ письмоводителемъ и такимъ образомъ распространилъ духъ сего общества не только между учениками, но и между учителями«.

Въ своихъ засѣданіяхъ мальчики—политиканы произносили патріотическія—польскія рѣчи и стихотворенія, боготворили Наполеона и угрожали смертію сѣверной тиранніи; даже въ загородныхъ играхъ изображали изъ себя разныхъ чиновъ Рѣчи Посполитой: воеводъ, старостъ, чашихъ, хоружихъ и т. д.

Вотъ откуда пошло къ западной Руси новое племя »коренныхъ поляковъ«. Впрочемъ это политическое броженіе, сдѣлавшее такой переворотъ въ жизни и національномъ сознаніи нѣкоторой части ея интеллигентнаго общества, авторъ очерка называетъ скромнымъ именемъ *романтизма.* Хорошъ былъ романтизмъ, когда выдающихся представителей его пришлось присудить къ смертной казни; мы разумѣемъ кн. Чарторыйскаго и профессора Лелевеля.

Нельзя сказать, чтобы русское правительство не предпринимало никакихъ мѣръ къ искорененію такого крупнаго зла; съ этою цѣлью составленъ былъ даже спеціальный верховный комитетъ—изъ графа

Аракчеева, адмирала Шишкова и сенатора Новосильцова; но мѣры указанныя ими, были чисто внѣшнія, палліативныя, и не выходили изъ предѣловъ строгаго надзора по средствамъ удвоеннаго количества инспекціи. Болѣе серьезныя мѣры были рекомендованы бѣлорусскимъ губернаторомъ кн. Хованскимъ, часть которыхъ и была осуществлена. Но мы не имѣемъ надобности входить здѣсь въ подробное изслѣдованіе этого предмета, потому что это внѣ нашей задачи [1]). А изъ приведенныхъ фактовъ, кажется, довольно ясно, что потеря сознанія національной самобытности нѣкоторой частью западно-русской интеллигенціи обязана преимущественно школамъ кн. Чарторыйскаго. Слѣдовавшіе за тѣмъ мятежи и общія карательныя мѣры наравнѣ съ политическими преступниками поляками, допущеніе польскаго языка въ школы, нѣкоторыя періодическія изданія и мѣстную литературу—не только закрѣпили эту связь съ польскими стремленіями, но, что всего печальнѣе, на долгое время сбили съ толку народныя массы на счетъ яснаго пониманія истиннаго положенія въ здѣшнемъ краѣ полонизма. Эта сбивчивость будетъ имѣть подъ собой твердую почву до тѣхъ поръ, пока польскій языкъ не будетъ замѣненъ другимъ языкомъ въ католическомъ богослуженіи.

V.

Основанія, по которымъ авторъ очерковъ старается сохранить орфографію названія города Вильны чрезъ о (Вильн-о), мы считаемъ слишкомъ недостаточными. Разберемъ это дѣло.

По литовски Вильна называется *Вильнюя* и происходитъ отъ древняго русскаго названія рѣки *Виліи* или *Веліи*; ибо литовское названіе этой рѣки есть *Нерисъ*. Вотъ почему Вигандъ весьма основательно Вильну считаетъ городомъ русскимъ: »*civitas Ruthenica*«.

За тѣмъ во всѣхъ древнихъ актахъ, которые намъ приходилось читать, городъ этотъ называется Вильн-а или Вильня. Такихъ названій мы видѣли по мѣньшей мѣрѣ тысячъ 60. Свою же орѳографію авторъ очерковъ основываетъ главнымъ образомъ на одномъ актѣ изданія с.-петербургской археографической коммиссіи. Этотъ актъ есть списокъ ордынщины съ западно-русскихъ городовъ, которые имѣютъ слѣдующую орѳографію: Вильна называется Вилн-о; Ковно—*Ковенъ;* Гродно—*Городень;* Новогрудокъ—*Новогородокъ;* Брестъ—*Берестье;* Минскъ—*Менескъ* и др.; эти послѣднія названія, кромѣ Вильны, встрѣчаются и въ актахъ

[1]) Лицъ, желающихъ познакомиться съ подробностями этого дѣла, мы просимъ заглянуть въ Русскій архивъ 1874 г., гдѣ была напечатана нами статья объ этомъ-же предметѣ.

позднѣйшаго времени. Въ этомъ же самомъ томѣ названіе Вильны съ окончаніемъ *а* и *я* встрѣчается разъ 15; такъ Иванъ III отправляетъ свою грамоту въ *Вильну*, а князь литовскій Александръ пишетъ свои грамоты у *Вильни* и т. д. Принимая во вниманіе, что единичные случаи правописанія какого либо слова должны считаться не правиломъ, а исключеніемъ, мы утверждаемъ, что Вильна должна писаться съ окончаніемъ *а*, или *я*, но отнюдь не съ окончаніемъ *о*, хотя это послѣднее и принято употреблять въ польской литературѣ, вѣроятно по аналогіи съ названіями городовъ Гнѣзно, Лѣшно, Сѣнно, не имѣющими впрочемъ никакого значенія актовъ. Съ другой же стороны, если авторъ во что бы то ни стало желаетъ сохранить для Вильны названіе по вышеприведенному документу, то почему онъ не возстановляетъ актовыхъ названій и для другихъ городовъ, встрѣчающихся въ ордынскомъ спискѣ? Въ томъ и другомъ случаѣ здѣсь очевидное пристрастіе.

Вообще говоря, давно бы уже слѣдовало возстановить настоящія древнія названія западно-русскихъ городовъ, измѣненныя польской орѳографіей, чуждой для языка русскаго и вовсе не обязательной. Если поляки стремятся всего имѣть въ этомъ краѣ больше, нежели сколько могутъ *получить*, то почему же русскимъ не отдать того, что имъ *должно слѣдовать*.

Въ заключеніе мы не можемъ пройти молчаніемъ желанія автора набросить тѣнь подозрѣнія на виленскихъ мучениковъ, происхожденіе которыхъ онъ очень прозрачно приписываетъ тенденціознымъ дѣйствіямъ духовенства и св. синода.

Намъ извѣстно изъ церковной исторіи, что жизнеописаніе виленскихъ мучениковъ помѣщено въ *Четьихъ Минеяхъ* московскаго митрополита Макарія, когда на Руси не существовало еще и патріаршества. Обстоятельство это ясно опровергаетъ мнѣніе автора, что съ 1347 года по 1826-й никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о мученикахъ не имѣется. Интересно знать, какое авторъ можетъ представить болѣе достовѣрное извѣстіе, нежели то, что память ихъ ежегодно чествовалась всей православной русской церковью? Согласіе св. синода съ заключеніемъ іерарховъ, осматривавшихъ святыя мощи, указываетъ только на формальную сторону дѣла, т. е. признаніе въ открытыхъ мощахъ тѣхъ именно мучениковъ, которые пострадали во времена Ольгерда; но происхожденіе мучениковъ не можетъ быть подвержено никакому сомнѣнію, потому что оно относится ко временамъ старины глубокой, освятившей бытіе и память ихъ, наравнѣ съ другими поборниками христіанства на Руси, въ своей церковной лѣтописи.

Вообще въ сужденіяхъ автора часто встрѣчаются явныя натяжки, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что признавая за безспорный фактъ избіеніе въ Вильнѣ францишкановъ, во времена Ольгерда, относительно избіенія православныхъ мучениковъ онъ выражается болѣе, нежели двусмысленно, говоря: »въ царствованіе Ольгерда произошло событіе, котораго историческая критика не можетъ объяснить съ положительною ясностію«. Но почему-же для автора совершенно ясно избіеніе францишкановъ во времена этого-же Ольгерда? Такъ привыкла относиться къ событіямъ западно-русской жизни не *историческая критика*, а *тенденціозно-польская*, для которой только то истинно, что соотвѣтствуетъ ея интересамъ. Масштабъ этотъ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи польскихъ историческихъ сочиненій, касающихся по-преимуществу здѣшняго края. Одно думать, другое говорить, третье дѣлать никогда не было чуждо критикамъ этой школы. Мы не злоупотребимъ терпѣніемъ читателя, если припомнимъ здѣсь, что говорилось этими людьми въ 1856 году при открытіи въ Вильнѣ музея древностей. »Не всѣмъ еще доступно, говорено было однимъ изъ выдающихся членовъ археологическаго общества, что археологія чуждается мелкихъ побужденій, современныхъ страстей, не обязана льстить народному самолюбію, и скопляя въ музеумъ памятники всего, что было живо и интересно въ минувшемъ, предоставляетъ исторіи изъ нагроможденныхъ данныхъ произносить приговоры, хвалить или осуждать. Она ищетъ не красоты въ лицахъ предковъ, но сходства... Да будутъ же девизомъ всѣхъ нашихъ дѣйствій и стремленій слова апостола Павла: Павелъ ли, или Аполлосъ, или Кифа, или міръ, или жизнь или смерть, или настоящее или будущее, все наше: мы же Христовы, а Христосъ Божій«[1]) (I Кор. III, 22—23.

Но не прошло 5—6 лѣтъ, Виленскій Музей представилъ собой самое блистательное освѣщеніе жизни польской; спрятанъ былъ гдѣ-то въ витринѣ даже Литовскій Статутъ, принесенный въ даръ митрополитомъ Сѣмашкой, а сапѣжинскія старинныя русскія рукописи—въ нишѣ за шкафами были обречены на гніеніе.

VI.

Очень серьезнаго вниманія заслуживаютъ еще нѣкоторыя мѣста X очерка, носящаго названіе »*Народный трудъ*«.

На страницахъ этого очерка авторъ устанавливаетъ свои взгляды на отсутствіе въ краѣ купцовъ, торговцовъ и отчасти ремесленниковъ

[1]) Записки Вил. Арх. ком., ч. I. 1856 г., стр. 38—39.

изъ среды народа; высказываетъ сожалѣніе по поводу закрытія обществъ трезвости, хотя слѣды ея находитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по настоящее время; указываетъ на злоупотребленія волостныхъ чиновъ, безнравственность молодаго поколѣнія, занимающагося грабительствомъ и конокрадствомъ и, наконецъ, указываетъ на недовѣріе народа къ своему духовенству. Эти послѣднія строки такъ поучительны, что мы считаемъ необходимымъ привести ихъ въ подлинникѣ:

»Трудно, говоритъ авторъ, съ увѣренностію сказать, улучшается-ли нравственность крестьянъ. Конечно, это зависитъ отъ мѣстности и вліянія духовенства (?). Въ ковенской губерніи, гдѣ почти сплошное населеніе римско-католическаго исповѣданія, вліяніе духовенства очень сильно и благотворно. Тамъ и въ числѣ духовенства много лицъ изъ крестьянскаго сословія, хорошо знающихъ его бытъ, характеръ, нравы и обычаи. Въ виленской-же и гродненской губерніяхъ, вслѣдствіе политическихъ причинъ, многіе изъ прежнихъ приходскихъ священниковъ удалены, а на ихъ мѣста назначены, *большею частію по выбору административныхъ свѣтскихъ властей, люди недостойные, не сознающіе своего долга и высокаго призванія. Народъ не довѣряетъ имъ и видитъ въ нихъ только чиновниковъ въ родѣ пристава, или окружнаго начальника.* Понятно, что мы не имѣемъ въ виду всего духовенства, какъ православнаго, такъ и католическаго, но указываемъ только на исключенія, къ сожалѣнію, весьма нерѣдкія« (стр. 215).

Мы не имѣемъ подъ рукой необходимыхъ данныхъ, чтобы поставить автора на документальную почву и показать крайнюю его односторонность; но двадцатилѣтняя наша жизнь въ краѣ все таки даетъ намъ возможность высказать нѣсколько замѣчаній, не лишенныхъ знанія условій мѣстной жизни, которыя въ случаѣ надобности могутъ быть подтверждены и фактами.

Отсутствіе въ краѣ купцовъ, торговцевъ и отчасти ремесленниковъ изъ мѣстной народной среды нельзя объяснять *преимущественною ролью земли* въ экономическомъ развитіи края, какъ это думаетъ авторъ. Разсмотрите акты, изданные въ Петербургѣ, въ Вильнѣ, Кіевѣ, Витебскѣ, и вы увидите, что лѣтъ 200 тому назадъ промышленность и торговля били очень сильнымъ ключемъ въ средѣ кореннаго литовскаго и бѣлорусскаго племени: здѣсь были купцы—христіане, торговцы—христіане, ремесленники—христіане, непришлые, а туземные; они имѣли свои братскіе уставы; многіе изъ нихъ отличались глубокимъ образованіемъ, богатствомъ и широкою благотворительностію, распространявшеюся на многія мѣста великаго княжества литовско-русскаго; многіе изъ нихъ вели обширную заграничную торговлю на собственныхъ »витинахъ«; но противъ

нихъ велась упорная, продолжительная и двойная борьба. Сверху вело эту борьбу дворянство, которое на каждомъ почти сеймѣ »*острило*« противъ нихъ ограничительный законъ, извѣстный въ Volumina'хъ Legum подъ названіемъ »lex sumptuaria«, снизу—кагальное еврейство, захватившее въ свои руки, при содѣйствіи этогоже дворянства, всѣ почти промыслы и торговлю края. Поговорите съ болѣе развитыми крестьянами и вы увидите, что они и теперь рады бы заняться торговлей и промыслами, но не могутъ вступить въ конкурренцію съ капиталистами евреями, дѣйствующими *одинъ за всѣхъ и всѣ за одного*. Что-же имъ остается, кромѣ *земли*? Ничего! Но это вовсе не значитъ, что земля тутъ виновата.

Общества трезвости дѣйствительно имѣли политическую подкладку и преслѣдовали не столько нравственныя цѣли, сколько исключительныя, направленныя къ упроченію вліянія надъ народомъ римско-католическаго духовенства, часто увлекавшаго его своими проповѣдями о трезвости въ ту сторону, куда народу идти не слѣдовало. Замѣнить *водку пивомъ*, какъ это и теперь еще практикуется нѣкоторыми старыми членами обществъ трезвости,—это не значило еще выучить народъ бережливости; а заставить членовъ пѣть разныя кантычки, отличавшіяся иногда духомъ нетерпимости и вражды къ Россіи,—это не значило учить народъ нравственности. Мы не желаемъ входить въ подробности этого предмета, потому что по нѣкоторымъ причинамъ признаемъ это неудобнымъ. Также точно находимъ неудобнымъ и со стороны автора упрекать правительство въ томъ, будто оно могло ставить преграды своимъ подданнымъ въ развитіи ихъ нравственнаго и экономическаго благосостоянія.

Злоупотребленія волостныхъ чиновъ по существу своему весьма прискорбны, какъ и всякія злоупотребленія; но должно быть они не повсемѣстны и не производятъ особенно дурнаго вліянія на благосостояніе народныхъ массъ, потому что въ XI очеркѣ »Живописной Россіи«, принадлежащемъ П. П. Семенову, представлены поразительные результаты увеличенія въ этомъ краѣ народонаселенія, которое за послѣднее 20-лѣтіе возросло до 32%. Кто знакомъ съ законами статистики, тотъ пойметъ, что значитъ 32% увеличенія народонаселенія въ странѣ отъ природы не богатой и подверженной давленію еврейской эксплоатаціи.

Обвиненіе авторомъ молодаго поколѣнія въ безнравственности, не подтверждено никакими данными и можетъ имѣть значеніе чистаго предположенія. Можно думать, что онъ приписываетъ это печальное явленіе непосредственному вліянію правительственной школы, или-же отсутствію обществъ трезвости, или же ослабленію вліянія римско-католическаго духовенства... Во всякомъ случаѣ авторъ заявляетъ только личное свое мнѣніе, и не подтверждаетъ его ни фактами, ни ссылками, ни докумен-

тами, такъ что читатель по неволѣ долженъ теряться въ предположеніяхъ и догадкахъ, въ то время, когда дѣло это, по нашему разумѣнію, объясняется хоть съ одной стороны очень просто. Въ нашемъ краѣ до чрезвычайности развиты корчемные и кабачные притоны. Эти темныя гнѣзда всевозможныхъ преступленій всегда представляли и представляютъ собой легкую возможность сбыта награбленнаго добра и такое-же легкое укрывательство и подстрекательство къ занятіямъ подобнаго рода. Объ нихъ нельзя умалчивать, когда дѣло идетъ о грабительствѣ и конокрадствѣ, какого-бы то ни было поколѣнія—стараго или молодаго. Съ другой-же стороны гласный судъ обнаруживаетъ теперь самыя незначительныя преступленія, которыя въ доброе старое время отпечатлѣвались на спинѣ преступниковъ сельскими старостами, или экономами и покрывались мракомъ неизвѣстности. При такихъ условіяхъ и количество преступленій должно казаться значительно больше. Закройте корчемные притоны—и преступленія уменьшатся; закройте гласные суды—и вы ничего о преступленіяхъ не услышите.

Строки, выписанныя нами изъ очерка въ подлинникѣ, касательно народной нравственности и положенія въ краѣ римско-католическаго духовенства, отличаются крайней двусмысленностію, хотя и обставлены нѣкоторыми громоотводами, въ родѣ »мѣстности« и »православнаго духовенства«.

Смыслъ этихъ строкъ слѣдующій: народная нравственность уцѣлѣла только въ губерніи ковенской, гдѣ преобладаетъ вѣра римско-католическая и гдѣ духовенство сохранило свое прежнее вліяніе надъ народомъ; въ губерніяхъ-же виленской и гродненской, гдѣ вѣроисповѣданіе или смѣшанное, или-же по преимуществу православное, нравственныя добродѣтели народа изсякли. Изъ этого основанія можно вывести только одно слѣдствіе, что народныя добродѣтели существуютъ только тамъ, гдѣ исключительно господствуетъ вѣра римско-католическая. Чтобы не ослаблять въ читателяхъ всей силы впечатлѣнія такого вывода, мы только слегка замѣтимъ, что таможенное вѣдомство очень жалуется на контрабандистовъ, кровныхъ жмудиновъ, увлекающихся по преимуществу прусскимъ спиртомъ, о конокрадствѣ-же и другихъ преступленіяхъ должны умолчать...

Но по причинамъ политическимъ, толкуетъ дальше авторъ, въ дѣла этой вѣры вмѣшались административныя свѣтскія власти, прежнихъ достойныхъ пастырей удалили, а на ихъ мѣста назначили людей недостойныхъ, въ которыхъ народъ видитъ только чиновниковъ въ родѣ пристава, или окружнаго начальника.

Изъ этого основанія слѣдуетъ вывести уже два заключенія: *первое*, что правительство своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла римско-католической вѣры виленской и гродненской губерніи роковымъ образомъ повліяло не только на народную нравственность, но и на личныя добродѣтели самаго духовенства, которое вслѣдствіе этого упало до низкаго нравственнаго уровня правительственныхъ чиновниковъ; *второе*, что нравственность правительственныхъ чиновниковъ ниже всякой критики. Что касается православнаго духовенства, то авторъ хотя и упомянулъ о немъ вскользь, но не высказываетъ о немъ ничего опредѣленнаго, такъ что читатель опять остается въ недоумѣніи—лучше-ли оно правительственныхъ чиновниковъ, или хуже?

Мы не беремъ на себя труда судить о нравственности римско-католическаго духовенства, хотя и знаемъ, что она не подчиняется вліянію свѣтскихъ властей; не беремъ также труда судить и о нравственности правительственныхъ чиновниковъ, хотя и знаемъ, что они не ангелы, а люди, не избавленные отъ слабостей, заблужденій и увлеченій: для этого нужны факты, которыхъ мы не имѣемъ, а авторъ, къ сожалѣнію, ихъ не представляетъ; но не можемъ не отмѣтить здѣсь страннаго совпаденія взглядовъ автора на этотъ предметъ съ отзывами иностранныхъ польскихъ газетъ о нѣкоторыхъ римско-католическихъ пастыряхъ, принужденныхъ оставить нашъ край вслѣдствіе особенныхъ давленій нѣкоторыхъ властей не свѣтскихъ. Такіе, напримѣръ, отзывы были помѣщены о бывшемъ законоучителѣ одной классической гимназіи, достопочтенномъ о. С..... Въ этихъ органахъ онъ провозглашенъ воспитателемъ цѣлаго поколѣнія ксендзовъ-грабителей, ксендзовъ-развратителей... Но, скажетъ читатель, вѣдь этотъ законоучитель служилъ въ гимназіи, а не римско-католической семинаріи, и не могъ имѣть на нее вліянія, потому что она находилась въ Вильнѣ, имѣла своихъ спеціальныхъ наставниковъ и была внѣ сферы его деморализующей дѣятельности? Да, все это совершенно вѣрно; но тутъ »нужно знать, какъ вещи есть«, а онѣ очень незамысловаты: этотъ человѣкъ совершалъ по-русски римско-католическое дополнительное богослуженіе!... »Баснь эту можно-бы и болѣе пояснить«, но она не касается прямо »Живописной Россіи« и потому мы оканчиваемъ свои замѣчанія, предоставляя самому читателю судить о томъ, съ какою цѣлью составлены разобранные нами очерки и какую пользу они могутъ принести русской читающей публикѣ.

Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей слободской Украйны. Составилъ В. В. Гуровъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г., XVII, IV. 705.

Передъ нами объемистая книга въ 700 слишкомъ страницъ, посвященная старозаимочному землевладѣнію б. Слободской Украйны. Въ прошломъ году въ Харьковѣ-же вышла другая книга, принадлежащая г. Чижевскому и посвященная тому же вопросу. Тогда же на страницахъ »Кіевской Старины« появилась объемистая монографія г. Шиманова и моя статья, посвященная все тому же старозаимочному землевладѣнію въ предѣлахъ Слободской и лѣвобережной Украйны. Такое обиліе трудовъ объясняется прежде всего практическою важностью даннаго вопроса. Въ своей рецензіи на книгу г. Чижевскаго и брошюру гг. Гурова и Бродскаго мы постарались опредѣлить практическую важность старозаимочныхъ процессовъ, въ которыхъ заинтересованы десятки тысячъ потомковъ слободскихъ козаковъ, нынѣшнихъ крестьянъ харьковской губерніи. Неудивительно, что во всѣхъ названныхъ изслѣдованіяхъ (исключая одного) главное вниманіе обращено на *старозаимочные процессы*. Но ни одному изъ изслѣдователей не удалось ограничиться юридическими вопросами матеріальнаго права и судопроизводства. Въ рецензіи на книгу г. Чижевскаго мы указали, что затронутый вопросъ не ограничивается одною сферою юриспруденціи, а имѣетъ самое близкое отношеніе къ исторіи и даже народной экономіи. Нельзя не согласиться поэтому съ мнѣніемъ высказаннымъ авторомъ разбираемаго нами Сборника, когда онъ говоритъ: ». . . . эти спорныя положенія представляютъ собою тѣмъ большій интересъ, что онѣ выдвигаютъ на сцену не одни только чисто спеціальные юридическіе вопросы изъ области права и судопроизводства, но въ равной, если не въ большей степени затрогиваютъ собою цѣлый рядъ вопросовъ изъ области исторіи, что объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ основаніи старозаимочныхъ процессовъ легли права, которыя первоначально пріобрѣтены были, 200 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, предками настоящихъ истцовъ—крестьянъ, малороссійскими выходцами, на земли, занятыя ими при первоначальномъ заселеніи мѣстности бывшей слободской Украйны (нынѣшней харьковской и части курской и воронежской губ.), путемъ заимки дикихъ, никому не принадлежащихъ земель«... вслѣдствіе этого »волею не волею пришлось побліже ознакомиться какъ съ общею исторіей той мѣстности, которая извѣстна была въ XVII и XVIII столѣтіяхъ

подъ названіемъ слободской Украйны, такъ въ особенности съ исторіей возникновенія и образованія поземельной собственности въ этомъ краѣ...; все это, при отсутствіи вполнѣ обстоятельныхъ изслѣдованій по указаннымъ вопросамъ, побудило тяжущихся обратиться къ разсмотрѣнію и изученію значительнаго количества историческихъ и законодательныхъ памятниковъ, относящихся къ періоду съ половины XVII в. до настоящаго времени«. И дѣйствительно въ своемъ объясненіи на апелляціонную жалобу г. Гуровъ очень часто обращается къ исторіи слободской Украйны вообще и ея землевладѣнію въ частности.

Обратимся теперь къ самому содержанію »Сборника« г. Гурова и посмотримъ, что онъ даетъ для уясненія вопроса о старозаимочномъ землевладѣніи«. Сборникъ состоитъ изъ 5 отдѣловъ: 1-й отдѣлъ—судебныя состязательныя бумаги по искамъ крестьянскихъ обществъ къ казнѣ о правѣ собственности на старозаимочныя земли, 2 й—рѣшенія судебныхъ мѣстъ по этимъ искамъ, 3-й—жалованныя грамоты, 4-й—выписи изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ, 5-й—разные документы, относящіеся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи.

Въ 1-й отдѣлъ входятъ: 1) прошеніе по иску крестьянъ города Лебедина съ хуторами, слободами и деревнями, поданное присяжнымъ повѣреннымъ г. Гуровымъ, 2) отвѣтъ на него уполномоченнаго харьк. казенной палаты, 3) апелляціонная жалоба того-же уполномоченнаго, поданная въ харьковскую судебную палату, 4) объясненіе на эту апелляціонную жалобу; послѣднее представляетъ блестящую критику основныхъ положеній уполномоченнаго казны, который, какъ извѣстно, признаетъ старозаимочныя земли казенною собственностью; вмѣстѣ съ тѣмъ это объясненіе заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ положительныхъ указаній на исторію старозаимочнаго землевладѣнія въ харьковской губерніи. Мы не будемъ останавливаться на изложеніи и разборѣ этого цѣннаго изслѣдованія, потому что сдѣлали это раньше; а теперь перейдемъ къ другимъ отдѣламъ сборника.

Въ 2-мъ отдѣлѣ г. Гуровъ приводитъ 5 положительныхъ рѣшеній окружнаго суда и палаты, дополняя такимъ образомъ пробѣлы сборника г. Чижевскаго, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного положительнаго рѣшенія; какъ видно изъ этихъ рѣшеній, судъ призналъ, что черкасы, колонизовавшіе слободскую Украйну, занимали пустопорожнія земли на правѣ полной собственности, которое не было ограничено и въ послѣдующее время разнаго рода административными распоряженіями, слѣдовательно, нынѣшніе крестьяне харьковской губерніи владѣютъ своими старозаимками точно также на правѣ полной собственности. Но не огра-

ничиваясь одними положительными рѣшеніями, г. Гуровъ приводитъ въ приложеніи и одно отрицательное (харьк. окруж. суда).

Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщено 15 жалованныхъ грамотъ козакамъ слѣдобскихъ полковъ; всѣ онѣ, (кромѣ одной, какъ видно изъ примѣчаній г. Гурова, разысканы имъ въ разныхъ архивахъ (въ общемъ архивѣ главнаго штаба, въ писцовомъ архивѣ межевой канцеляріи и харьковскомъ архивѣ губернскаго правленія).

Нужно впрочемъ замѣтить, что не всѣ онѣ являются въ печати въ первый разъ. Такъ грамота отъ 31 марта 7196 (1688) года козакамъ ахтырскаго слободскаго полка раньше была напечатана г. Чижевскимъ; для читателя, конечно, не имѣетъ никакого значенія тотъ фактъ, что грамота г. Гурова найдена въ архивѣ главнаго штаба, а грамота г. Чижевскаго—въ архивѣ харьковскаго губернскаго правленія. Грамота, данная слободскимъ полкамъ 22 ноября 1743 г., раньше была приведена у г. Чижевскаго, Квитки и Филарета. Нѣкоторыя грамоты, хотя и являются въ печати впервые, однако по содержанію своему вполнѣ подходятъ къ тѣмъ, которыя напечатаны были раньше. Такова напр. грамота, выданная харьковскимъ черкасамъ 23 сентября 1659 г.; она вполнѣ идентична съ грамотой, выданной острогожскому полку и приведенной у Головинскаго. Тоже самое нужно сказать и о грамотѣ, данной 28 февраля 1700 г. козакамъ сумскаго слободскаго полка; она вполнѣ соотвѣтствуетъ грамотамъ, даннымъ другимъ полкамъ и приведеннымъ у Квитки, Филарета и Чижевскаго. Грамота 1669 г., данная сумскому полку, сходна съ жалованной грамотой, выданной острогожскому полку въ 1670 году и приведенной у Филарета и Головинскаго; грамота 19 февраля 1684 г. козакамъ изюмскаго слободскаго полка представляетъ, собственно говоря, подтвержденіе и дополненіе грамоты 17 февраля 1682 года. Изъ остальныхъ 9 грамотъ найболѣе интересны слѣдующія: 4 ноября 1636 г. козакамъ слободскихъ полковъ, представляющая полную санкцію козацкихъ занмокъ; 25 февраля 1695 г. сумскому полку, подтверждающая освобожденіе отъ оброковъ; 20 декабря 1717 г. изюмскому полку, утверждающая высылку изъ предѣловъ полка пришлыхъ великороссійскихъ людей, поселившихся здѣсь безъ указа, и въ особенности 14 октября 1704 г. изюмскому полку, заключающая въ себѣ богатыя данныя для характеристики колонизаціи слободской Украйны. Остальныя пять гораздо менѣе интересны: одна изъ нихъ (10 іюня 1686 г.) говоритъ о мирѣ съ Польшей и не заключаетъ въ себѣ ровно никакихъ данныхъ не только для исторіи землевладѣнія, но даже для исторіи слободской Украйны вообще; вторая, третья и четвертая (28 февр. 1688, 7 мар. 1705, 1 сент. 1705 г.) освобождаютъ отъ оброчныхъ денегъ за мельницы,

борты и др. статьи; 5-я (12 декабря 1708 г.) похваляетъ за вѣрность во время измѣны Мазепы.

Замѣтимъ еще одну мелочь по поводу приведенныхъ грамотъ. Текстъ первой грамоты (1659 г.) напечатанъ неисправно или по винѣ корректора, или лица, переписывавшаго грамоту съ подлинника. Въ 5-й строчкѣ сверху 459 страницы напечатано: »и по святой Господней евангельской заповѣди«, а нужно читать: »и Его святыя Господня евангельскія заповѣди«, такъ по крайней мѣрѣ напечатано у Головинскаго и того-же требуетъ смыслъ рѣчи; въ 4-й строчкѣ снизу на той-же страницѣ вмѣсто »оное лично« нужно читать »одно лично«; въ 1-й строчкѣ снизу на той страницѣ вмѣсто »сыску« нужно читать »ссылки«.

Всѣ грамоты занимаютъ 63 страницы.

За тѣмъ слѣдуетъ 4-й отдѣлъ, гдѣ помѣщено 9 выписей изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ; въ числѣ ихъ мы находимъ описаніе нѣсколькихъ граней полковыхъ и сотенныхъ земель (харьковскаго и изюмскаго полковъ, липецкой и лебединской сотни), а также одного частнаго владѣльца—полковника Квитки. Почти всѣ онѣ извлечены изъ архива московской межевой канцеляріи.

Относительно этихъ документовъ нужно вообще замѣтить слѣдующее: они заключаютъ въ себѣ массу скучныхъ и безполезныхъ подробностей о границахъ по урочищамъ и только въ промежуткѣ между ними попадаются цѣнныя указанія на характеръ владѣнія. Къ числу ихъ нужно отнести нѣкоторыя данныя объ общевладѣемыхъ полковыхъ и сотенныхъ земляхъ, общественныхъ лѣсахъ и т. д. Всѣ эти выписи занимаютъ 54 страницы.

Наконецъ 5-й отдѣлъ заключаетъ въ себѣ разные документы, относящіеся къ старозаимочному землевладѣнію. Содержаніе ихъ самое разнообразное; здѣсь мы найдемъ и указы, и доношенія, и рапорты, и ордера, и приказы, и вѣдомости, и купчія. Большинство ихъ имѣетъ немаловажное значеніе для историка, а въ особенности для юриста. Таково, напримѣръ, доношеніе полковника Евстафія Данилевскаго въ правительствующій сенатъ 1742 года, заключающее тяжбу о землѣ изюмскаго полка съ ландмилицкимъ, или указъ государственной военной коллегіи гр. Салтыкову 18 марта 1754 г., рѣшающій споръ того-же изюмскаго полка съ бахмутской конторой за земли, или ордеръ харьковской полковой канцеляріи 17 февраля 1762 года, заключающій данныя о купленныхъ въ предѣлахъ полка старшиною и козаками земляхъ, или наконецъ выдержки изъ коммисарскихъ вѣдомостей о земляхъ слободы Хухры, города Лебедина съ слободами и селами. Въ особенности любопытны коммисарскія вѣдомости, составленныя въ концѣ прошлаго столѣтія по

всѣмъ селамъ харьковской губерніи и хранящіеся въ архивѣ харьковскаго управленія государственными имуществами; въ нихъ находятся самыя обстоятельныя вѣдомости о количествѣ населенія въ разныхъ слободахъ и принадлежащей каждому обывателю поземельной собственности; это нѣчто въ родѣ Румянцевской описи Малороссіи. Желательно было-бы, чтобы эти вѣдомости могли быть переданы въ архивъ, состоящій при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета: архивъ можетъ сдѣлаться центральнымъ для харьковской губерніи хранилищемъ всѣхъ цѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи слободской и лѣвобережной Украины. Не даромъ въ послѣднее время рѣшено ходатайствомъ о присоединеніи къ архиву малороссійской коллегіи старыхъ дѣлъ харьковскаго губернскаго правленія.

Изъ документовъ нынѣшняго столѣтія весьма поучителенъ приказъ слободско-украинской казенной палаты хорошевскому волостному правленію отъ 24 января 1830 г., показывающій, какъ въ харьковской губерніи путемъ административнаго воздѣйствія насаждалась община. Мы приведемъ вкратцѣ содержаніе этого документа. Сенаторъ Горголій, ревизовавшій харьковскую губернію, замѣтилъ одинъ *важнѣйшій непорядокъ*, состоящій въ томъ, что »казенные обыватели владѣютъ общественными землями *не уравнительно* по числу душъ, въ семействѣ состоящихъ, и количеству платимой каждымъ обывателемъ подати«, и поручилъ губернскому прокурору обратить на это дѣло серьезное вниманіе въ виду того, что отъ этого, кромѣ общественной пользы казенныхъ обывателей, *зависитъ сохраненіе самаго казеннаго интереса*«. »Вслѣдствіе чего нынѣ-же дано отъ него г. прокурора здѣшнему губернскому правленію предложеніе, дабы не оставило сдѣлать со стороны своей *строжайшія предписанія* всѣмъ здѣшней губерніи, какъ градскимъ и земскимъ полиціямъ обще съ г.г. городничими и земскими исправниками, такъ равно уѣзднымъ судамъ и стряпчимъ, дабы изъ нихъ градскія и земскія полиціи и уѣздные стряпчіе удостовѣрились, во всѣхъ ли трехъ поляхъ и сѣнокосныхъ мѣстахъ раздѣлены земли по числу душъ уравнительно, а буде въ которой волости еще таковаго уравнительнаго раздѣла не сдѣлано, то *строжайше понудивъ къ тому волостныхъ начальниковъ*, имѣть неослабное попеченіе, чтобы такое уравненіе было сдѣлано непремѣнно въ самой скорости,— и что въ каждой волости откроется, т. е. раздѣлены-ли гдѣ земли или нѣтъ, донесли губернскому правленію и казенной палатѣ безъ замедленія«... »Независимо отъ всего выше изъясненнаго, предлагаетъ казенной палатѣ, не благоугодно-ли будетъ сколь возможно поспѣшнѣе *строжайше предписать* отъ себя всѣмъ волостнымъ правленіі-

намъ о непремѣнномъ уравненіи волостныхъ жителей землями по числу ревизскихъ душъ«.

Въ данномъ случаѣ радѣтели казеннаго интереса прикрывались еще идеей общественнаго блага опекуемыхъ ими казенныхъ крестьянъ; но эти-же казенные интересы вскорѣ потребовали того, чтобы земли б. войсковыхъ обывателей были признаны казенной, а не ихъ собственностью...

Подведемъ теперь итоги.

Рѣшаетъ-ли »Сборникъ« г. Гурова окончательно старозаимочный вопросъ? Во всей широтѣ его нѣтъ.

Вопросъ этотъ можетъ быть расчлененъ на три другіе: 1) происхожденіе старозаимочныхъ земель, 2) сущность и внутренняя организація землевладѣнія и земледѣлія въ старозаимочныхъ земляхъ и 3) судьба старозаимочныхъ земель въ харьковской губерніи до послѣдняго времени.

Матеріалы и статья г. Гурова даютъ намъ отвѣты на 1-й и 3-й вопросы, а 2-го вовсе не затрогиваютъ; впрочемъ и относительно перваго вопроса многое остается еще не выясненнымъ. Интересно было-бы знать, въ какомъ отношеніи была мелкая заимка простыхъ козаковъ къ крупной заимкѣ туземной старшины и пришлаго дворянства,—считалась ли эта послѣдняя дѣломъ законнымъ, или подвергалась какимъ нибудь ограниченіямъ; желательно было-бы знать, чѣмъ отличалась заимка слободскихъ козаковъ отъ заимки, имѣвшей мѣсто въ сосѣднихъ однодворческихъ селеніяхъ, а также другихъ мѣстахъ Россіи и т. д.

Что касается 3-го вопроса, то здѣсь желательно было-бы имѣть свѣдѣнія о количествѣ старозаимочныхъ дачъ въ концѣ прошлаго столѣтія (по коммисарскихъ вѣдомостямъ) и въ настоящее время и т. д.

Такимъ образомъ главнѣйшая и весьма цѣнная услуга »Сборника« г. Гурова заключается въ томъ, что онъ рядомъ документальныхъ свидѣтельствъ и серьезныхъ соображеній доказываетъ принадлежность старозаимочныхъ земель крестьянамъ на правѣ полной собственности и опровергаетъ принадлежность ихъ казнѣ. Въ этомъ отношеніи »Сборникъ« г. Гурова даетъ несравненно болѣе, чѣмъ монографія г. Шиманова, который обратилъ главное вниманіе на *судьбу* старозаимочныхъ земель и въ особенности на тѣ административные эксперименты, которымъ онѣ подвергались, а вопросъ объ организаціи землевладѣнія въ старозаимочныхъ дачахъ *оставилъ совершенно открытымъ*. Г. Шимановъ отождествляетъ старозаимочное землевладѣніе съ наслѣдственно участковымъ; но если и признать, что большая часть нынѣ существующихъ общинъ харьковской губерніи возникла путемъ административнаго воздѣйствія, то этимъ все-таки не рѣшается вопросъ *о первоначальной* формѣ земле-

владѣнія у слободскихъ козаковъ; положительныя доказательства г. Шиманова въ пользу существованія подворно-участковаго землевладѣнія въ XVII и XVIII в. не вполнѣ убѣдительны.

Такимъ образомъ старозаимочный вопросъ требуетъ еще новыхъ матеріаловъ и новыхъ изслѣдованій.

На этомъ мы и закончимъ разборъ интереснаго »Сборника« г. Гурова и отложимъ дальнѣйшія подробности для изслѣдованія о старозаимочномъ землевладѣніи, которое нами приготовлено къ предстоящему археологическому съѣзду въ Одессѣ.

Д. Багалѣй.

Александръ Барвѣнькій.—Исторія Руси. Часть V. Львовъ. 1884. 16°. 96 стр.

Львовское Общество »Просвѣта«, продолжая свою полезную издательскую дѣятельность серьезныхъ популярныхъ книгъ для народнаго чтенія, издало новую книжку »Исторіи Руси«. О предъидущихъ изданіяхъ этой серіи мы въ свое время дали отчетъ въ библіографическомъ отдѣлѣ »Кіевской Старины«. Новый выпускъ, составленный г. Александромъ Барвѣнскимъ, не только не уступаетъ прежнимъ по достоинствамъ содержанія и изложенія, но еще болѣе доказываетъ неоспоримый талантъ автора къ популяризаціи серьезнаго знанія въ средѣ своего народа.

Пятый выпускъ »Исторіи Руси« посвященъ исключительно очерку внутренняго быта западной Руси отъ времени династическаго соединенія Литвы съ Польшею (въ концѣ XIV столѣтія) до слія́нія обоихъ государствъ въ одно политическое тѣло, т. е. до люблинскаго сейма 1569 года. Несомнѣнно, что очеркъ такой труднѣе всего составить для публики мало привыкшей къ серьезному чтенію. Не смотря на живой интересъ фактовъ внутренняго быта, на ихъ рѣшительное значеніе для судьбы всякаго народа, уразумѣніе ихъ требуетъ нѣкоторой привычки къ отвлеченному мышленію, къ обобщеніямъ и историко-философскимъ выводамъ; авторъ рѣдко только можетъ илюстрировать всѣ положенія рѣдкими примѣрами и драмматическими эпизодами и потому лишенъ возможности пользоваться возбужденіемъ чувства и воображенія у своего читателя, т. е. лишенъ самаго цѣннаго орудія для всякой популяризаціи знанія. Не смотря на эти трудности, г. Барвѣнскій исполнилъ прекрасно свою задачу, благодаря своему методу: онъ строго логически обдумалъ сюжетъ, развилъ каждую его часть ясно, логично и просто, особенно-же умѣлъ устранить все второстепенное, не важное и сосредоточилъ вниманіе читателя исключительно на существенныхъ чертахъ изо-

браженной имъ картины; онъ не затемнилъ ни разу главныхъ чертъ исторической картины и передалъ ихъ на столько рельефно и наглядно, на сколько ясно и отчетливо понялъ ихъ самъ, извлекши положенія свои изъ весьма численной и разнообразной исторической литературы, которою пользовался при составленіи своей книги.

Общій планъ сочиненія г. Барвѣнскаго построенъ слѣдующимъ образомъ: онъ разсматриваетъ вначалѣ вліяніе польскаго государства на тѣ области Руси, которыя раньше были покорены Польшею, т. е. на Русь Галицкую, Белзскую, Холмскую и Подольскую, и затѣмъ переходитъ къ очерку внутренняго быта Руси литовской. Въ каждой изъ этихъ двухъ областей западной Руси онъ разсматриваетъ бытъ отдѣльныхъ сословій: рыцарскаго, городскаго и сельскаго и затѣмъ состояніе православной церкви. Онъ съ полнымъ безпристрастіемъ констатируетъ на всѣхъ пунктахъ стремленіе со стороны польскаго правительства и общества къ подавленію русской народности, то удаленіемъ русиновъ отъ пользованія гражданскими правами, то льготами, которыя расточались исключительно только для католиковъ, то просто мѣрами весьма рѣзкаго и ничѣмъ не вызваннаго насилія.

Въ рельефномъ очеркѣ г. Барвѣнскаго мы наглядно можемъ наблюдать патологическій фактъ государства, которое упускаетъ совершенно изъ виду существенныя цѣли и обязанности всякаго государственнаго организма: удовлетвореніе законнымъ стремленіямъ своихъ жителей къ возможному матеріальному и моральному благоденствію и къ лучшему и всестороннему развитію своихъ силъ и вмѣсто того поставляетъ своею цѣлью неосуществимую въ антропологическомъ и культурномъ отношеніяхъ задачу—передѣлать національное начало части своихъ гражданъ или по меньшей мѣрѣ сдѣлать ихъ вѣчно пассивными слугами другой половины обывателей того-же государства. Помимо нелѣпости и безнравственности такой задачи, весьма рельефно, хотя вполнѣ безстрастно и объективно, представленной г. Барвѣнскимъ, всякій читатель, знакомый съ общими историческими законами чувствуетъ, что многовѣковая историческая неправда неминуемо должна вызвать историческую Немезиду, которая покараетъ тотъ политическій организмъ, который вмѣсто цѣлей благосостоянія и прогресса преслѣдовалъ въ теченіи трехъ столѣтій лишь несбыточныя затѣи самодурства и фанатизма. Въ минуту предшествовавшую первому появленію этой исторической Немезиды, послѣднимъ актомъ польской политической нетерпимости, т. е. люблинскимъ сеймомъ 1569 года и его ближайшими результатами заканчивается 5-й выпускъ »Исторіи Руси«.—Не трудно отгадать, что слѣдующій выпускъ будетъ посвященъ козацкимъ возстаніямъ, и содержаніе этого мы

ждемъ не только вслѣдствіе хронологической послѣдовательности, но и потому, что авторъ въ 5-мъ выпускѣ возбудилъ въ насъ сильное желаніе увидѣть картину возстановленія права и правды, попиравшихся столь долго и настойчиво и взывавшихъ столь долго и напрасно о справедливости.

Искренно желаемъ продолженія полезнаго труда г. Барвѣнскаго и глубоко убѣждены, что подобный его сочиненію популярныя книги не только сообщаютъ своимъ читателямъ фактическія свѣдѣнія, но имѣютъ для нихъ серьезное нравственно-воспитательное культурное значеніе.

В. А.

Темнй мѣстця въ »Словѣ о Плъку Игоревѣ«. Пояснивъ Ом. Партыцкій. Часть перша. У Львовѣ. 1883 г.

Достаточно просмотрѣть »Критическій очеркъ литературы Слова о полку Игоревѣ«, г. Барсова, или »Литературу Слова« со времени открытія его до 1876 г.«, чтобы убѣдиться, на сколько сильно интересовало и до сихъ поръ интересуетъ русскихъ ученыхъ это замѣчательное произведеніе русской письменности до-татарской эпохи. Да и какъ не интересоваться имъ? Изъ того отдаленнаго времени дошло до насъ весьма мало литературныхъ памятниковъ. Мы имѣемъ лѣтописи, но онѣ искажены въ своемъ языкѣ позднѣйшими переписчиками; притомъ всякій, занимавшійся ихъ изученіемъ, согласится, что онѣ рисуютъ намъ одну внѣшнюю жизнь и что въ нихъ выражаются взгляды, стремленія, умственное богатство людей, которыхъ было немного на Руси въ то время, людей книжныхъ, большею частью монаховъ. Даже въ тѣхъ, иногда довольно большихъ отрывкахъ лѣтописей, которые видимо писаны рукою міряпина, излагаются факты внѣшней жизни: усобицы князей, ихъ счеты за столы, борьба съ сосѣдями и пр. Бытовыя извѣстія приходится собирать, какъ крупинки. Сохранившіеся въ весьма незначительномъ количествѣ юридическіе памятники не даютъ намъ также никакого матерьяла для характеристики современнаго имъ русскаго человѣка. Слова и поученія рисуютъ современное общество со стороны религіозной и нравственной, рѣдко общественно-бытовой. Въ »Словѣ о Полку Игоревѣ«, независимо красотъ поэзіи, рисуется жизнь тогдашняго общества, даются меткія характеристики современныхъ политическихъ дѣятелей, выступаютъ ясно временныя отношенія ихъ, выражаются взгляды на ходъ политическихъ событій того времени и политическіе идеалы княжескихъ дружинниковъ. Кромѣ указаннаго, въ авторѣ этого

художественнаго произведенія ясно сказывается человѣкъ по тогдашнему образованный: типъ дружинника съ его воззрѣніями на проходящую передъ нимъ жизнь, съ его вѣрованіями и предразсудками, съ его удалью и вѣрою, съ любовью къ родной землѣ и народной старинѣ, къ ея вѣрованьямъ и поэзіи.

»Слово о Полку Игоревѣ« имѣетъ обще-русскій интересъ, какъ единственный памятникъ поэзіи до-татарскаго періода; въ частности на немъ лежатъ слѣды южно-русской жизни. Этимъ памятникомъ одинако интересуются и историки, и изслѣдователи литературы, и лингвисты.

Но не смотря на общія усилія, въ этомъ памятникѣ остается еще много темныхъ, трудно объяснимыхъ мѣстъ. Являются постоянно новыя коньектуры. Трудъ, заглавіе котораго мы выставили, также посвященъ всецѣло разбору темныхъ мѣстъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Нѣкоторыя догадки автора весьма остроумны, но нельзя сказать, чтобы онѣ не были всегда натянутыми. Ограниченные размѣромъ краткой замѣтки, мы приведемъ только два мѣста, отличающіяся, по нашему разумѣнію, особой натяжкой. »Се бо Готскія красныя дѣвы, говоритъ Слово о Полку Игоревѣ, въспѣша на брезѣ синему морю; звоня Русскымъ златомъ, поютъ время Гусово«.... Готскія красныя дѣвы, говоритъ авторъ, что имѣютъ лебединыя крылья и тѣшатся »златомъ« непріятельской земли,—то извѣстныя въ миѳологіи германскихъ народовъ Валькиріи, также дѣвицы-воительницы (Schlachtjungfrauen), или дѣвицы-лебедки (Schwanenjungfrauen) и т. д. (28—29). Дива авторъ считаетъ нужнымъ искать также въ скандинавской миѳологіи (стр. 36). Авторъ не допускаетъ возможности, чтобы готы сохранили свою народность до XII в.; онъ даже сомнѣвается, осталась-ли хоть часть ихъ въ южной Руси послѣ общаго выселенія въ V в. подъ напоромъ гунновъ. Между тѣмъ готы сохранили свой языкъ и позже. Бузбекъ, посланный въ 1565 г. римскимъ императоромъ въ Константинополь, передалъ исторіи списки готскихъ словъ. Въ IX в. богослуженіе совершалось у готовъ на родномъ языкѣ, и только въ XVIII ст. оно стало совершаться на татарскомъ. Русскіе поселенцы въ Крыму разсказываютъ о кладбищѣ при селеніи Біа-Салы: »нѣтъ, это не греческое кладбище. Старики наши сказывали, что слыхали отъ грековъ, будто это готвейское кладбище; сказываютъ, готва какая то еще прежде грека тутъ находилась«. Такъ долго держалось воспоминаніе о готахъ на Крымскомъ полуостровѣ. Оставшаяся часть готовъ занимала также Таманскій полуостровъ, и. по остроумной догадкѣ г. Васильевскаго, имя города Тмуторакани имѣетъ связь съ названіемъ тетрокситовъ, какъ именовались здѣшніе готы. Все, что получали половцы путемъ грабежа въ Руси, выменивалось ими на пред-

меты роскоши въ черноморскихъ торговыхъ городахъ. Туда шло и русское награбленное золото, переходило въ руки торговцевъ, въ числѣ которыхъ были несомнѣнно и готы. И вотъ готскія дѣвы радуются русскому золоту, полученному ими отъ ихъ отцовъ и братьевъ. Чѣмъ больше была добыча, тѣмъ оживленнѣе торговля, тѣмъ больше прибыли черноморскимъ торговцамъ, тѣмъ больше радости готскимъ дѣвамъ. — Вотъ, по нашему мнѣнію, простой смыслъ этого мѣста Слова.

»Въ Словѣ о полку Игоревѣ«, говоритъ авторъ, »замѣтны три религіозныя стихіи: боги готовъ (Дѣвы, Готскія дѣвы, Стрибогъ, Бусъ) стоятъ на сторонѣ половцевъ; боги славянскіе (Дажбогъ, Хорсъ) выступаютъ больше нейтрально, пассивно...« и т. д. Почему именно готскіе боги стоятъ на сторонѣ половцевъ? Пѣвецъ Игоря хотѣлъ искуственнымъ образомъ увеличить поэтичность своего произведенія? Онъ уже не могъ помнить скандинавской миѳологіи, ибо никакихъ слѣдовъ скандинавизма не осталось на Руси въ XII в., какъ исчезъ онъ уже и въ X ст. Достаточно толковали о норманскомъ происхожденіи Велеса, Перуна, и пора-бы перестать отнимать природныхъ боговъ у славянъ.

Но г. Партыцкій идетъ еще далѣе. Онъ видитъ норманновъ—бояръ даже въ XII в. Князь Святославъ Всеволодовичъ разсказываетъ свой извѣстный сонъ боярамъ. Г. Партыцкій, объясняя это мѣсто »Слова«, говоритъ слѣдующее: »Князь говоритъ и думаетъ по русски, у него »моутенъ« значитъ нелѣпый; а бояре въ этомъ »моутенъ« слышатъ скандинавское выраженіе: »muot-енъ—отъ muot-a—походячій, Божій. Въ сѣверной миѳологіи Muot означало тоже, что Воданъ (61). Князь говоритъ: »въ Кыевѣ«, а боярамъ чудится въ Skialf'ѣ, т. е. Wala-skialf'ѣ, палатѣ Водана«. Словомъ выходитъ, будто кіевскіе и черниговскіе бояре XII в. плохо понимали русскій языкъ и были пропитаны скандинавскими вѣрованіями и преданіями. Съ такими объясненіями никто, конечно, не согласится.

Впрочемъ нѣкоторыя толкованія автора, на нашъ взглядъ, кажутся очень интересными. Напр. слово »папорзи« г. Партыцкій объясняетъ словомъ »папоротникъ«, какъ талисманъ противъ непріятельскихъ ударовъ (13—15). »Длъго ночь мркнетъ; заря свѣтъ запала; мъгла поля покрыла«. »Запала«, по автору, есть аористъ отъ глагола »запалати«, а »заря« есть родительный падежъ единственнаго числа. Все это мѣсто передается такъ: долго ночь меркнетъ: свѣтъ зари заблисталъ, мгла степи покрыла. Нельзя не согласиться съ г. Партыцкимъ, что пѣвецъ мастерски выясняетъ понятіе »меркнетъ« двумя послѣдующими предложеніями. Прекрасно, по нашему мнѣнію, у г. Партыцкаго и объясненіе другого мѣста въ Словѣ: »прысноу море полоунощи: идоуть съморчи мьглами«. Авторъ соединяетъ его

съ молитвой Ярославны къ вѣтру, Днѣпру и Солнцу. Такая же образность выраженія есть у Шевченка въ его »Гамаліи«. Днѣпръ неустрашимо пронесъ слезы Ярославны къ морю. Море, замѣтивши слезы княгини, сейчасъ зашевелилось; изъ него поднялись безчисленные туманы, которыхъ оно посылаетъ въ помощь Игорю. Вѣтеръ понесъ ихъ на поля половецкія и покрылъ ими землю. Солнце уже не свѣтитъ такъ ярко: его лучи скрываются за туманами.

Въ концѣ своего труда г. Партыцкій проводитъ мысль, что пѣвецъ былъ родомъ галичанинъ, перешедшій въ число бояръ князя Новгорода-Сѣверскаго вмѣстѣ съ женой послѣдняго, дочерью галицкаго князя Ярослава. Мы не можемъ сказать, какъ сильны филологическія доказательства автора, но историческія не имѣютъ никакого значенія. Если пѣвецъ знаетъ Плѣсенскъ и Исканскую дуброву, находящіяся, по словамъ автора, въ Галиціи, то онъ также хорошо знакомъ и съ другими мѣстностями земли русской. Попытки, сдѣланныя г. Партыцкимъ (хотя мы и не можемъ согласиться съ многими изъ нихъ) для разъясненія темныхъ мѣстъ этого замѣчательнаго памятника литературы древней Руси во всякомъ случаѣ весьма интересны и явились плодомъ долгаго обдумыванія и тщательной работы. Трудъ г. Партыцкаго стоитъ того, чтобы на него было обращено вниманіе нашихъ филологовъ и историковъ.

По общности предмета не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу статьи г. Гонсіоровскаго, напечатанной въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народ. Просвѣщенія за нынѣшній годъ, подъ заглавіемъ: *Замѣтки о Словѣ о полку Игоревѣ*. Главный интересъ этой статьи въ попыткѣ разрѣшить вопросъ о языкѣ этого памятника. По мнѣнію г. Гонсіоровскаго, языкъ Слова о полку Игоревѣ представляетъ смѣсь древняго великорусскаго съ языкомъ вятиче-польскимъ. Чтобы дойти до этого положенія, авторъ долженъ былъ представить много изысканій и соображеній относительно развѣтвленія древне-русскаго языка и выдѣленія изъ него нарѣчій великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго, при чемъ первое изъ нихъ онъ считаетъ прямымъ потомкомъ того языка, а въ вятичахъ и радимичахъ видитъ слѣды польскаго типа и происхожденія. Изъ всѣхъ общихъ и частныхъ соображеній г. Гонсіоровскаго основательнымъ и правдоподобнымъ можно считать лишь то, что образованія малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій нельзя объяснять позднѣйшимъ вліяніемъ на языкъ южно-русскихъ славянъ языка польскаго и что начало образованія этихъ нарѣчій надо искать въ эпохѣ до-татарской. Затѣмъ польское происхожденіе вятичей и радимичей есть не болѣе, какъ лѣтописная легенда, и фактъ переселенія этихъ племенъ изъ Польши къ берегамъ Днѣпра ничѣмъ не можетъ быть подтвержденъ;

съ другой стороны, считать великорусскій языкъ *прямымъ* потомкомъ древне-русскаго значило бы противорѣчить всей исторіи колонизаціи сѣверо-восточной Руси славянскими племенами, претворенія ими аборигеновъ финскаго племени и образованія изъ этой смѣси особаго типа населенія и его языка. Поэтому и самая попытка г. Гонсіоровскаго разрѣшить вопросъ о языкѣ Слова о полку Игоревѣ, какъ построенная на столь шаткихъ и невѣрныхъ основаніяхъ, не выдерживаетъ критики и лишена серьезнаго научнаго значенія.

П. Голубовскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

РАЗСКАЗЫ СТАРЫХЪ ЛЮДЕЙ О СТАРЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ.

Въ теченіи долгой моей службы, нѣсколько лѣтъ, именно въ 50-хъ годахъ, пришлось мнѣ прожить въ мѣстечкѣ Бѣлой-Церкви кіевской губерніи.

Не смотря на свое скромное названіе и положеніе, Бѣлая-Церковь имѣетъ свою исторію, при томъ очень древнюю. Существуетъ мнѣніе, хотя и мало доказанное, что на этомъ мѣстѣ былъ древній Юрьевъ на Руси и каѳедра поросскихъ или юрьевскихъ епископовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи пр. Нестора. Какъ населенное мѣсто, освобожденное въ концѣ XIV в., при великомъ князѣ литовскомъ Олгердѣ отъ власти татаръ, Бѣлая-Церковь упоминается въ хроникѣ Стрыйковскаго. Болѣе опредѣленная ея исторія начинается съ половины XVI в., со времени постройки здѣсь замка воеводою кіевскимъ, княземъ Семеномъ Глѣбовичемъ Проискимъ. Съ этихъ поръ Бѣлая-Церковь, съ именемъ города, играетъ видную роль въ исторіи Польши и козачества, какъ важный стратегическій укрѣпленный пунктъ и какъ административный пунктъ одного изъ богатѣйшихъ староствъ, или такихъ имѣній, доходы съ которыхъ, по усмотрѣнію польскихъ королей, давались знатнѣйшимъ сановникамъ въ государствѣ—русскимъ и польскимъ. Бѣлоцерковскіе мѣщане владѣли обширными земельными пространствами и угодьями, пользовались магдебургскимъ правомъ, т. е. имѣли

свой собственный судъ и управленіе. Какъ укрѣпленный замокъ съ гарнизономъ, Бѣлая-Церковь составляла предметъ постоянныхъ споровъ и захватовъ со стороны польскаго правительства и козаковъ и переходила изъ рукъ въ руки, въ особенности при Хмельницкомъ и Палію, пока прутскимъ договоромъ не былъ положенъ конецъ правобережному козачеству и сегобочная Украйна не стала достояніемъ Польши до возвращенія ея снова къ Россіи въ 1794 г. Когда вскорѣ послѣ перваго раздѣла Польши, именно въ 1774 г. Станиславъ Понятовскій раздаривалъ польскимъ магнатамъ предоставленныя сеймомъ въ личную его собственность украинскія староства, Бѣлая-Церковь съ ея обширнѣйшимъ округомъ, при населеніи свыше 100,000 душъ, досталась участнику дебошей короля, толерантному во времена расправы съ гайдамаками регименгарю польскихъ войскъ, нынѣ коронному гетману, Ксаверію Браницкому, а Екатерина, чтобы еще болѣе склонить этого послѣдняго на сторону Россіи, женила его на одной изъ пяти племянницъ князя Потемкина, Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, по смерти дяди своего увеличившей бѣлоцерковское староство полученными по наслѣдству обширными имѣніями въ черкасскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ. Польскіе магнаты, вторя какъ-бы объявленному Екатериною въ 1783 г. закрѣпощенію лѣвобережной Украйны, закрѣпостили въ правобережной Украйнѣ всѣхъ вольныхъ людей, отбросивъ въ сторону грамоты королей и великихъ князей литовскихъ раньше, чѣмъ наступило окончательное распаденіе Польши и Украйна возвращена Россіи. Такъ и Бѣлая-Церковь пришла подъ скипетръ россійскій не свободною, а рабскою и новый скипетръ только закрѣпилъ и усилилъ ея рабство. Съ тѣхъ поръ Бѣлая-Церковь стала извѣстна какъ резиденція богатѣйшихъ польскихъ пановъ въ Россіи, владѣвшихъ болѣе нежели 300,000 душъ и не рѣдко осчастливливаемыхъ высочайшими посѣщеніями. Устроенный здѣсь Браницкими, съ громадными затратами, великолѣпный садъ, подъ именемъ Александріи, придалъ Бѣлой-Церкви новую извѣстность въ глазахъ туристовъ.

Въ такомъ видѣ нашелъ я Бѣлую-Церковь въ 50-хъ годахъ, и странное, гнетущее впечатлѣніе производила она на меня во все время пребыванія моего въ ней. Проѣзжему человѣку эта древняя козачья твердыня не могла показаться чѣмъ либо другимъ,

какъ польско-жидовскимъ мѣстечкомъ. Памятниковъ, слѣдовъ прежней русской жизни не осталось никакихъ. Гдѣ была, по преданію, первая русская церковь, тамъ красовался теперь костелъ; на мѣстѣ другой православной церкви красовался панскій палацъ; отъ замка, много разъ перестраивавшагося, едва виднѣлись остатки валовъ и рвовъ. Графини А. В. Браницкой, оставившей послѣ себя двѣ каменныя церкви вмѣсто семи прежнихъ деревянныхъ, не было уже въ живыхъ; вся экономическая интеллигенція состояла исключительно изъ поляковъ, подъ различными наименованіями: главноуправляющаго, просто управляющаго, маршалковъ и инспекторовъ: двора, сада, мельницъ, псовъ и пр. и пр., а также массы писарей и подписарей; польская рѣчь слышалась въ палацѣ и костелѣ, садахъ и павильонахъ, въ экономическихъ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ, въ лавкахъ, заѣздахъ, на базарныхъ площадяхъ и улицахъ. Картину довершали съ одной стороны несмѣтныя богатства, роскошь, великолѣпіе, наслажденіе безъ мѣры, покой и праздность безъ конца, а съ другой покосившіяся хатки, загорѣлыя лица и руки и вѣчный нескончаемый трудъ. Общее населеніе Бѣлой-Церкви простиралось тогда до 20,000; изъ нихъ половина жидовъ, горсть поляковъ, остальное православное крестьянство.

Но въ средѣ закабаленнаго люда были старики, помнившіе времена златой вольности, едва начинавшейся панщины, большаго простора и довольства. Вызывать ихъ на воспоминанія не представлялись надобности; при моихъ частыхъ съ ними сношеніяхъ они сами вызывались на разсказы о своей прежней долѣ и многомъ другомъ. Я слушалъ ихъ съ вниманіемъ, любопытствомъ и невольнымъ участіемъ, а придя домой, иногдажъ и на мѣстѣ записывалъ ихъ разсказы слово въ слово. Тому минуло 30 лѣтъ; разсказчики давно въ могилѣ, отъ ихъ словъ вѣетъ замогильной давностью. Тутъ своя исторія, не связная, не полная, не точная, но въ короткихъ простыхъ словахъ слышится иногда больше присутствія угасшей жизни, чѣмъ въ десяткахъ страницъ положительной исторіи.

Подаю эти разсказы въ печать, раздѣливъ ихъ по именамъ повѣствователей, отчасти самому содержанію. Начну съ разсказа Бучинскаго, которому въ 1854 г. было уже 70 лѣтъ. Онъ служилъ въ русской арміи при Александрѣ Благословенномъ и Нико-

лаѣ I и дослужился чина прапорщика, а выйдя въ отставку, возвратился на родину и доживалъ свой вѣкъ на отцовскомъ пепелищѣ. У него хранился реестръ правъ и привилегій, данныхъ мѣщанамъ Бѣлой-Церкви польскими королями; у него-же была какая-то тетрадка съ записью объ основаніи Бѣлой-Церкви и замка. Тетрадку эту, по его словамъ, онъ получилъ отъ стараго польскаго жолнѣра, который, не имѣя нигдѣ пристанища, жилъ въ развалинахъ Паліевой церкви и питался подаяніемъ. Изъ этой-то тетрадки и почерпнуты имъ переданныя мнѣ свѣдѣнія.

---

1) Разсказъ прапорщика Бучинскаго.

Основаніе Бѣлой Церкви. Прибѣгъ воинъ, изъ *бояръ*, и сталъ на скалѣ, гдѣ теперь костелъ, а мѣсто вокругъ было пусто, не заселено. Со скалы увидалъ онъ дымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Шкаровка, а тамъ въ яру жила вдова *Била*, жена Матвія Бѣлаго, атамана разбойничьяго; она держала сотъ до семи разбойниковъ, б. товарищей своего мужа и хранила у себя ихъ добычу. Воинъ съ своей дружиной своевалъ бабу *Билу*, захватилъ въ полонъ всю ватагу и все добро ея и заставилъ плѣнныхъ разбойниковъ строить крѣпость, а на счетъ добытой казны соорудить здѣсь церковь, которую назвали *церковью билою, Бѣлою Церквою.*

Основаніе бѣлоцерковскаго замка. Когда начинали строить бѣлоцерковскій замокъ, изъ ольхъ, росшихъ на берегу р. Роси, выбѣжала, неизвѣстно чья, лошадь; лошадь поймали и живую закопали на сѣверо-западномъ углу крѣпости. На сѣверо-восточномъ углу закопали живаго пѣтуха. На юго-восточномъ углу закопали живою дѣвку; она несла воду ведрами, ее схватили и закопали. На юго-западномъ углу закопали какое-то животное—кошку или собаку. Ровъ крѣпостной шелъ отъ р. Роси, начинаясь между усадьбою доктора Познанскаго и Барановой, огибалъ графскія конюшни и церковную площадь и спускался къ рѣкѣ Роси за мясными лавками. По рву стоялъ палисадъ изъ огромнаго дубоваго частокола. Изъ палисада вели двое воротъ, одни были къ востоку отъ Паліевой-Церкви, гдѣ смолу продаютъ на поворотѣ дороги, у горба, на которомъ стояла Андреевская церковь, а другими воротами, стоявшими близъ двора Осмоловскаго, выѣзжали на бердичевскую улицу.

На берегу, у нынѣшней мельницы была хатка, въ которой помѣщалась стража для надзора за проѣзжающими. Лавки дряннын находились на мѣстѣ нынѣшней становой квартиры. Въ самую крѣпость или замокъ въѣзжали подземными воротами, устроенными въ валу, на дворѣ нынѣшняго мельника—нѣмца, а подлѣ нихъ была маленькая церковь. Къ берегу рѣки изъ замка былъ подземный ходъ, а въ замокъ изъ города вела крутая лѣстница, которая сначала шла прямо, а потомъ поворачивала на право. На сѣверо-западномъ углу крѣпости стояла большая пушка, которая упала въ воду и тамъ осталась; ее было видятъ мальчики, ныряя въ воду при купаньѣ. Изъ замка чрезъ рѣку шла каменная плотина, которая въ засуху выступала наружу.

---

2) Разсказъ Андрея Мосципана.

Була колись *Коліивщина*, десь воно взялось зъ Чигиринщины; въ Жаботинѣ, въ манастыри якійсь то прійшовъ ажъ зъ Запорожья, а другій зъ Басарабіи. Були вони и коло Билои-Церкви, тутъ ихъ розигнали. Вони стали якъ разъ, де теперъ коминотрусы, на горбочку; але якъ выпалили зъ пушки зъ замку, то такъ и убили самого старшого межъ ними предводителя, що бувъ таки зъ Билои-Церкви. Тоди вони утикать, геть туды къ Сквири потянулись, а въ руди покинули цилу бочку серебра на побережини, у Троцька, де и теперь Троцьки сидять. Такъ росказуе було батько, а ёму въ очаковську зиму було 18 литъ. Дидъ звався Сербинъ Иванъ, а батько Мусій Масципанъ.

Я ще памятаю, якъ Суворовъ сей край забиравъ. Прійшли москали—цилый полкъ, та и стали на выгони. Тутъ де Навроцькій сидитъ, була полкова церква. Насъ послали на ничъ за сиюмъ; вернулись зъ сиюмъ, ажъ нема ни москаливъ, ни церкви. Ажъ на другій день якъ показалась уже вся сила на Шкаровски гори, та стали зъ пушокъ стрилять холостыми, то за тимъ ввишли въ мисто, та польске тутешне виско и роспустили—такъ козаки (надворни) и розійшлись по домамъ господаровать. Отже Степура, Шитковскій и Навроцкій, батьки нынишнихъ, служили въ тимъ виську.

Старый Браницкій заихавъ до Билои-Церкви въ саму очаківську зиму. Поля тоди були не миряни; уже въ три годы по

смерти Браницького помиряли—за комисара Липомана; отъ ще за Бурковського не миряни були: де хто хотивъ, тамъ и оравъ.

Церковь стару (каменну), кажуть, збудувавъ Семенъ Палій; винъ бувъ лыцарь, алежъ чиномъ меньшій одъ Мазепы; Мазепа зиславъ ёго кудысь.

Въ очаковську зиму (1788 г.) на Ивана Купала обвалилась гора, що одъ Шкаровки (сосѣдняго села). Тоди саме й я родився. Троицькои церкви попъ, отець Петро не схотивъ хрестить мене дома; сказавъ—пидемо съ процессіею на криницю, що явилась на гори, то тамъ и охрещу ёго; тамъ мене и хрестили коло криницы. Обвалилась гора такъ: хлопци пасли скотъ на Шкаровській гори, бо тамъ бувъ чагаръ. Отъ прыйшовъ до ихъ якійсь старичокъ, тай каже: хлопци, втикайте! Тильки що одійшли, а вона и обвалилась, а тамъ въ провальи проявилась криница. Вода ій була така помична, тяжко помична, якъ хто на очи слабіе; але-жъ прокляти нечысти (черти) и вбрались туды купатьця, тай спаскудили воду.

---

3) Разсказъ Авксентія Голяка.

О татарскихъ набѣгахъ. Худе время було колись; гирко було народови. Було, кажуть, стережись въ господи, стережись и на поли. Татаринъ було наниже на дрючокъ народу, сырицею позавязуе, та и жене. Отъ за магазиномъ [1]), въ Александріи [2]) есть могила Стрижовка (сторожевая); на тій могили було чоловикъ стоить зъ вихою, та и выгляда татаръ. То отъ куды виха похилилась, туды и народъ втикае. Або ось влизе було чоловикъ въ купину по шыю, голову накладе грязью, та и выгляда звидтиль на татаръ. На колинцяхъ було и дитей годують. А добро де хто мае, то було ховають то въ лиси, то въ яру, що и теперь зовеця »Добролеживкою«. Закопае було добро въ ямы, та хащемъ прикидае, та и втика въ лись, а въ ту пору коло Таращи [3]) лиса були таки не проходыми. А колись, росказували то ще стари люди, що чули отъ батькивъ, 40 литъ пусто було въ Билій-Церкви, народъ порозбигався. Ще про

---

[1]) Хлѣбный складъ гр. Браницкихъ.

[2]) Садъ гр. Браницкихъ.

[3]) Уѣздный городъ кіевской губерніи въ 40 верстахъ отъ Бѣлой-Церкви.

дида сихъ Ярмолинъ було росказують. Прыйшлы два татарины, та и застали ёго, що топивъ пичъ. Отъ же одинъ каже: побижу ще до другои хаты, та и побигъ, а ты, каже, бери цёго. Ось заразъ, каже Ярмола татаринови,—загорну тилки пичъ; та нибы загортать, сунувся до печи, та якъ ухвативъ зъ печи горшокъ зъ окропомъ, та въ татарина, татаринъ такъ и впавъ, якъ порося опарене, ажъ очи ёму вылизли. Тоди Ярема ухативъ татарина, озволикъ ёго зъ синей въ комору, въ засикъ и вкинувъ, тай давай утикать. Прибигъ зъ другои хаты татарюга, ажъ нема татарина, нема и Ярмолы. То уже не швыдко до господы довидався, ажъ той татаринъ засмердився, що и до коморы не навернутыця, ледви выкидали зъ коморы те татарьске падло.

4) Разсказъ Романа Валентого.

О гайдамакахъ. Було колись розбійство—гайдамащина така, нибъ то зъ Чигиринщины вона взялась. Прыйшли гайдамаки пидъ Билу Церкву, та и стали тутъ за броваромъ, за цегельнею, коло могилы. Тамъ бувъ пидварокъ (фольваркъ),—вони ёго спалили. Та отъ спаливши пидварокъ, взяли човенъ, насыпали сребромъ, та и закопали тамъ коло могилы. Отъ же и доси никто не потрапить, де те сребро лежить; це вже шукали де яки, та не найдуть. Найстаршій межъ гайдамаками бувъ Швачка, чибъ то ни—Бондаренко, отакъ здаеця. Та кажуть, що бувъ межъ гайдамаками якійсь и генералъ, тилькы убрався чумакомъ. Вони тилькы постояли за мистомъ, ихъ одигнали. Звидтиль пишли вони въ Фастовъ, та тамъ ихъ и заарештовали. Людямъ вони нычого не робили, тилько ризали панивъ, та жидивъ, та грабили. Ось росказують було саливонци: [1]) йхавъ разъ ляшокъ зъ Кіева, по мужицькы убраный; зострили ёго гайдамаки и стали роспытувать, чи не ляхъ. Довго говоривъ, не пизнають, таки не пизнають; зусимъ уже бувъ выкрутився, тилькы сказавъ якось: »допиро« (теперь), по цёму одному слову гайдамаки и пизнали, що ляхъ, заразъ и вбили ёго на тимъ мисти.

О возвращеніи Украины отъ Польши къ Россіи. Суворовъ прыйшовъ пидъ Билу Церкву въ саму Петривку. Москали такъ

[1]) Саливонки—предмѣстье Бѣлой-Церкви.

скрытно пидійшли Добролеживкою; ничого не було, а то заразъ на Заричьи стало війска, такъ якъ хмары. А самъ Суворовъ выйшовъ зъ козаками. Пидійшли до замку, до брамы; отступи, кричить польске війско, та и штыки попаставляли. »Штыки кидай«, закричавъ Суворовъ; тоди наше війско покидало все, та и пропустили Суворова съ козаками. А не було въ Билій Церкви польского війска бильшъ якъ одинъ шкадронъ, бо була змина. Тоди якъ стали москали пидходить, та бьють въ таки велики барабаны, та музыки граютъ; оттаке, що весь свитъ гуде, такъ весь выгонъ и заняли. Суворовъ чоловикъ соби не величкій бувъ, сухенькій, та жвавый; було ходить до Успенія въ церковь на службу, та и самъ на крыласи спивавъ, якъ росказуе було покійный Владиміръ, що дякувавъ. Владиміръ хотивъ и попомъ буть, та спизнывся, уже не можна було. А першъ, за уніи то и зъ мужыкивъ були попы, дасть 100 рублей, та и пипъ.

О Бѣлой-Церкви. Людей въ Билій Церкви було дуже мало, якъ зазнаю. И не знаю, на щожъ було 7 церковъ на таке мале мисто; мабуть давнише ще було бильшъ народу въ Билій Церкви. Тильки и мисця було, що коло старои церкви мурованои. А де Жулчинскій сидить, була церковь Петра и Павла, а де смолу теперъ продають жиды, тамъ була сама столична брама, въ неи було и грапъ (Браницкій) їде. А за брамою була церква съ трёма верхами, здаецця, звана Андрея Первозваннаго. Де крамныци теперь, то тамъ мы волы пасли. Бувъ ще старый будинокъ тамъ, де теперь скарбець, а цей уже за графини (А. В. Браницкой) построили; кухни то ще за Мнишка, стародавни.

По Суворови було ще симъ пятакивъ подушного, а изъ трёхъ хатъ одинъ ходивъ на панщину па шисть днивъ, та ще и 6 гривень даютъ ему на смолу, по гривни за день, а пишому за два дни плата—золотый.—Потимъ зайхавъ до насъ грапъ, їхавъ отъ зъ Гребинокъ; старый уже бувъ чоловикъ, а вона молоденька. Та ще и за грапа не робили панщины. Першъ грапъ завивъ контрагенты заводами, та ставками. Потимъ якъ стали принужать людей до роботы, тоди найшлись три чоловики: Бучинській, Самко и Августиновичъ; пойхали вони до Варшавы, та тамъ сидили пивтора роки, а звидсиль громадою все гроши имъ высылали, щобъ старались. Отъ и выходили вони тамъ право такс, що мы вольни.

Колижъ якъ дочувся графъ, запригъ кони, та за ными. Колижъ розминувся, а винъ бы ихъ тамъ и на смерть позабивавъ. Поки винъ ихъ шукавъ по сторонахъ, а вони въ Житомири те право и облятували (занесли въ книги апелляціоннаго суда). Тоди вернувся графъ, зъихали и судови, приказують: давайте права, а вони бояця подавать. Та вже Бучиньскій на вколишкахъ лизъ, та на шапци подавъ [1]). Тоди графъ, ничого робить, сказавъ: »Нехай уже тилки селяне роблять панщину«, и давъ таку бумагу, що написавъ золотыми литерами: »Оддаю мисце подобровольне«. Отже якъ потимъ взяли молодого Бучиньского въ рекруты, баба—жинка старого Бучиньского—за папиры, та до Кіева, думала, що по тымъ папирамъ вызволять сына. Де тамъ? Бумагу ту, що золотыми литерами, взявъ губернаторъ, та и заславъ до графа: тамъ вона и счезла. Баба и сына не вызволила и право запропастила. А то те само право, ще и теперь есть у Бучиньского прапорщика.

Ще до Липпомана (управляющаго) не робили панщины въ Билій Церкви. Хоть робили було що, то ото въ субботу по реестрамъ и выплачують всимъ. А то уже стало за Липпомана: робили мы тыждень, не ма платы,—другій, третій, четвертый и пятый, не ма платы. Въ недилю по пятимъ тыжни приходимо до комисара, писарь каже: »заждить, пишовъ панъ до косціола«. Коли ось прыйшовъ зъ косціола; тоди писарь закликавъ насъ въ хату, та и каже: »ото добри люди, на паньскій земли вы сидите, робить же панщину, а платы бильшъ уже не мае«. Тоди взявъ, та и порвавъ передъ нами ти реестры, що пять недиль робили на плату. Отоди вже началась панщина.

Алекса́ндріи ще не було, якъ графъ зайхавъ. Мали садъ заводить за старымъ блихомъ и ямы уже покопали; ото тилки липа одна въ дворку за чугуннымъ заводомъ осталась съ того саду.

[1]) Отецъ упомянутаго прапорщика Бучинскаго, исклопотавшій въ Варшавѣ урядовую выпись правъ и привиллегій, бѣлоцерковскихъ мѣщанъ. Опираясь на эти привиллегіи, онъ съ двумя другими уполномоченными добивался свободы отъ барщины, подобно жителямъ Черкасъ, Таращи и Звенигородки; но трудно было имъ отстоять это право, хотя Бѣлая-Церковь была дана Браницкому не на крѣпостномъ, а на старостинскомъ правѣ—*salvis juribus*, которыми пользовались мѣщане.

Бувъ у насъ колись то давно, кажуть, священникъ чи протопопъ Ковтунъ, Ковтуновскій: то то, де Александрія, бувъ его хуторъ колись.

Унія и благочестіе. Якъ графъ зайхавъ, то була ще унія. Графиня блогочестива була, и не ходила въ Успенську церкву до уніата. Скоро потимъ настало благочестіе, Успенська церква на самый передъ стала благочестивою.

Памятаю, якъ прыихали до насъ базиляне, чоловикъ шисть, а въ Успеньскій церкви зробили три престолы, такъ якъ въ косціоли; то кожный день було три службы мають и казань кажуть— народъ научають и держять въ церкви до двападцятого часу. Ото, зайхавши, базиляне взяли бумагу таку, якъ рядно, та й пишли съ процессіею по мисту, та й приказують: »посылайте дитей до церкви учиться!« То оце було сходимось вечеромъ до церкви, то три учать дитей вири, а три учать спивать писни. Якъ скоро котора дитина выучить, то було дають образки тому чи Варвары, чи Спасителя. То оце приходить до дому, та и хвалиться: »ось мыни стилки и стилки образкивъ дали«. Окроме учили хлопчикивъ, окроме дивчатокъ. Оце було пытаеця: »хлопци, скилько у васъ богивъ?« то хто скаже *одинъ*, а хто *три*, та зновъ за Тройцю пытае, та научае. Ото такъ чотыри недили учили насъ и службу отправовали. Ти сами писни и теперь знаю; я бувъ хлопець спрытный, було и образкивъ съ пять принесу отъ базилянъ. Народъ зъ силъ до церкви зганяли, та говорили, та приказували: »кайтесь люди, бо земля трясеця одъ вашихъ грихивъ«! Богу молиться учили насъ поповичи и дяки. Було дякъ не дасть квитка передъ сповидью, поки Богу не помолишься.

Петро Вошкунъ бувъ старый священникъ у Покровы. Высвятившись десь, не приставъ на унію; отъ же не правивъ, на бурку сидивъ у Покровы, ажъ поки зновъ не настало благочестіе. Було говорить: слава Тоби, Господи! що я виры своеи, якъ други, не поломавъ и дождавъ сёго часу, що зновъ благочестіе настало. Але жъ недовго и правивъ потимъ, скоро вмеръ, бо дуже старый бувъ. И попадя его старенька, низького росту, була. Вона було говорить до насъ: »жиночки, голубоньки мои, ходить до мене, выкачайте мою памитоньку! такъ мыни Богъ прививъ, а я колись

шостирикомъ їздила. То мы було и покои повымазуемо и намитку выкачаемъ. А намитка у неи була гарна, заднипрянська, била, та тонка и очипокъ золотый; бо тоди вси попади въ намиткахъ ходили и Духнѣвичка въ намитци ходила. Сообщ. П. Л—въ.

ДВИЖЕНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Жизнь творитъ исторію, каждый прошедшій ея моментъ—достояніе исторіи. Выдающіеся моменты недавней жизни не мѣшаетъ отмѣчать изданію историческому; въ массѣ текущихъ газетныхъ извѣстій они быстро забываются и не скоро потомъ извлекаются изъ пыли архивной.

Эти нѣсколько словъ мы сочли нужнымъ предпослать сообщаемой замѣткѣ въ предъупрежденіе недоумѣнія читателя, привыкшаго видѣть на страницахъ историческаго журнала »дѣла давно минувшихъ дней, преданія старины глубокой«.

Въ послѣднее время вниманіе печати и общества привлекло къ себѣ школьное дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ, благодаря обнаруженнымъ тамъ политическимъ тенденціямъ польской партіи. Раскрыто до очевидности, что оно не отвѣчаетъ нашему политическому положенію и задачамъ, равно какъ и потребностямъ населенія: обнаруженъ застой, скудное приращеніе въ числѣ училищъ, уменьшеніе числа учащихся и другіе недостатки. Личные счеты корреспондентовъ, писавшихъ объ этомъ дѣлѣ, съ мѣстною учебною администраціею долгое время держали положеніе этого дѣла въ запутанномъ видѣ, пока даровитый и опытный корреспондентъ »Нов. Времени« г. Молчановъ не снялъ не заслуженныхъ упрековъ съ представителя тамошней учебной власти и не выставилъ съ полною рельефностію, что предъ нашею школою въ сѣверо-западномъ краѣ стоитъ во всеоружіи недоступныхъ намъ средствъ грозная сила противной партіи, съ которою мы тщетно боремся цѣлые вѣка, благодаря нашему-же непостоянству.

Но когда такая случайная и скорбная извѣстность выпала на долю школьнаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, школа юго-западнаго края остается въ неизвѣстности и лишь изрѣдка обращаетъ на себя вниманіе мѣстной только печати и мѣстнаго общества. Въ

этомъ отношеніи мы остановились на прежде сложившемся мнѣніи, что и тутъ дѣло затормозилось, застыло и не имѣетъ движенія, соотвѣтственно пространству и населенію края. Но оно не застыло, оно движется,—вотъ что мы хотимъ сказать и подтвердить настоящею замѣткою.

Предъ нами офиціальная вѣдомость объ открытіи народныхъ училищъ за послѣдніе три года въ юго-западномъ краѣ, т. е. губерніяхъ кіевской, подольской и волынской. По этой вѣдомости вновь открытыхъ за это время училищъ значится 125. По губерніямъ это число распредѣляется не равно: на долю кіевской приходится лишь 24, волынской 31 и подольской 70. Общая сумма по содержанію этихъ училищъ составляетъ 72,751 р. 75 к., или 582 р. на каждое изъ нихъ. Самую большую часть этой суммы, именно 45,059 р. 75 к. даютъ крестьянскія общества, 27,322 р. отпускается изъ казны, 150 р. идетъ изъ фундушевыхъ записей и 250 р. отъ частныхъ лицъ. Жалованье учителя колеблется между 300 и 400 руб., въ рѣдкихъ случаяхъ опускаясь ниже 300; жалованье законоучителя между 50 и 150 р., средняя-жъ норма его 100 р. Если принять въ разсчетъ, что ученіе въ сельской школѣ идетъ 4—5 мѣсяцевъ, а уроковъ Закона Божія бываетъ обыкновенно въ недѣлю два и не свыше 8 въ мѣсяцъ, то плата за каждый такой урокъ можетъ простираться отъ полутора до трехъ и нѣсколько болѣе рублей. Такимъ образомъ и содержаніе учителей можно считать обезпеченнымъ и вознагражденіе законоучителей достаточнымъ даже и для большаго числа уроковъ, гдѣ таковое могло бы случиться.

Но не объ устройствѣ и положеніи школъ наша главная рѣчь; мы хотимъ сказать, что дѣло школьное въ юго-западномъ краѣ движется и число новыхъ школъ увеличивается съ значительнымъ успѣхомъ. Кому цифра 125 для трехъ губерній съ свыше 5-ти милліоннымъ населеніемъ, покажется недостаточною, тому мы вспомнимъ, что тѣже препятствія, которыя служатъ главнымъ тормазомъ школьнаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, имѣютъ отчасти мѣсто и здѣсь, и что сверхъ того здѣсь сохраняютъ всю свою силу другія причины, которыя не имѣютъ мѣста тамъ. Школы у насъ были, начиная съ временъ Владиміра и Ярослава, существовали при всѣхъ превратностяхъ въ политической судьбѣ края, существовали въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія въ большемъ, чѣмъ

теперь числѣ и закрылись на нашихъ глазахъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Съ наступленіемъ освобожденія крестьянъ, духовенство первое принялось за учрежденіе вновь школъ и мы можемъ указать здѣсь мѣста и лица, гдѣ первыя школы были открыты, именно священниками по собственному ихъ почину. Но что доступно было однимъ, оказывалось не по силамъ многимъ другимъ, а между тѣмъ епархіальная власть, увлекшись первымъ легкимъ успѣхомъ и общею мыслью, что главная обязанность священника *учить*, сдѣлала учрежденіе школъ въ приходахъ обязательнымъ для всѣхъ священниковъ и поддерживала свое требованіе весьма энергично и настойчиво. Такъ было въ кіевской епархіи, ей старались подражать епархіальныя власти Подоліи и Волыни. Почти въ каждомъ приходѣ явились школы: явились энергическіе и умные пастыри, которые обставили школу хорошо и повели дѣло ученья умѣло и съ жаромъ, но большинство не имѣло ни того, ни другаго, дѣйствовало по подражанію и что еще хуже по приказу. Самое-же главное—никто почти не подумалъ о прочномъ матеріальномъ обезпеченіи школы: священники и прихожане, дѣйствуя съ горяча, вели дѣло на вѣру, на словахъ, кто сколько дастъ; потомъ охладѣвали либо одна, либо другая сторона, подъ часъ и давать стало нечего. Громадное зданіе оказалось построеннымъ на пескѣ; возвѣяли вѣтры и оно стало разрушаться. Таже школьная горячка охватила въ слѣдъ за духовенствомъ учебные кружки и долгое время дремавшее наше общество. Отъ школъ воскресныхъ, блеснувшихъ метеоромъ, перешли въ Кіевѣ къ школамъ постояннымъ, смастерили на скоро временные педагогическіе курсы, съ горяча, между людьми дѣльными, напустили туда всякаго хламу, кромѣ самаго дѣла, напичкали новыхъ педагоговъ разнымъ вздоромъ и пустили ихъ учить и благовѣстить... Но свободныхъ мѣстъ для новыхъ школъ почти уже не было. Свѣже испеченнымъ педагогамъ приходилось входить въ готовыя уже, духовенствомъ заведенныя школы; но тутъ обнаружилась разность взглядовъ, направленій и пріемовъ учредителей и новыхъ руководителей школъ. Шли состязанія, словопренія, выступалъ вопросъ о правѣ, преимуществѣ и пр. Отъ учрежденія не многихъ, не приходскихъ школъ перешли къ мысли обезпечить и перестроить кой-гдѣ плохія приходскія школы. Завязалось соперничество, препирательство двухъ

вѣдомствъ—епархіальнаго и учебнаго, изъ которыхъ на сторонѣ одного были *jus primi*, на сторонѣ другаго денежныя средства. Соглашенія не послѣдовало; загорѣлась борьба. Въ пауськиваніяхъ, подстрекательствахъ недостатка не оказалось. Педагоги корили духовенство незнаніемъ »новѣйшихъ методовъ«, духовенство упрекало ихъ въ пустозвонствѣ, верхоглядствѣ. Тамъ и здѣсь была своя доля правды, которой не признавали однако стороны враждующія. Споръ перешелъ въ новый фазисъ, когда на сторону учебнаго вѣдомства стала гражданская администрація. Борьба кипѣла: разъѣзжали чиновники, допрашивавшіе крестьянъ, желаютъ-ли они имѣть школу *министерскую*, или *церковно-приходскую*. Обѣ стороны въ запальчивости и раздраженіи не рѣдко скандализировали себя и профанировали школу въ глазахъ ничего не вѣдавшаго народа. Дѣло само собою затормозилось; споръ перешелъ въ высшія сферы и Высочайшею властію разрѣшенъ былъ въ смыслѣ *statu quo*, иначе говоря: школы, учрежденныя духовенствомъ, должны были остаться въ его завѣдываніи, а школы, устроенныя учебнымъ вѣдомствомъ, подлежать вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. Въ послѣдствіи, какъ *modus vivendi*, установлено было, что вѣдомство учебное съ одной стороны даетъ изъ собственныхъ суммъ пособія церковно-приходскимъ школамъ, но усмотрѣніи ихъ успѣховъ и нуждъ, а для сего послѣдняго получаетъ право осмотра ихъ, съ другой, при учрежденіи вновь школы сего вѣдѣнія, въ такомъ пунктѣ, гдѣ существуетъ школа церковно-приходская, испрашиваетъ согласія епархіальной власти.

Хотя такимъ образомъ положеніе двухъ стоящихъ другъ противъ друга вѣдомствъ и выяснилось, но нельзя сказать, что-бы оно точно опредѣлилось и не оставляло мѣста недоразумѣніямъ и соблазну для низшихъ ихъ органовъ при случаѣ подставить другъ другу ножку. Послѣ всего происходившаго оба вѣдомства не могутъ не считать себя двумя противными, по меньшей-же мѣрѣ отдѣльными лагерями. Горячая когда-то схватка ихъ, ожесточенная полемика, продолжавшаяся свыше десяти лѣтъ, не могла не оставить по себѣ глубокихъ слѣдовъ. Примиреніе не уничтожило охлажденія ихъ какъ между собою, такъ отчасти и къ самому дѣлу; охладѣло къ дѣлу и само населеніе, извѣрившись въ тѣхъ и другихъ руководителяхъ своего образованія. А время шло; пора об-

щаго увлеченія школою давно миновала. Каждое общественное дѣло имѣетъ такую пору: когда оно ново, когда оно предметъ впервые сознанной потребности, вопросъ дня, просто моды,—на него набрасываются разомъ всѣ, другъ друга возбуждаютъ, другъ другу помогаютъ; тогда многое можно сдѣлать. Кто пропустилъ эту пору, тому наверстывать послѣ бываетъ очень трудно. Такъ случилось и съ школьнымъ здѣсь дѣломъ: послѣ длинной пертурбаціи и общей реакціи оно совсѣмъ приникло было въ застой. Не помогло и учрежденіе инспекціи. Прибавилась одна лишняя ко многимъ другимъ инстанція въ такомъ простомъ дѣлѣ, какъ учрежденіе сельской школы. Между тѣмъ народъ не терпитъ волокиты и иногда со всѣмъ отказывается отъ дѣла, когда увидитъ, что оно затянулось, а тутъ оно невольно затягивается вслѣдствіе самой процедуры, установленной закономъ.

Если строго и безпристрастно взвѣсить всѣ условія, въ какихъ стояло и стоитъ школьное дѣло въ юго-западномъ краѣ, то приведенную выше цифру 125 школъ, учрежденныхъ за послѣднее трехлѣтіе, нельзя не признать весьма почтенною. Когда въ обстоятельствахъ дѣла нѣтъ ничего возбуждающаго и воспособляющаго, напротивъ есть много препятствующаго, объясненія успѣха дѣла надо искать въ личныхъ качествахъ руководителей онаго. Что и здѣсь, какъ говорится, дѣло мастера боится, на это прямо указываетъ число школъ, открытыхъ въ послѣдніе три года въ подольской губерніи, болѣе чѣмъ вдвое превышающее число школъ, открытыхъ за тотъ-же срокъ въ губерніяхъ кіевской и волынской. Сельскія общества, какъ извѣстно, не обладаютъ собственною иниціативою: въ дѣлѣ учрежденія школы, какъ и во всемъ другомъ, онѣ требуютъ внѣшняго толчка, напоминанія, возбужденія и еще болѣе соглашенія. Недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ нѣтъ: у сельскихъ обществъ много, даже слишкомъ много пестуновъ, руководителей и охранителей въ лицѣ исправниковъ, мировыхъ посредниковъ, священниковъ, помѣщиковъ, волостныхъ старшинъ и писарей; но что начинаетъ одинъ, тому рѣдко помогаетъ, но чаще препятствуетъ другой. Положеніе инспектора народныхъ школъ, не имѣющаго и тѣни какой-либо власти и значенія въ средѣ названныхъ дѣятелей и въ виду ничѣмъ не связанныхъ съ нимъ сельскихъ обществъ, по истинѣ трудное. Требуется много ума,

также, энергіи, терпѣнія, миролюбія, иногда очень осторожнаго и искуснаго обращенія, чтобы согласить всѣхъ и все, не задѣть ни чьего самолюбія, расположить, заохотить и въ концѣ концовъ создать, хорошо обставить и поставить на ноги такое простое и миніатюрное учрежденіе, какъ сельская школа. Но тотъ же трудъ, тѣ-же качества, въ той-же, если не въ большей степени должны быть присущи центральному управленію народнымъ образованіемъ въ краѣ, ибо своими верхушками достигаютъ его тѣ-же разнородные элементы, среди которыхъ находятся его посредствующіе органы, и ему приходится дѣйствовать и сверху и снизу, чтобы поддерживать ихъ самихъ и создаваемое ими по частямъ дѣло, поддерживать то соглашеніе, котораго тѣ успѣваютъ достигнуть, охранять устроенное ими отъ весьма частыхъ попытокъ пошатнуть и повернуть въ ту или другую сторону, направлять и руководить дѣло начальнаго образованія, которое въ массѣ дѣлъ средняго и высшаго образованія, составляетъ слишкомъ тяжелый и ощутительный придатокъ. Говоримъ такъ потому, что напр. въ привислинскомъ краѣ съ средины, а въ сѣверо-западномъ съ конца 70-хъ годовъ существуютъ дирекціи училищъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи которыхъ находятся начальныя училища, и что въ послѣднемъ существуетъ кромѣ того изрядное число инспекторовъ народныхъ школъ, а въ первомъ учреждается, какъ сообщено не давно въ газетахъ, должность помощниковъ начальниковъ учебныхъ дирекцій; въ юго-западномъ-же краѣ дѣло управленія народными школами, при незначительномъ числѣ однихъ лишь инспекторовъ, лежитъ всею почти тяжестію на учебномъ округѣ. Если за всѣмъ тѣмъ число начальныхъ школъ, какъ мы уже видѣли, растетъ здѣсь съ несомнѣннымъ успѣхомъ, то нельзя не считать этого особою заслугою администраціи учебнаго округа и не приписать ея опытности, энергіи и особому умѣнью соглашать самые разнородные элементы и теченія и обходить тысячи препятствій. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не радоваться такому успѣху школьнаго дѣла: если гдѣ, то именно здѣсь, по сравненію съ окраинами, въ слѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, мы сильно поотстали, и благо, что хотя теперь наверстываемъ. Надѣяться можно, что съ учрежденіемъ для юго-западнаго края дирекцій народныхъ училищъ, которое можетъ наступить къ концу нынѣшняго даже года, дѣло народнаго здѣсь образованія

относительно рабочихъ силъ придетъ въ равновѣсіе съ другими мѣстностями и не только число школъ будетъ возрастать, но и самое обученіе въ нихъ развиваться, совершенствоваться и давать желаемый плодъ. Ожидать значительнаго увеличенія церковно-приходскихъ школъ едва-ли возможно, такъ какъ, не смотря на обнародованныя не давно новыя объ нихъ правила, ихъ учрежденіе и содержаніе, организація и завѣдываніе остались въ прежнемъ положеніи. Разсуждавшая болѣе года объ устройствѣ ихъ коммисія, не придумала ничего болѣе, кромѣ предоставленія духовенству права открывать эти школы, т. е. того права, котораго никто у него не оспаривалъ и которымъ оно пользовалось болѣе 20 лѣтъ. Облыгаемое въ этомъ отношеніи духовенство наше сдѣлало уже, что могло, въ лицѣ тѣхъ своихъ членовъ, которымъ школьное дѣло доступно по дарованіямъ и призванію, личнымъ и семейнымъ обстоятельствамъ и по многому другому; но никому не доказать, что это сословіе исключительно педагогическое, а тѣмъ болѣе сдѣлать его такимъ. Что въ правѣ и обязанностяхъ, когда для осуществленія ихъ не изыскано никакихъ средствъ? *Ex nihilo nihil fit.* Что до духовенства юго-западнаго и мѣстнаго учебнаго округа, они лишились теперь и тѣхъ средствъ, какими доселѣ располагали: расходовавшіяся доселѣ *тридцать* тысячъ рублей на пособія лучшимъ церковно-приходскимъ школамъ, по усмотрѣнію учебнаго начальства, перечислены теперь въ общій фондъ для церковно-приходскихъ школъ всей Россіи.

К. Ц.

ОЧАКОВСКАЯ ЗИМА ПО СОВРЕМЕННОМУ ОПИСАНІЮ.

Очаковская зима, т. е. та, въ которую взятъ Очаковъ (1788), памятна народу до сихъ поръ своей необыкновенной жестокостью. Намъ удалось получить въ копіи описаніе этой зимы, принадлежащее современнику ея, Семену Кущинскому, жителю Новоархангельска—нынѣ елисаветградскаго, а тогда новомиргородскаго уѣзда херсонской губерніи. Описаніе сдѣлано на первомъ листѣ библіи, теперь составляющей собственность крестьянина с. Тишковки елисаветград-

скаго уѣзда Мурашкина, и доставлено намъ сыномъ его, обучающимся въ одномъ изъ учебныхъ заведеній города Елисаветграда. Оно интересно, какъ показаніе современника.

Жительствовавшему мнѣ новомиргородскаго уѣзда селенія архангельскаго (т. е. Новоархангельска), аѱпи (1788) года бысть допущеніемъ Божіимъ грѣхъ нашихъ ради на насъ зима. Октября гі (13) дня, ѣхавъ я въ Елисаветъ (Елисаветградъ), выпавъ снѣгъ такій великъ, что въ силу возомъ до дому вернувся, а ноября з҃ (7) впавъ снѣгъ и лягла настоящая зима. Сего-же года Очаковъ бралъ декабря ѕ҃ (6) Потемкинъ о зимномъ Николаи: и начали вѣтры превеличайшія замети крѣпкіе и нарочито замитало, когда дней в҃ (2) или г҃ (3), а зачальне была метель недѣль в҃ или и болѣе. Продолжалась лютость до самаго свѣтлаго воскресенія и тако помалу роставало, что по балкамъ былъ снѣгъ, которій випавъ прежде фелиповаго поста. Можно было безъ нужды взискать снѣгъ по балкамъ мая ѕі (16) дня; еще-жъ и се помяну, что замѣтами снѣгъ лѣси обыкновенно поломавъ, сади, дерево родючое, тоже и лѣсъ немилостиво повимерзавъ и посохъ, вижнѣ (вишни) и сливи въ пень порубили, а заземки отростати стали въ петровъ постъ. Предъ Онуфріемъ [1]) морозъ былъ великъ, что мѣстами хвасоля, огурци, дыни, пшеничка вовсе померзла, жито солома весма хороша, а зерна ничего нема, ярина весма хороша.

Сообщ. **В. Ястребовъ.**

ЗАГАДОЧНЫЕ ПОРТРЕТЫ.

Въ черниговской губерніи, стародубскомъ уѣздѣ, близъ села Сытыя-Буды и мѣстечка Ропска, на берегу рѣки Сновы находится каменскій, нѣкогда мужескій, теперь женскій монастырь съ церковью во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Этотъ монастырь, окруженный и до нынѣ лѣсомъ, расположенъ на горѣ и получилъ названіе каменскаго отъ того, что вся площадь, имъ занимаемая, представляетъ сплошный камень, красный песчаникъ, а за оградою

---

[1]) Празднуется 12 іюня.

обители торчатъ тамъ и здѣсь дикія скалы, разорванныя провалами. Каменскій монастырь основанъ »старцемъ Іоною Болховскимъ« (или Полховскимъ), который и былъ потомъ игуменомъ этой обители, бывшей первоначально общежитною. На столбахъ западнаго входа въ начальный храмъ обители была подпись: »Бога Отца изволеніемъ, Бога Сына благословеніемъ, Бога Духа Святаго поспѣшествомъ Пресвятой Богородицы Успенія храмъ сооруженъ 1687 г. [1])« Въ этомъ-же году памятный Малороссіи Иванъ Степановичъ Мазепа, въ благодарность Богу за свое избраніе въ гетманы, »для устроенія и содержанія каменской обители, утвердилъ универсаломъ за нею земли на рѣкѣ Сновѣ отъ рѣки Рясни по рѣчку Трубежъ съ сушаковскою отчиною« [2]), »а въ 1694 г. дозволилъ этому монастырю »въ кутку бучковскомъ«, подлѣ рѣчки Трубежа и подлѣ урочища Городища, осадить слободку тридцатью хатами. Преемникъ его Скоропадскій, въ 1713 г., »не только утвердилъ права каменскаго монастыря на село Шумиловку, слободку и половину села Бровничъ, но еще придалъ ей и мельницу на рѣкѣ Ревнѣ«. Кромѣ этихъ лицъ, въ числѣ благодѣтелей каменскаго монастыря былъ и Павелъ Полуботокъ, черниговскій полковникъ, нѣкоторое время наказный гетманъ, извѣстный своею неудачною попыткою отстоять прежнія права Малороссіи. Свѣдѣнія о фундаторахъ и благодѣтеляхъ каменскаго монастыря имѣютъ непосредственную связь съ тѣмъ происшествіемъ, о которомъ хотимъ разсказать.

Спустя полстолѣтія отъ основанія каменской обители, мирная ея жизнь нарушена была такимъ казуснымъ дѣломъ, котораго никто не могъ предполагать, которое привело въ трепетъ всѣхъ живущихъ въ ней и оставило по себѣ скорбныя воспоминанія.

Въ 1737 г., въ началѣ іюля, изъ черниговской каѳедры каѳедральнымъ писаремъ, іеромонахомъ Иракліемъ Комаровскимъ былъ посланъ для сбору штрафныхъ денегъ съ тѣхъ, кто на исповѣди не бывалъ, священникъ села Сытыхъ-Будъ Иванъ Ромацкевичъ; вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ и дьячекъ того-же села Ефимъ Ѳедоряченко. Порученіе, данное Ромацкевичу, было не изъ лестныхъ; это былъ

[1]) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи (Архіепископъ черниговскій Филаретъ), кн. 4 стр. 55.

[2]) Тамъ-же, стр. 56—66.

родъ подводной, или постойной повинности. Ѣздить на свой счетъ, подвергаться всѣмъ трудностямъ пути, развозить указы о правежѣ денегъ, добиваться денегъ, когда ихъ нѣтъ, или дать не хотятъ, провѣрять наличность по вѣдомостямъ каѳедры, вести счетъ получкамъ и недоплатамъ, беречь деньги и отчитываться предъ каѳедрою было и хлопотно, и убыточно, тяжело и досадно. Ромацкевичъ прежде сего судился за какое-то дѣло въ консисторіи и едвали не въ наказаніе дано было ему столь тягостное порученіе, отрывавшее его отъ хозяйства въ самую горячую пору уборки хлѣба. Ромацкевичъ былъ кромѣ того человѣкъ неспокойный и, по обычаю всѣхъ людей того времени, любилъ выпить. Въ какихъ отношеніяхъ стоялъ онъ къ каѳедральному писарю,—неизвѣстно.

Среднихъ чиселъ іюля, Ромацкевичъ и Ѳедоряченко прибыли въ каменскій монастырь и остановились въ немъ. Игумена въ ту пору въ монастырѣ не было: игуменомъ считался самъ каѳедральный писарь Ираклій Комаровскій, но жилъ въ Черниговѣ при консисторіи. Пока Ромацкевичъ трактовалъ съ монастырскими властями и съ дороги подкрѣплялся, дьячекъ Ефимъ, въ сопровожденіи монастырскаго пономаря монаха Тита, пошелъ посмотрѣть монастырскую церковь, которой никогда прежде не видалъ. Титъ показывалъ Ефиму достопримѣчательности церкви, а первое мѣсто между ними имѣла икона Успенія Пресвятыя Богородицы,—не столько самое »существо« иконы, сколько »намулеванныя на ней персоны«. Монахъ Титъ говорилъ дьячку Ефиму:

— Гляди! вотъ свыше того образа намулеваны четыре персоны: первая царь Петръ I, вторая Петръ II, третья гетмана Мазепы, а четвертая полковника Полуботка.

Дьячекъ съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ, а придя въ комнату, гдѣ помѣщался Ромацкевичъ, сообщилъ ему о видѣнномъ. Подстрекаемый любопытствомъ, Ромацкевичъ отправился и самъ посмотрѣть необычную икону. Тотъ-же монахъ Титъ пояснилъ и ему, что за персоны нарисованы на томъ образѣ, когда-же Ромацкевичъ спросилъ его, зачѣмъ тѣ персоны на образѣ и выразилъ не одобреніе образу, старый черпецъ безцеремонно отвѣтилъ ему:

— Жаль, что тебя не было въ ту пору, когда писался образъ и ты не указалъ, какъ маловать здѣсь иконы; а впрочемъ нѣтъ тебѣ до того и дѣла.

Сконфуженный Ромацкевичъ не нашелся, что отвѣтить пономарю, вышелъ изъ церкви и отправился домой. Оставаясь въ монастырѣ, Ромацкевичъ успѣлъ повздорить съ монахами и одного изъ нихъ, іеромонаха Самуила Грудницкаго, монастырскаго писаря, жестоко избилъ. Полагать надо, что досталось при этомъ отъ братіи и самому Ромацкевичу, а іеромонахъ Самуилъ подалъ на него жалобу архіерею.

Продолжая исполнять свою не легкую коммисію, Ромацкевичъ перекочевалъ въ Стародубъ, гдѣ была полковая канцелярія. Тутъ пришло ему на мысль воспользоваться видѣннымъ имъ образомъ съ намулеванными на немъ персонами, чтобы разомъ насолить и монахамъ, намявшимъ ему бока, и самому катедральному писарю, давшему столь тягостное и убыточное порученіе. Не долго думая, Ромацкевичъ, подаетъ донесеніе въ стародубовскую полковую канцелярію, что въ каменскомъ монастырѣ на храмовомъ образѣ Успенія Божіей Матери написаны, въ числѣ другихъ, портретъ измѣнника Мазепы и Полуботка. И Ромацкевичъ и его спутникъ дьячекъ Ефимъ тутъ-же были допрошены и отпущены домой.

Началось страшное политическое дѣло: кто, съ какимъ злымъ умысломъ, для какихъ причинъ и пр.? Это было время бироновщины, полное политическихъ доносовъ, конфискацій, ссылокъ, казней и пр. Ромацкевичъ продолжалъ свою экспедицію, злобно радуясь, что затѣялъ такое дѣло, которое приведетъ въ трепетъ и всѣхъ чернцовъ каменскихъ и самую катедру. Вдругъ, когда онъ возвратился уже домой и не спѣша съ отчетомъ, отдыхалъ отъ трудовъ, схватываютъ его самого, отбираютъ у него пожитки, заковываютъ въ кандалы, отправляютъ въ Черниговъ и сажаютъ въ тюрьму при катедрѣ. До катедры дошло уже извѣстіе о сдѣланномъ Ромацкевичемъ въ полковую канцелярію донесеніи и какъ онъ косвенно хотѣлъ упечь каменскую братію и катедру, такъ теперь катедра косвенно донимала его. На вопросъ Ромацкевича, почему берутъ его подъ караулъ и заключаютъ въ тюрьму, ему отвѣчаютъ: за то, что изъ катедры указы не скоро розвозилъ. Но этимъ не ограничилось дониманье Ромацкевича: въ тюрьмѣ даютъ ему пятьсотъ розогъ, а когда онъ спросилъ: за что? отвѣчаютъ уже съ большею откровенностью: »а чтобы, будучи въ чужихъ церквахъ,

всего не разсматривалъ«. Ромацкевича продержали въ архіерейской тюрьмѣ съ 9 августа до 24 сентября.

Изъ найденнаго нами въ архивѣ министерства юстиціи краткаго »экстракта« этого дѣла, по которому воспроизводится настоящій разсказъ, мы не видимъ, какой первоначальный ходъ возъимѣло извѣстное уже донесеніе Ромацкевича. Полагать надо, что оно на первыхъ порахъ было замято, такъ какъ на взглядъ мѣстныхъ властей содержаніе въ церкви каменскаго монастыря иконы Успенія Божіей Матери съ портретами на ней царей и правителей не представляло не только ничего преступнаго, но даже выходящаго изъ круга обыкновеннаго. Въ Малороссіи всегда было въ обычаѣ не только имѣть въ церкви на стѣнахъ отдѣльные портреты основателей и благодѣтелей монастырей и церквей, но и списать ихъ изображенія на иконахъ. Въ Переяславѣ въ успенской церкви и теперь хранится икона Успенія Божіей Матери, на которой изображены Петръ I, его жена и двѣ дочери, а также нѣсколько придворныхъ, въ томъ числѣ и гетманъ, всего вѣроятнѣе Скоропадскій. Но Ромацкевичъ, высидѣвъ въ тюрьмѣ и получивъ нѣсколько сотъ розогъ, не унимался и если въ экстрактѣ сего дѣла мы находимъ указаніе на сдѣланный имъ въ св. синодъ доносъ, то нельзя не предположить, что онъ слалъ доносы и другимъ свѣтскимъ командамъ. Объ иконѣ съ памулеванными персонами узнали въ синодѣ, въ сенатѣ и въ канцеляріи министерскаго правленія. Въ Петербургѣ иначе, конечно, смотрѣли на дѣло столь обыкновенное въ Малороссіи; достаточно было тамъ одного имени Мазепы, чтобы придать дѣлу характеръ чрезвычайнаго, политическаго. Для разслѣдованія на мѣстѣ командированъ былъ по сенатскому указу лейбъ-гвардіи маіоръ Шиповъ; слѣдствіе сосредоточено было въ »канцеляріи министерскаго правленія«. Къ дѣлу привлечены, кромѣ доносчика попа Ромацкевича, дьячка Ефима Оедоряченка и пономаря Тита, всѣ безъ исключенія монахи каменскаго монастыря, въ томъ числѣ и бывшій короткое время игуменомъ этого монастыря, каѳедральный писарь, теперь уже архимандритъ троицко-ильинскаго черниговскаго монастыря Пракліи Комаровскій и жена давно умершаго Полуботка, а въ качествѣ экспертовъ и свидѣтелей генеральная старшина. Суть всего разслѣдованія сосредоточивалась на томъ, были-ль на иконѣ портреты Мазепы и Полуботка, которые въ вопро-

сахъ и отвѣтахъ не разъ обзываются измѣнниками. Ясно, что слѣдствіе доискивалось въ написаніи ихъ портретовъ политическаго замысла и намѣренія, а для разъясненія этого ставились добавочные вопросы о томъ, кѣмъ, когда, по чьему желанію и заказу и на чей счетъ написана икона и на ней портреты четырехъ персонъ. Большинство привлеченныхъ къ допросу давали уклончивыя показанія, или отговаривались невѣдѣніемъ, въ слѣдствіе-ли дѣйствительнаго незнанія обстоятельствъ дѣла, или подъ вліяніемъ весьма понятнаго страха и не желанія навлечь на монастырь или на кого нибудь бѣду. Лишь не многіе выяснили въ своихъ показаніяхъ происхожденіе иконы, заказчиковъ оной, писавшаго ее и время написанія; но вопросъ о »намулеванныхъ персонахъ« и была-ли въ числѣ ихъ картина измѣнника Мазепы остался затертымъ; никто не отважился сказать, что таковъ былъ обычай въ странѣ, что въ особенности портреты фундаторовъ монастырей и церквей можно было найти почти повсюду (въ гамалѣевскомъ гетмана Скоропадскаго, въ максаковскомъ воеводы Киселя и т. д. и т. д.) и что гетманъ Мазепа былъ фундаторомъ именно этого каменскаго монастыря, а Скоропадскій и Полуботокъ его благодѣтелями. Передадимъ сущность показаній каждаго изъ допрошенныхъ.

Попъ Романкевичъ и дьячекъ Ефимъ Ѳедоряченко ничего къ своимъ первымъ показаніямъ не прибавили и ничего въ нихъ не измѣнили. Бывшій въ началѣ дѣла игуменомъ каменскаго монастыря Ираклій Комаровскій заявилъ, что онъ хотя и числился игуменомъ, но оставался въ Черниговѣ при дѣлахъ, посѣтилъ лишь однажды свой монастырь и будучи въ церкви, того образа и написанныхъ на немъ персонъ совсѣмъ не замѣтилъ и ни отъ кого объ нихъ дотолѣ не слыхалъ, что-же касается попа Романкевича, то плетьми его за то, что-бы онъ, будучи въ чужихъ церквахъ, ничего не смотрѣлъ, не наказывалъ и пожитковъ его не бралъ, а все это дѣлалось по волѣ архіепископа, за *непостоянство* Романкевича, за *побой*, учиненный имъ каменского монастыря іеромонаху Грудницкому, и многое другое.

Пономарь Титъ призналъ, что сперва дьячку Ѳедоряченку, а потомъ попу Романкевичу показывалъ »намулеванныя на иконѣ Успенія Божіей Матери четыре персоны«, поясняя, что первыя двѣ означаютъ царей Петра Великаго и Петра Алексѣевича, что относи-

тельно третьей, »представляетъ-ли она гетмана Мазепу или Скоропадскаго, подлинно сказать не можетъ, ибо *писать* не умѣетъ, а подъ картинами подписей нѣтъ, что на четвертой несомнѣнно изображенъ полковникъ Полуботокъ и что какъ самая икона, такъ и всѣ эти четыре персоны мулеваны въ городѣ Черниговѣ, черниговскимъ мѣщаниномъ, тогда уже умершимъ, Якимомъ, а въ какомъ году, не припомнитъ«.

Назначенный въ генварѣ 1738 г. игуменомъ каменскаго монастыря, іеромонахъ Патрикій Лисянскій передалъ лишь то, что успѣлъ узнать при пріемѣ монастыря, а именно, что на обратной сторонѣ образа Успенія Богородицы значится 1716 г., т. е. годъ написанія иконы, что, по показаніямъ монаховъ того монастыря, образъ писанъ черниговскимъ мѣщаниномъ, маляромъ Якимомъ, а чьимъ тщаніемъ, неизвѣстно, и что нарисованныя на томъ образѣ двѣ персоны означаютъ покойнаго гетмана Скоропадскаго да полковника Полуботка, а другіе чьи, безъ подписи знать не можетъ.

Намѣстникъ іеромонахъ Савва Любичъ показалъ, что самъ онъ находится при каменскомъ монастырѣ съ 1728 года, что образъ Успенія Богородицы писанъ въ 1716 году, что »писалъ тотъ образъ черниговскій маляръ Якимъ, по заказу монастыря и деньги ему за то плочены монастырскіе и что намулеваны тамъ кругомъ Успенія, по признанію старыхъ людей,—Петръ Великій, покойникъ гетманъ Скоропадскій и полковникъ Полуботокъ, а четвертая персона кого именно выражаетъ, того онъ, Савва, не знаетъ, но измѣнника Мазепы персоны на томъ образѣ не написано«.

Іеромонахъ Іоакимъ Хоминскій говорилъ, что монахомъ онъ въ каменскомъ монастырѣ живетъ съ 1712 года и что образъ Успенія Богородицы рисовалъ черниговскій маляръ Якимъ при бытности его, по заказу игумена Гедеона, который умеръ въ 1724 году, по »чьи именно персоны на томъ образѣ написаны, не знаетъ, а подлинно знаетъ, что измѣнника Мазепы на томъ образѣ не писано и игуменъ Гедеонъ, подряжая маляра Якима писать тотъ образъ, приказывалъ ему изобразить лишь одно *существо* Успенія Богородицы, писать-же притомъ какія персоны не повелѣвалъ, и написалъ ихъ тотъ маляръ самъ собою, безъ всякаго повелѣнія, ради украшенія, а съ прежняго-ли какого образа, или отъ себя издалъ, того онъ Хоминскій не знаетъ«.

Допрошенные порознь іеромонахи: казначей Тихонъ Козелецкій, уставщикъ Иннокентій Червинскій, писарь Самуилъ Грудницкій, іеродіаконы: Дмитрій Глизовый, Трифилій Козельскій и монахи: Матѳей Березовскій, Ѳеофилъ Бѣляевъ, Тихонъ Могилевецъ и Аѳанасій Мелецкій, поступившіе въ каменскій монастырь разновременно между 1720 и 1732 г., въ одинъ голосъ отозвались въ большей части невѣдѣніемъ относительно происхожденія образа и написанныхъ на немъ персонъ, передавая лишь какъ слухъ, полученный ими отъ другихъ, что образъ написанъ при игуменѣ Гедеонѣ черниговскимъ маляромъ Якимомъ. Существенно въ ихъ, какъ и во всѣхъ другихъ показаніяхъ то, что говоря объ изображенныхъ персонахъ, они особо утверждаютъ свое невѣдѣніе въ томъ, находятся-ли на иконѣ изображенія Мазепы и Полуботка. Лишь монахи Трифилій Стародубецъ и Титъ Шкурченскій, проживавшіе въ каменскомъ монастырѣ съ 1713 года, прибавили нѣчто новое къ прежнимъ показаніямъ: первый слышалъ отъ самаго игумена Гедеона, а второй отъ другихъ, что »къ написанію того образа тщаніе имѣла и деньги за работу Якиму маляру платила жена умершаго полковника Полуботка«, но какъ первый, такъ и второй отозвались невѣдѣніемъ ни имени ея, ни того, были-ли на иконѣ изображенія »Полуботка измѣнника и измѣнника Мазепы«.

Прошло много свидѣтелей, потрудились не мало слѣдователи; но то, чего доискивались послѣдніе, именно—есть-ли на иконѣ портреты Мазепы и Полуботка, никакъ не давалось. А иконы и портреты были на лице. Оставалось допросить людей, которые лично и притомъ близко знали и Мазепу и Скоропадскаго и Полуботка, не признаютъ-ли они ихъ въ »намулеванныхъ персонахъ«. Призваны были: генеральный подскарбій Андрей Марковичъ, генеральный войсковой судья Забѣла и генеральный эсаулъ Ѳеодоръ Лысенко съ тѣмъ, чтобы дали вѣрныя показанія, дѣйствительно-ли при томъ образѣ Успенія Богородицы парисованы Мазепа, Скоропадскій и Полуботокъ; но и они объявили, »что при этомъ образѣ никто изъ написанныхъ персонъ на гетмановъ Скоропадскаго и измѣнника Мазепу и полковника Полуботка нимало не похожи, ибо де гетманъ Скоропадскій былъ сухъ, а измѣнникъ Мазепа волосомъ рудявъ, долголикъ и съ бородою, а полковникъ Полуботокъ былъ дороденъ и волосомъ русявъ«. Вѣрность своихъ показаній генеральная стар-

шина подтверждала своими подписями, заявляя, что показываетъ по чистой совѣсти.

Была послѣдняя надежда у слѣдователей—допросить жену Полуботка, на которую столь прямую ссылку сдѣлали послѣдніе два свидѣтеля. Она находилась въ живыхъ; но, будучи привлечена къ допросу, заявила, что никакого отношенія къ рисованію образа Успенія Богородицы не имѣла. Провѣряя ея показанія, навели справку въ генеральной канцеляріи и узнали, что Полуботокъ былъ женатъ два раза, что первую его жену звали »Ефимьей, а какой она фамиліи и въ какомъ году умерла, неизвѣстно«; и что оставшаяся въ живыхъ вторая его жена Анна Романовна, вышла за него замужъ лишь въ 1719 году, между тѣмъ образъ съ четырьмя персонами, какъ доселѣ несомнѣнно выяснилось, былъ писанъ въ 1716 году.

Принялись въ третій разъ допрашивать пономаря монаха Тита: надо было узнать, откуда онъ получилъ тѣ свѣдѣнія о названіяхъ »намулеванныхъ персонъ,« изъ-за которыхъ возникло все дѣло, но которыя не подтверждались теперь никѣмъ почти изъ свидѣтелей. Монахъ Титъ, чтобы окончательно выгородить себя изъ столь опаснаго дѣла и отстранить отъ себя всякія ссылки на него другихъ свидѣтелей, рѣшительно заявилъ, что »съ игуменомъ Патрикіемъ и ни съ кѣмъ изъ монаховъ о томъ образѣ и написанныхъ на немъ персонахъ никогда ничего не говорилъ и по чьему приказу онъ писанъ, ни съ кѣмъ въ розговорѣ о томъ не упоминалъ«, священнику-жъ Романкевичу передалъ то, что слышалъ отъ другихъ, ибо, находясь издавна при той церкви, много разъ видѣлъ, какъ »при томъ образѣ Успенія Б. Матери всякіе проѣзжающіе малороссіяне останавливались, а нѣкоторые изъ тѣхъ, смотря на тотъ образъ, между собою разговаривали: на семъ-де образѣ имѣются персоны ихъ императорскихъ величествъ Петра I и Петра II, гетмана Мазепы или Скоропадскаго (а котораго именно, онъ Титъ прислушать не могъ), да полковника Полуботка; но кто именно изъ проѣзжающихъ и когда такъ разговаривали, онъ Титъ за давностью не помнитъ«.

Тѣмъ кончилось слѣдствіе на мѣстѣ; какія затѣмъ инстанціи проходило это дѣло, было-ли переслѣдованіе, новые допросы, дополнительныя показанія и свѣдѣнія, изъ имѣющагося у насъ экстракта не видно. Слѣдствіе кончено въ іюлѣ 1738 г. и болѣе, нежели чрезъ годъ, именно 12 сентября 1739 г., на имя слѣдователя по сему

дѣлу лейбъ-гвардіи маіора Шипова данъ изъ правительствующаго сената указъ, которымъ давалось ему знать, что его слѣдственное доссеніе и приложенный къ нему экстрактъ изъ дѣла »по доносу попа Ивана Ромацкевича на черпеца Тита и архимандрита каменскаго монастыря объ усмотрѣнномъ имъ въ томъ монастырѣ образѣ Успенія Богородицы, вмѣстѣ съ *копіею* съ того образа, на которомъ написаны персоны государей Петра Великаго, Петра Втораго, да измѣнника Мазепы и полковника Полуботка, постановлено отослать для разсмотрѣнія и подлежащаго рѣшенія въ святѣйшій правительствующій синодъ, понеже оно подлежитъ до разсмотрѣнія того святѣйшаго синода [1])«.

Изъ приведеннаго указа и рѣшенія сената очевидно, что, во 1-хъ, по совокупности всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, а быть можетъ и съ помощію новыхъ какихъ-либо данныхъ, сенатъ призналъ, что на иконѣ между другими изображеніями былъ портретъ Мазепы, во 2-хъ, что за смертію сооружавшихъ икону съ портретами, именно: маляра Якима, игумена Гедеона и первой жены Полуботка, политическая сторона дѣла оставлялась безъ вниманія и въ 3-хъ, что сенатъ ставилъ вопросъ лишь объ умѣстности храненія въ монастырской церкви иконы съ портретомъ между прочимъ измѣнника Мазепы, но самый вопросъ считалъ подлежащимъ рѣшенію святѣйшаго синода, куда и передалъ все дѣло. Какъ разрѣшилъ это дѣло святѣйшій Синодъ и изъялъ-ли онъ изъ употребленія икону, бывшую причиною столькихъ тревогъ,—неизвѣстно. Будемъ надѣяться, что кто-либо изъ лицъ близкихъ къ синодальному архиву наведетъ въ немъ справку и откроетъ любопытный конецъ этого дѣла.

Возвращаясь къ самому дѣлу, не можемъ не замѣтить, что въ добытыхъ нами изъ его экстракта свѣдѣніяхъ многаго еще не достаетъ для разрѣшенія вопроса о бывшихъ на иконѣ Успенія Божіей Матери въ каменскомъ монастырѣ портретахъ, что многое въ этомъ дѣлѣ кажется намъ то не полнымъ, то не точнымъ, то просто загадочнымъ. Такъ въ выпискѣ изъ сенатскаго указа значится, что при дѣлѣ находилась и въ синодъ препровождена *копія* образа, а не самый образъ. Трудно согласить это съ обычаями того, да и

---

1) Моск. арх. министерства юстиціи. Дѣла сената по синоду, кн. 28 – 790, стр. 1001.

нашего времени; но если-бы и такъ, то подлинная икона должна была остаться въ монастырѣ, и не находится-ли она тамъ и теперь, или копія его въ синодальныхъ складахъ? Въ той-же выпискѣ въ числѣ портретовъ на иконѣ значится портретъ императора Петра II, а между тѣмъ въ 1716 г., когда писалась икона, ему могло быть лишь нѣсколько мѣсяцевъ отъ рожденія. Генеральная старшина: Марковичъ, Забѣла и Лысенко даютъ показанія о внѣшнемъ видѣ Скоропадскаго, Мазепы и Полуботка не сходныя во многомъ съ извѣстными доселѣ ихъ портретами. Одно изъ двухъ: или показанія ихъ не вѣрны, или мы не имѣемъ вѣрныхъ портретовъ названныхъ лицъ, особливо Мазепы. Наконецъ игумена Гедеона не находимъ ни въ какихъ общихъ и частныхъ спискахъ настоятелей монастырей.

Тѣмъ не менѣе, сводя всѣ свѣдѣнія, дававмыя экстрактомъ сего дѣла, мы готовы признать, что жена ли Полуботка, или игуменъ Гедеонъ, или та и другой вмѣстѣ могли для увѣковѣченія памяти объ основателяхъ и благодѣтеляхъ каменскаго монастыря, по обычаю того времени, изобразить на храмовой иконѣ портреты гетмана Мазепы, Скоропадскаго и полковника Полуботка, а къ нимъ прибавить и портретъ царствовавшаго тогда государя Петра I.

Д. Сапожниковъ.

ПАНСКАЯ БЛАЖЬ, ХЛОПСКАЯ НАПАСТЬ, А ЧИНОВНИЧЬЯ ПОЖИВА.

Что паны чудили, это всякому извѣстно; но такъ чудить, какъ нашъ панъ Винцентій, едва-ли и въ голову кому либо приходило, да и повѣрить тому было-бы трудно, если-бы произшествіе, о которомъ хотимъ тутъ разсказать, не совершилось на нашей памяти и такъ сказать на нашихъ глазахъ.

Когда панъ начнетъ было чудить, хлопу неминуемая напасть,—отъ пана-ли самого или отъ кого другаго, все равно. Паны-магнаты расплачивались щедро и совершенно добровольно за свои причуды; съ пановъ средней руки взимали приличную дань блюстители порядка, даже и въ то время, когда они вовсе того не желали и не предполагали. Между этими послѣдними выдавались люди съ удивительно тонкимъ чутьемъ на счетъ того,

гдѣ и чѣмъ можно было поживиться. Любимымъ конькомъ ихъ въ послѣдніе годы крѣпостнаго права было тоже, что и у самихъ пановъ — неповиновеніе и бунты крестьянъ, и они открывали это зло даже тамъ, гдѣ его не могли заподозрѣть самые паны. Выигрывали въ такихъ случаяхъ или паны, или полицейскія власти и суды, проигрывали одни лишь крестьяне, расплачиваясь имуществомъ и спинами, или-же отдѣлываясь страхомъ, какъ въ данномъ случаѣ. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Нашъ панъ Винцентій былъ помѣщикъ хотя средней руки, но все-же очень богатый и жилъ не вдалекѣ отъ славнаго города Бердичева. Любилъ онъ поддерживать свой древній шляхетскій родъ, жилъ въ пышной и богатой обстановкѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ необычайно набоженъ и велъ строго-цѣломудренную жизнь. Въ 50-хъ годахъ, къ которымъ относится нашъ разсказъ, пану Винцентію было около тридцати лѣтъ, и не смотря на всю роскошь панскую, на богатство, на частые соблазны, онъ былъ строгій дѣвстеенникъ, избѣгалъ и даже боялся женскаго общества; каждое воскресенье посѣщалъ бѣлопольскій костелъ, почти ежемѣсячно говѣлъ и исповѣдывался у бѣлопольскаго пробощца, ежедневно часа по три, по четыре выстаивалъ въ своей домашней каплицѣ на молитвѣ, часто ударяя себя въ грудь и преклоняя колѣна. Когда наступала жатва, онъ ежедневно отправлялся съ любимымъ лакеемъ на свои поля, собственноручно нажиналъ по двадцати сноповъ пшеницы и нажатое дарилъ бѣднымъ; съ крестьянами своими обращался ласково, человѣколюбиво и милостиво; будучи добрымъ католикомъ и полякомъ, онъ помогалъ православному священнику и даже подарилъ ему нѣсколько морговъ земли. Любилъ нашъ панъ Винцентій посѣщать по временамъ бердичевскій кляшторъ, гдѣ ксендзы-монахи съ особеннымъ торжествомъ совершали богослуженіе и произносили весьма трогающія польскую душу казанья; въ кляшторѣ притомъ былъ отличный органъ, превосходные музыканты и хорошіе пѣвцы и пѣвицы. Въ Бердичевъ привлекала по временамъ пана Винцентія и славная во всемъ краѣ онуфріевская ярмаркарка, на которой совершались всевозможныя хозяйственныя и коммерческія сдѣлки и на которую еще въ пятидесятыхъ годахъ съѣзжалось все окружное польское панство, какъ на нѣкоторое торжество, стараясь превзойти другъ друга блескомъ,

и роскошью поѣзда и нарядовъ. Вотъ на одну изъ этихъ ярмарокъ отправился однажды и нашъ панъ Винцентій: ѣдетъ онъ цугомъ въ каретѣ, на четверкѣ прекрасныхъ лошадей, за нимъ слѣдуетъ также на четверкѣ, но уже не въ каретѣ, а въ рессорной бричкѣ управляющій, а тамъ парой на бричкѣ экономъ, а далѣе на простой подводѣ, но четверкой ѣдутъ гуменный и поваръ съ запасами для кухни и овсомъ для лошадей, да еще сверхъ этого идутъ двѣ подводы съ сѣномъ, а за ними гонятъ батраки лошадей, быковъ, коровъ и воловъ для продажи или въ обмѣнъ на другихъ. Заѣзжій жидовскій дворъ напередъ договоренъ на время ярмарки, и огромный поѣздъ съ гикомъ и шумомъ вваливается туда и располагается на двухнедѣльное житье. Панъ Винцентій тщательно окуриваетъ комнаты, чтобъ истребить жидовскій духъ, вынимаетъ изъ шкатулки Распятіе и ставитъ его въ углу, падаетъ предъ нимъ на колѣни и возноситъ благодарственную молитву Богу за благополучное прибытіе въ г. Бердичевъ.

На утро онъ устремляется въ кляшторъ и старается пробраться въ одинъ изъ угловъ вблизи престола, чтобы, ничѣмъ не развлекаясь, предаться молитвѣ; но костелъ уже полонъ, протиснуться впередъ нельзя, да и назадъ податься трудно, и онъ волей-неволей остановился. Спереди и сзади его стояла масса молящихся; онъ машинально повелъ глазами вокругъ, чтобы опредѣлить свою позицію, и видитъ, что рядомъ съ нимъ стоитъ паненка необычайной красоты. Взглянулъ панъ Винцентій еще разъ и пришелъ въ неописанное смущеніе, но уже не могъ глазъ оторвать отъ прекрасной паненки. Кровь жгла ему лице, бушевала во всемъ тѣлѣ; онъ пробовалъ молиться, но глаза его не поднимались къ алтарю. Наконецъ сила воли взяла свое и панъ Винцентій пустился опрометью изъ костела. Пріѣзжаетъ домой, распростирается крестомъ предъ Распятіемъ, исповѣдуетъ свой грѣхъ; но угрызенія совѣсти растутъ съ каждымъ часомъ: ничто ему не мило, ничто не интересуетъ и онъ, предоставивъ своему жонддѣ вести всѣ дѣла на ярмаркѣ, самъ отдается молитвѣ. Но еще съ большей силой преслѣдуютъ его тѣже угрызенія совѣсти; онъ молится, но видитъ, что никакой молитвой не искупить ему своего грѣха. Вспомнилъ панъ Винцентій, какъ бичевали себя многіе святые и грѣшные монахи, изнуряя плоть свою, и рѣшился самъ подвергнуть себя

такому же истязанію: зоветъ лакеевъ и велитъ дать себѣ 50 розогъ. »Змилуйся, панъ, надъ самимъ собою!« говорили лакеи; но онъ слушать не хотѣлъ и грозилъ каждому отпустить по 50 нагаекъ. »Отъ же здурівъ панъ!« перешептывались между собою слуги, но наконецъ рѣшились произвести надъ нимъ требуемую экзекуцію. Не пожалѣли, правда, рукъ, и панъ Винцентій остался вполнѣ доволенъ, благодарилъ всѣхъ, далъ каждому по червонцу и совершенно успокоился. Объ одномъ онъ просилъ своихъ слугъ и строго имъ наказывалъ—не болтать и никому о случившемся не разсказывать. Но какъ умолчать о такомъ необычайномъ дѣлѣ? Папа Винцентія его простые хлопы и прежде считали »придурковатымъ«, а теперь и просто признали »божевильнымъ« и не считали нужнымъ молчать о томъ. Пошло отъ одного къ другому; къ вечеру о панской секуціи знали чуть не всѣ на ярмаркѣ. Отъ лакеевъ пана Винцентія узнали лакеи сосѣдей-пановъ, отъ нихъ самые паны. Пошли толки по всему Бердичеву и дошли до помощника исправника П. Тотъ сначала посмѣялся, но потомъ задумался...

Въ то время онъ приторговалъ для себя домъ въ Бердичевѣ, очень выгодный и довольно дешево, но ему не хватало тысячи рублей серебромъ для покупки. П. занятъ былъ думою, гдѣ и какъ раздобыть эту недостающую тысячу, а тутъ какъ разъ вѣсть о секуціи, произведенной надъ паномъ Винцентіемъ его собственной прислугой... Дѣльце подходящее, подумалъ про себя П. и мгновенно летитъ къ своему пріятелю уѣздному врачу, сообщаетъ ему свой планъ, увлекаетъ его съ собой, беретъ пристава, разсыльныхъ, понятыхъ и катитъ въ резиденцію пана Винцентія учинить дознаніе о бунтѣ и насиліи, произведенномъ его дворовыми людьми.

— У васъ, я слышалъ, бунтъ, заговорилъ П., явившись съ цѣлой коммисіей предъ очами изумленнаго пана. Ваши дворовые вышли изъ повиновенія вамъ, учинили надъ вами...

— Никакого бунта, отвѣчалъ смѣшавшись панъ; то добрые, спокойные люди.

— Да; но дошло до моего свѣдѣнія, получено секретное донесеніе... Необходимо дознать, начальству донести.

— Мой паніе! началъ было панъ Винцентій; но П. не далъ ему говорить и мгновенно потребовалъ всю дворню.

— Какъ! накинулся онъ съ яростію на входящихъ лакеевъ и другихъ дворовыхъ. Такъ вы бунтъ затѣяли? Пана своего убить, замучить хотѣли! Неблагодарные, изверги. Законной власти не покоритесь? Я васъ...

И дворовые и панъ рѣшительно растерялись. П. шумѣлъ, кричалъ, топалъ ногами.

— Сознавайтесь, подлецы, сѣкли пана? закричалъ онъ вновь, глядя въ упоръ стоявшимъ впереди дворовымъ.

— Та вжежъ выбили, коли... заикнулся было одинъ; но П. тотъ часъ перебилъ его:

— Коли?! Такъ вы еще колоть думаете? Вы это все свою Коліивщину вспоминаете... Бунтовщики, разбойники! Вязать ихъ, забрать всѣхъ въ тюрьму! Тамъ допросимъ всѣхъ и каждаго по косточкамъ перебремъ.

— Змилуйтесь, пане! кричали дворовые; но караульные и понятые бросились забирать и выводить ихъ.

— Змилуй-сіе, паніе! вопилъ въ свою очередь панъ Винцентій; но П. вновь огорошилъ его:

— Какъ! и вы за бунтовщиковъ? Укрывательство... потакательство! Хотите общій бунтъ въ краѣ произвести? Мало этихъ бунтовъ? Нѣтъ; я этого не допущу. Протоколъ, актъ! въ тюрьму ихъ, на кобылу ихъ! А васъ, ясневельможный, попрошу раздѣться, показать знаки насилія. Вотъ докторъ; надо освидѣтельствованіе произвести, протоколъ дополнить, чтобы все въ порядкѣ было.

— Змилуй-сіе, паніе! только и можетъ говорить растерявшійся панъ. Не хочется ему раздѣваться; но П. не отстаетъ, требуетъ, грозитъ, а письмоводитель скрипитъ перомъ, протоколъ доканчиваетъ.

— Да надо, я думаю, говоритъ П., обращаясь къ доктору, упомянуть, сколько ударовъ дано, какимъ орудіемъ, по какой части тѣла и какіе слѣды отъ ударовъ остались.

— Непремѣнно, непремѣнно! произнесъ докторъ. — Но надо все видѣть. Панъ позволитъ? обратился онъ къ пану Винцентію.

Тотъ не выдержалъ и метнулся на минуту въ спальню. Врачъ и П. многозначительно переглянулись. Выбѣгаетъ панъ Винцентій и съ словами: мой паніе! суетъ П. въ руку свертокъ бумажекъ. Тотъ взялъ, измѣрилъ пачку своимъ опытнымъ глазомъ и безъ обиня-

ковъ сказалъ: мало, панъ! Панъ Винцентій полѣзъ опять въ шкатулку и когда вынулъ и вручилъ П. другой подобный первому свертокъ, то перестали и актъ писать, и спину пана свидѣтельствовать, и дворовыхъ въ тюрьму вести.

Наскоро и безъ особой неловкости распрощался П. съ паномъ Винцентіемъ, сдѣлалъ на выходѣ должное внушеніе его дворовымъ и укатилъ съ своею импровизированною коммисіею. Въ карманѣ у него оказалось ровно столько, сколько не доставало для покупки дома. Дворовые только перекрестились и въ недоумѣніи вздохнули; а панъ Винцентій съ этой поры сталъ считать себя совершенно очищеннымъ отъ своего грѣха и на другой день очень рано поѣхалъ въ кляшторъ благодарить Бога за избавленіе отъ искупленія.

К. Ц.

ГРАМОТА ПЕТРА I ЧЕРНИГОВСКОМУ АРХІЕПИСКОПУ ІОАННУ МАКСИМОВИЧУ [1]).

(Объ измѣнѣ Мазепы и избраніи новаго гетмана).

Поспѣшествующею милостію мы пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и обладатель, наше царское величество, объявляемъ богомольцу нашему, преосвященному Іоанну Максимовичу, архіепископу черниговскому и новгородскому: извѣстно намъ великому государю учинилося, что гетманъ Мазепа забылъ страхъ Божій и свое крестное и намъ великому государю цѣлованіе, и измѣнилъ, и переѣхалъ къ непріятелю нашему королю

[1]) Извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы застигло Петра въ расплохъ въ лагерѣ надъ Десной въ виду приближающагося непріятеля. Петръ былъ въ большой тревогѣ и при первой вѣсти отправилъ въ Кіевъ князя Б. О. Куракина доставить къ нему въ лагерь кіевскаго митрополита и знатнѣйшее духовенство. Очевидно, въ туже пору писана настоящая грамота и вѣроятно такая-же грамота послана была съ Куракинымъ кіевскому митрополиту. Помѣщаемую грамоту мы нашли въ рязницѣ архіерейскаго дома при черниговскомъ ильинскомъ монастырѣ и приводимъ здѣсь отъ слова до слова.—Гр. М.

шведскому, по договору съ нимъ и Лещинскимъ, отъ шведа выбраннымъ на королевство польское, дабы съ общаго согласія съ ними Малороссійскую землю поработить по прежнему во владѣніе польское, и церкви Божіи и святые монастыри отдать во унію, и понеже намъ, яко государю и оборонителю малороссійскаго края, належитъ отеческое попеченіе о васъ имѣти, дабы въ то порабощеніе и разореніе Малой Россіи, такожъ и церквей Божіихъ во осквернение не отдать, того ради повелѣваемъ: вамъ богомольцу нашему, и всей генеральной старшинѣ, и полковникамъ, и прочимъ чинамъ войска запорожскаго, дабы на прелесть и измѣну сего измѣнника, бывшаго гетмана не смотрѣли, но при оборонѣ нашихъ великороссійскихъ войскъ противъ тѣхъ непріятелей стояли, и для лучшаго упрежденія всякого зла и возмущенія въ малороссійскомъ народѣ отъ него бывшаго гетмана, вы богомолецъ нашъ и вся старшина генеральная и полковая сбѣжались немедленно въ обозъ нашъ къ Десне, для *обрания* по правамъ и вольностямъ своимъ вольными голосами новаго гетмана, въ чемъ крайняя нужда и спасеніе всея Малыя Россіи состоитъ. Данъ сей нашъ царского величества указъ въ обозѣ при Десне, за приписаніемъ власныя нашея руки и приложеніемъ печати. Октября въ 28 день 1708 году. *Петръ.*

Сообщ. графъ **Милорадовичъ.**

3. Послѣ обѣда были въ банѣ у отца архимандрита іпатского Платона Малиновского, где изъ отцами Нероновичемъ префектомъ и Лукою Коношевичемъ проповѣдникомъ, зъ коллегіума московскаго прибывшими, видѣлися, зъ которыхъ отецъ Нероновичъ назначенъ епископомъ въ іркутскую епархію, а отецъ Коношевичъ въ кадетскій корпусъ учителемъ.

4. Получилъ письмо отъ п. тестя зъ Риги, чрезъ нѣкоторого маіора іноземца привезенное. На перевозъ пошло 8 к., на проч. 6 к. Сегодня послѣ обѣда пошелъ въ монастырь невскій и тамъ, передъ вечернями пришедши, ночовалъ у отца Василія, священника тамошнего.

5. Послѣ утренѣ исповѣдалъся у духовника отца Герасима и причащалъся на службѣ Божой въ деревянной церквѣ; потомъ былъ у отца архимандрита и обѣдалъ у отца намѣстника Симона; по обѣдѣ былъ у отца економа и у господина Василія Кириловича Тредіаковского. Tandem побувавши у отца Василія священника, отехалъ на коляскахъ, отъ отца намѣстника и економа данныхъ. Отцу духовнику данъ 1 р. Розышлось на розницю 26 к. Ея імператорское величество изволила прибыть изъ Петергофа въ С. П. Бурхъ коло вечерень, и на пріездъ изъ многихъ пушокъ палено.

6. Были рано у графа Головкина, а паничъ былъ и во дворцѣ, где послѣ службы Божой пожалованъ господинъ Потоцкій кавалеріею Андрея Первозванного и офѣцери всѣ преображенского полку званы къ столу, ради праздника ихъ полку. На медъ пошло $37\frac{1}{2}$ к.

7. Будучи рано у господина Курбатова, засталъ тутъ и графа Саву Владиславовича, который за мною причинялся, толкожъ ни чего не успѣло. На перевозъ пошло 4 к.

8. Обѣдалъ у пана Полуботка, и потомъ заходилъ и до отца Малиновского, токмо оного въ домѣ не получилъ. На перевозъ пошло 8 к., на проч. 8 к.

9. Просилъ графа Головкина въ своемъ дѣлѣ, который сказалъ просить совѣтниковъ, чтобъ зъ нимъ обще пріехали слушать моего дѣла. Рано былъ у насъ панъ Полуботокъ, по обѣдѣ господинъ Новоторжцовъ, денги кормовіи паничу привозилъ. Книгу Телемака прислалъ уставщикъ цесаревнинъ Іванъ Петровичъ.

10. Vacat. 11. Рано былъ у Петра Василіевича, который казалъ мнѣ у себе и обѣдать, где и по обѣдѣ даже до 7-го часу забавлялись картами и разными розговорами. На перевозъ и проч. пошло 8 к. Сегодня сказалъ мнѣ Федоръ Дмитріевичъ Максимовичъ въ коллегіи іностранной, что братъ его двоюродный Іванъ Петровъ сынъ Максимовичъ, который обрѣтался въ Москвѣ, преставился тамъ въ недавнихъ числахъ: и именно сего августа 1-го числа[149]).

12. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного, до пана Скоропадского и до канцеляриста пана Юркевича, а въ Стародубъ до пана тестя, до жены и до Стефана чрезъ райтара кіевского Александра Бершова. За чолки и носки полотняние 14 к.

13. Получены листы отъ ясневелможного 5 въ государственную коллегію іностранныхъ дѣлъ: 1) о невзиманіи лишнихъ рацій и порцій сверхъ опредѣленнаго, 2) о мекленбурцахъ[150]), 3) о селѣ-транныхъ и рудокопныхъ заводахъ, 4) о селѣ п. Холодовичу опредѣленномъ, 5) о видахъ Богу (?), да до мене писма отъ ясневелможного, отъ сотника воронежского п. Холодовича и отъ п. Юркевича.

14. Подалъ листы гетманскіе въ коллегію и вручилъ оннне Петру Василіевичу. За мите платя 10 к., еще пошло 2 к.

15. Рано были у графа Головкина, службы Божои слушали въ Тройци. По обѣдѣ были у Петра Василіевича, одтоль былъ я у Івана Александровича Дурова, сына полковника нашого, въ дворѣ его, и у пана Полуботка. Розышлось на перевозъ и проч. 15 к.

16. Рано былъ у Петра Василіевича Курбатова и просилъ о дѣлахъ, о которыхъ писано теперь недавно отъ ясневелможного, и о своемъ дѣлѣ. Получилъ писмо отъ сотника голтвянского пана Федора Остроградского[151]). Былъ у Павла Івановича Апостола ліокай дворцовый Артемъ Івановичъ надъ вечери.

---

[149]) Ив. Петр. Максимовичъ въ 1708 г. пошелъ за Мазепою (вмѣстѣ съ дядею Дмитріемъ) и по смерти Мазепы назначенъ былъ Орликомъ—генеральнымъ писаремъ; возвратился въ Малороссію въ 1715 году, поселенъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ.

[150]) О стоявшихъ въ Малороссіи полкахъ, называвшихся мекленбургскими.

[151]) Федоръ Матвѣевичъ Остроградскій былъ впослѣдствіи, съ 1752 г., полковникомъ миргородскимъ. Онъ былъ прадѣдомъ извѣстнаго математика Михаила Васильевича Остроградскаго.

17. Были у графа Гаврила Головкина и отдано письмо отъ всенесмножного благодарственное за прибавку паничевѣ жалованя. По обѣдѣ были у насъ господинъ Яворскій, камеръ-юнкеръ, князь Гагаринъ, камеръ-пажъ, и п. Пузыровскій, смолянинъ, а рало панъ Андрей Полуботокъ. Розыпалось на огурцы, хлѣбъ и прочт. 14 к.

18. Пану Армашенку даны 30 к. Пополудни были зъ учителемъ Балталаромъ Бемомъ у Федора Дмитр. Максимовича, семеновского полку сержанта, въ квартерѣ его, въ Малой Морской. На перевозъ пошло 5 к.

19. Рано былъ паничъ у Андрея Ив. Ушакова, поздравляючи его тезоименитствомъ. Ея императорское величество изволила быть у тогожъ господина Ушакова на обѣдѣ, где палено на пріездъ ея величества перве з 31, потомъ зъ 25, таже зъ 17. Послѣ мунтровалать рота семеньоского полку гренадерская, которая партіами палила зъ оружя и гранати бросала на воду болше годины дзигаровой, а между тѣмъ изъ пушокъ палено. Въ исходѣ-же 5-го часа по полудни изволила ея імператорское величество отехать зъ дому помянутого господина генерала Ушакова водою на лилобкѣ въ дворецъ свой лѣтный, а на отездѣ ея величества выпалено зъ 45 пушокъ и музика камерная играла. Хлопцу Андрійду іменинникуданы 25 к. Купленъ ключикъ до дзигарка, даны за оный 35 к., за фронціеръ 35 к., за карандашъ 15 к., на перевозъ 5 к. Графъ Головкинъ отехалъ зъ своей мызы, называемой Рошша.

20. Рано былъ паничъ у графа Остермана. Послѣ полдня прислана отъ отца М. книжка латинская моя, а къ нему я его книжку отпустилъ: Iosephi Binghami de antiquitatibus Ecclesiasticis.

21. Писалъ письмо въ отвѣтъ до сотника голтвянского пана Остроградского въ Москву и послано оное письмо къ подканцеляристу Уриилу. Данъ реестръ книгъ латинскихъ господину учителю Крафту, которіе надобно за моремъ покупить, а именно: 1., Cluverii introductio in universam geographiam—12, 2., Cellarii Geographia antiqua et nova—12, 3., Matthiae theatrum Histor.—4, 4. Cluverii epitome historiae totius mundi—4, 5., Puffendorphi introductio ad histor. Europ.—8, 6., Buddei Historia eccles. V. T.—4., 7., Veysmani Histor. eccles. N. T.—4, 8., Pistorii Florus Polonicus 12, 9., Iosephi Binghami Angli origines sive antiquitates eccles. 4, 10., Sulpitii Severi hist. sacra 8, 11., Nic. Bergius de statu eccles.

religionis Moschoviticae, 12., Ortodoxa confessio Catholicae atque Apostolicae Ecclesiae orientalis. Lipsiae. 1695. — 8, 13., Genius Stephani Iavorskii quondam Metropolitae Rezanensis et Muromiensis ex ejus opere posthumo Theosophico »Petra fidei« dicto in epistola familiari revelatus 1730—4, 14., Grammatica Latinogallica. 15., De logarythmis, tangentibus et secantibus. На перевозъ пошло 6 к.

22. Отослалъ писмо въ домъ графа Савы Владиславича для отсылки на почтѣ въ Ригу, до пана тестя писанное, которое намѣренъ былъ послать чрезъ маіора, зъ Риги пріездившого, господина Кезерлинга. На перевозъ 2 к.

23. Въ началѣ 9-го часа предъ полуднемъ изволила ея і. величество воспріять маршъ до каналу Ладожского сухимъ путемъ и при віездѣ ея величества изъ С.-Пітербурха випалено зъ крѣпости зъ пушекъ 101, а въ адмиралтействѣ зъ 80. Былъ въ коллегіи, а одтоль возвратившись, засталъ у себе Івана Ісаева Іскуса, пѣвчого государини імператрицы, да Іакова Воробевского, пасинка Словинского, стародубскихъ. Пошло на перевозъ, на хлѣбъ и на медъ 19 к.

24. Обѣдалъ я у Івана Іскуса, у которого и другій пѣвчій Іванъ Максимовъ зъ женою обѣдалъ-же. За карти даны 7 к., на перевозъ 4 к. Николаю козаку 29 к.

25. Въ коллегіи Петръ Василіевичъ имѣлъ разговоръ о ігумену пустинно-николскомъ кіевскомъ отцу Іосифу Волчанскомъ, которій назначенъ на епископію могилевскую. Розышлось на перевозъ и хлѣбъ французкій 11 к.

26. Vacat. Князь Шаховскій возвратился изъ Риги.

27. Полученъ пакетъ и листъ зъ Глухова о учиненномъ на писарей, асауловъ и протчіихъ служителей полковыхъ и сотенныхъ опредѣленіи. Ея і. величество изволила возвратиться изъ Ладожского каналу въ С.-Пітербурхъ и прибыла въ исходѣ пятого часа по полудни и ради прибытія ея і. величества зъ многихъ палено пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ. Паничъ рано былъ у государини цесаревны и отдалъ листъ ясневелможного о обидахъ подданныхъ панскихъ, отъ попурничанъ [152]) дѣючихся. Послѣ обѣда

[152]) Мѣстечко Поворница, кролевецкаго уѣзда, принадлежало въ личную собственность Елисаветѣ Петровнѣ, когда она была цесаревною. Рядомъ находились имѣнія гетмана Апостола—Шабалтасовка, Хлопяники и Лузики.

были въ квартерѣ нашей ея-жъ высочества пѣвчые и долго гуляли. Козаку Николаю Евдокименкову данъ еще 1 р. 50 к., а прежде подробицею видалось ему-жъ 2 р. 50 к., итого всего видано ему на его нужды ровно 4 р., а именно на дорогу ему сложенные 3 р. да отъ мене свой данъ 1 р. Алексію данъ 1 р. на его нужды. Розышлось на медъ, вино и проч. 1 р. 6 к.

28. За побѣляне ковша и кандѣйки мѣдныхъ дано 17 к., на перевозъ 4 к. Обѣдалъ у сержанта семеновского полку Федора Максимовича, и весь день на той сторонѣ пробавилъ, а рано подалъ пакетъ въ коллегію отъ ясневелможного вчора принесенный о служителяхъ. Видѣлъся зъ Гудовичемъ [153]) коло адмиралтейства.

29. Рано былъ у князя Шаховского, но за многолюдствомъ тамъ бывшимъ не получилъ времени ничего говорить. На перевозъ пошло 2 к.

30. Зрана были обще зъ паничемъ у князя Шаховского и поздравляли его возвращеніемъ и кавалерскимъ святого Александра Невского праздникомъ. Вручилъ я и писмо отъ Богаевского зъ Опошняго до его сіятелства писанное, на которое злецилъ мнѣ одписать. Потомъ былъ въ домѣ графа Савы Владиславича и вручилъ Алексію Николаевичу Требинскому, Славуя брату [154]), меморіалъ о нуждахъ моихъ для обявленія графу Савѣ Владиславичу. На перевозъ 4 к. Въ исходѣ 11 часа предъ полуднемъ палено зъ пушекъ въ крѣпости зъ 31, въ адмиралтействѣ зъ 30, ради поздрав-

---

[153]) Вѣроятно говорится объ Андреѣ Гудовичѣ, бывшемъ сотникѣ бакланскомъ, который потомъ сдѣлался почепскимъ »комендантомъ« Меншикова и однимъ изъ ревностнѣйшихъ его слугъ. Когда, по жалобамъ на Гудовича Апостолъ вызывалъ его въ Глуховъ, то онъ, отказываясь ѣхать, говорилъ: »лучше кланятся мнѣ въ самосъ, нежели въ *постолъ*«. Черниг. Листокъ 1863 г., № 8.

[154]) Три брата Славуй, Алексѣй и Максимъ вышли изъ Сербіи въ Малороссію при Петрѣ В. и получили здѣсь прозваніе Требинскихъ. О старшемъ изъ нихъ Славуѣ въ грамотѣ 1726 г. говорится, что онъ »былъ воеводою у венеціанъ у Кошелевомъ« и что »во время съ турки войны, служилъ онъ царскому величеству вѣрно въ Монтенегринахъ и Герцованіи съ потераніемъ воеводства, отчизны и имѣнія своего«. За эту службу Славуй сдѣланъ былъ ирклѣевскимъ сотникомъ. Около 1720 г. Славуй женился на вдовѣ лукомскаго сотника Василія Пиковца (Еленѣ Лизогубъ), и думалъ было, пользуясь малолѣтствомъ пасынковъ, завладѣть маетностями ихъ отца (Лащовка, Мозолѣевка и Матвѣевка), которыя и утверждены были за нимъ Скоропадскимъ. Но старшій пасынокъ Иванъ Нико-

ленія кавалеровъ ордена святого Александра Невского и въ сее-жъ время пожалованъ кавалерією ордина святого Александра Невского генералъ полицемейстеръ Василій Федоровичъ Солтиковъ. Обѣдали у панича Николай Ивановичъ Пузыревскій, смоленскій шляхтичъ, управитель волостей дворцовыхъ, смоленскихъ, да Михайло І. Новоторжцовъ, которій привезъ паничу за двѣ трети года на квартеру и дрова 200 р., а послѣ пришелъ и стрячій графа Г. І. Головкина Евѳимъ Васильевичъ. За направу чоботъ дано 8 к.

31. Писанные писма подъ датою сего августа 29 дня отправлены сего числа до ясневелможного, до п. Скоропадского и до п. Юркевича на почтѣ. Послѣ полдня три полки салдацкіе, на лугу, подлѣ дворца лѣтного, отправовали екзерцицію, при которой и ея імператорское величество изволила присутствовать, а оными полками комендировали генералъ-фелдъмаршалъ графъ фонъ-Миніхъ, генералъ-лейтенантъ и преображенского полку маіоръ лантъграфъ гессенъ-гамбургскій Людовикъ и генералъ-маіоръ и подполковникъ конной гвардіи князь Алексій І. Шаховскій. На перевозъ пошло 4 к. За вино 20 к. Сего-жъ числа былъ у Василія Федоровича Иворского, камеръ-юнкера, где имѣлъ честь видѣть и сожителницу его княжну Марію Семеновну. До дому пришедши, имѣлъ розговоръ съ п. Андреемъ Горленкомъ.

Септеврій.

1. Зрана и за полдень былъ день весма свѣтлый и погодный. Былъ сегодня у отца Іосифа Федоровича, священника на Василевскомъ острову Воскресенского. Потомъ у отца префекта моековского коллегіума, заиконоспасского, Іпокентія Нероновича, таже у

вецъ (впослѣдствіи писарь генеральнаго суда) успѣлъ въ 1731 г. выпросить у Апостола отнятія имѣнія обратно. По этому случаю Алексѣй Требинскій и отправлялся въ Спб. хлопотать о пожалованіи его съ братьями другими имѣніями, указывая на сс. Круподеринцы и Савинки. Коллегія иностранныхъ дѣлъ нашла, что «за прежнюю и нынѣшнюю службу Требинскихъ и для предбудущаго таковаго потребнаго случая и лучшаго утвержденія и ласканія всего тамошняго (сербскаго) благочестиваго народа, потребно ихъ, Требинскихъ, не въ скудости, но въ пристойномъ довольствѣ содержать», почему именнымъ указомъ и предписано было князю Шаховскому дать Требинскимъ въ лубенскомъ полку 70 дворовъ. Вслѣдствіе этого указа Требинскіе получили въ 1734 г. м. Оржицу и с. Плехов (лубенскаго уѣзда).

госп. Вишневского, полковника лантъ-милицкихъ полковъ, у котораго и обѣдалъ. На перевозъ и хлѣбъ французкій бѣлій пошло 11 к.

2. Рано былъ у князя Шаховского, потомъ въ коллегіи. Уже совсѣмъ окончена и другая вписка съ Корсаковымъ челобитьемъ сочиненная. Таже былъ у п. Полуботка, по которого требованію и копій двѣ съ листовъ гетманскихъ, въ коллегію і. дѣлъ присланныхъ, о требованіи лишнихъ порцій и рацій и о мекленбурцахъ послалъ къ нему-жъ чрезъ Бяловского. На перевозъ пошло 4 к. Графъ Головкинъ пріехалъ съ мизи (Ропша).

3. Обѣдали у панича гг. Курбатовъ совѣтникъ, переводчики Сенявинъ и Бялошицкій, да Новоторжцевъ и Леонтевъ канцеляристы, тако-жъ протоіерей петропавловскій Петръ Григорієвичъ и трактованы ради именинъ паничевыхъ, бывшихъ августа 30, а на водкѣ толко былъ оберсекретаръ Иванъ Юрьевичъ. Рано были у графа и въ его домовой церкви слушали службы Божой. Subebrii filiius cum hospitibus per totam diem potati.

4. Послѣ полдня былъ на Васильевскомъ острову у господина Бялошицкаго, а потомъ былъ у бандериста дворцового Ермолая Санкевича, у котораго и вечеряли съ паномъ Грифскимъ. На перевозъ пошло 16½ к.

5. Въ 9-мъ часу предъ полуднемъ сдили къ государини цесаревнѣ Елисавефъ Петровнѣ поздравлять ея высочество тезоименитствомъ и тотъ часъ были допущены къ ручкѣ ея высочества, а въ 11-мъ часу послѣ молебствія, въ Троицы архіереемъ вологодскимъ Аѳанасіемъ Кондоиди отправленного, палено съ крѣпости и въ адмиралтействѣ съ пушекъ, а именно съ 49 впалено. Подалъ письмо его превосходительству, господину генералу Андрею Ивановичу Ушакову отъ сотника голтвянского п. Федора Остроградского и объ отвѣтѣ сказанномъ къ томужъ сотнику писалъ, включивъ письмо до Уріила. Розышлось на разницы 4½ к.

6. За мите рубашокъ прачцѣ 10 к., на перевозъ 3 к. Пріехалъ Козма Якимовичъ Кричевецъ и Павелъ Войничъ, бурмистры кіевскіе, въ С. П. Бурхъ.

7. Видѣлься рано на Васильевскомъ острову съ оными прибывшими и письма чрезъ нихъ получилъ. На перевозъ пошло 2 к. Тіе жъ бурмистри и у насъ были. За книжку латинскую, называемую Hugo Grotius de veritate religionis Christianae, дано 64 к.

8. Весь день въ домѣ былъ +.

9. Былъ у меня рано Григорій Кременецкій и принесъ писмо отъ п. Михайла Забѣлы, судіи войск. енер., былъ же и п. Полуботокъ на водкѣ. За хлѣбъ французкій бѣлый 4 к. Сегожъ числа видѣлся зъ стряпчимъ графскимъ Ефимомъ Василіевымъ и розговоръ имѣлъ стороны порученого ему отъ Корсака челобитя о деревняхъ. Тутъ же въ домѣ графскомъ видѣлъ мене графъ Сава Владиславичъ +. Корабль с. Александръ на Неву канатами стягнули, который, когда спущано въ адмиралтействѣ сего септевр. 3-го числа, остановился на берегу и не пошелъ на воду. Послано писмо графское на почтѣ о поездѣ ясневелможного въ Сорочинци.

10. Слушалъ обѣдни на Василіевскомъ, гдѣ имѣлъ и первую проповѣдь отецъ Лука Конашевичъ; потомъ былъ въ квартерѣ бурмистровъ кіевскихъ Войнича и Кричевця и у нихъ обѣдалъ. Послѣ былъ въ домѣ преосвященного новгородского. Розышлось на перевози 9½ к.

11. Ночю разломалъ мостъ на Василіевскомъ острову корабль, недавно спущенный. Я рано былъ въ колегіи, потомъ до пѣвчихъ цесаревниныхъ зашедъ, тутъ и обѣдалъ. Розышлось на перевозъ 9 к., за хлѣбъ бѣлій французкій 4 к.

12. Обѣдали зъ нами бурмистры кіевскіе, по обѣдѣ былъ у преосвященного новгородского, подалъ чрезъ келейника Илю Борисова писма отъ ігумена глуховского, да отъ п. Лисаневича. Ночовалъ на Василевскомъ Острову у тихъ же бурмистровъ. Розышлось на перевозъ и проч. 23 к.

13. Рано подалъ Петру Васил. Курбатову письмо отъ себе стороны дѣлъ монхъ, въ вечеру емужъ поданы писма чрезъ Григорія Кременецкого гетманское и отъ п. Забѣлы судіи енер. и листъ гетманскій же въ колегію надлежащый, стороны (относителныо) того жъ пана судіи дѣла о Райгородку и Царовцѣ [156].

14. Кременецкій подалъ графу Головкину писмо гетманское о томъ же дѣлѣ.

[156] Село Райгородокъ и деревня Царевка, кролевецкаго уѣзда, принадлежали на войсковую артиллерію. Забѣла должно быть хлопоталъ получить ихъ на урядъ.

15. Сездились къ графу Головкину, для слушанія дѣлъ, тайныя канцеляріи совѣтники господа Степановъ и Курбатовъ, куда явились и п. п. Полуботокъ да Алексій, Славуевъ братъ, которымъ сказано, что дѣла ихъ слушаны. Зъ ночи до полдня была жестокая верховая погода, а по полднѣ обратилась изъ моря и превеликую воду погнала, такъ что пристани всѣ потопились, много отъ воды бревенъ рознесло и иныхъ шкодъ отъ оной же погоды здѣлалось не мало. На перевозъ Алексію 2 к., котораго посылалъ къ Якимовичу и къ Ілін Борисову на В. островъ. Наводненіе было великое и прибувала вода чрезъ 6 часовъ ровно, которой прибыло на полтретя аршина зъ вершкомъ: начала прибывать въ 1-мъ часу пополудни, а убывать въ 7-мъ, а погода и до ночи продолжалась такъ, что к переѣздить было весма невозможно, чего ради и ночовали у насъ п. п. Полуботокъ и Алексій, Славуя братъ.

16. Былъ у насъ Кузма Кричевецъ и обѣдалъ тутъ, которому обявлены всѣ мои дѣла, въ коллегіи іностранной имѣючіеся.

17. Графъ Мойсей Ивановичъ, графа Савы Владиславича племѣнникъ, прислалъ водки анкерокъ. Сегожъ числа Гротъ, лікарь, зъ Глухова прибывшій, былъ у насъ по обѣдѣ. Служителямъ, что принесли водку, даны 20 к.

18. Писаны писма до ясневелможного, до пана Скоропадского, до судіи енер. пана Забѣлы, до пана Юркевича, до сотника воронежского П. Холодовича, да подъ 13-мъ числомъ до жены и до Стефана, такожъ до Косача писаря судового и въ одинъ пакетъ включенные: подписаный на имя канцеляриста старшого войскового пана Юркевича, а въ небытность его, кто зъ канцелярыстъ при одправленіи дѣлъ оной енер. канцеляріи оставленъ, тотъ же пакетъ включенъ въ писмѣ до подканцеляриста Урила Ларіоновича въ Москву и одправленъ на почтѣ. Сего числа обѣдалъ у бурмистровъ, а почовалъ у пана Полуботка.

19. Розмѣнялъ 4 червонные у Новоторжцева, за которые взялъ 8 р. 80 к. Дано за каламарь и песочницю 25 к. На перевозъ розошлось 11 ½ к. Рано былъ у Петра Василіевича и слышалъ отъ него, что на дѣло мое есть резолюція: потомъ былъ у князя Шаховского, который команды своей, полку конной гвардіи, два шквадроны, презрядно въ новое плате убранной и на зрядныхъ нѣмецкихъ коняхъ вороныхъ, презентовалъ передъ ея і. величествомъ на лугу

подлѣ лѣтного дворця, въ часу 12-мъ предъ полуднемъ. Послѣ обѣда зъ паничемъ былъ разговоръ о томъ, что не учится и поступаетъ не по приличію своему зъ учителемъ и въ прочемъ. Інехову дано водки. Графу Мойсею Івановичу вчора благодарилъ въ коллегіи за обсилку водки. Помѣнялъся зъ Балтазаромъ Бемомъ учителемъ на пуздерка (фляшки для водки).

20. Получилъ писма зъ Глухова, изъ дому, въ пакетѣ до пана Горленка подписанномъ, который привезъ на нашу квартеру графъ Мойсей Івановичъ Владиславичъ. Подячому Михаилу Родостамову дано водки. Писалъ писма къ графу Гаврилу Владиславичу, да до пана тестя, до жены и до Стефана въ Перегонъ, и посланы тіе писма чрезъ куріера, зъ дому графа Савы Владиславича на почтѣ одправленого. На перевозъ пошло 4 к., на мило до платя 2 к.

21. Писмо до пана сотника голтвянского, подъ 19-мъ числомъ писанное о томъ, что говорилъ панъ Федоръ Максимовичъ и чтобъ отобралъ два дзикгарки у Анны Івановны, съ роспискою пана полковника миргородского [156]), заплатя 6 р. данныхъ за направу, послалъ на почтѣ въ писмѣ до Уріила Ларіонова въ Москву. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлось на перевозъ 11 к. Армашенку послана бутелка водки.

22. Козма Якимовичъ о моемъ дѣлѣ говорилъ мнѣ въ коллегіи; тутъ же видѣлъ князя Щербатого, который былъ посломъ къ султану турецкому.

23. Послѣ обѣда былъ у Петра Василіевича, который de legibus nostris discurrebat, quasi въ нихъ написано о видачи людей переходячихъ зъ мѣста на другое и о взиманіи хоча малого пожилого. Розышлось на перевозъ и проч. 3 к.

24. Послѣ обѣда былъ у насъ старый Гудовичъ [157]), потомъ Іскусъ и Плешкового зятя пасынокъ Іаковъ, служащій при архимандриту троецкомъ. Въ 10-мъ часу по полднѣ были разные знаки на небѣ, бѣліе и черные, и многообразно перемѣнялись въ великой

---

[156]) Анна Ивановна Апостолъ, сестра «панича» Апостола, о которомъ такъ часто упоминается въ дневникѣ Ханенка. — См. примѣч. 136. — Полковникъ миргородскій, Павелъ Даниловичъ Апостолъ, ея дядя.

[157]) См. примѣч. 153. — Старымъ онъ называется потому, что въ это время старшій его сынъ Василій былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. Этотъ Василій впослѣдствіи былъ генеральнымъ подскарбіемъ и тайнымъ совѣтникомъ († 1764).

скорости и перебѣгали отъ одной стороны на другую. На медъ пошло 8 к.

25. Рано былъ у князя Шаховского, который сказовалъ, что говорилъ о моемъ дѣлѣ Петру Василіевичу и еще говорить обѣщалъся. Обѣдалъ я у отца префекта Іннокентія Нероповича. За бумагу гербовую 6 к. На перевозъ пошло 7 к.

26. Послѣ обѣда былъ въ лазнѣ у Г. и тамъ почоналъ. На перевозъ пошлю 4 к. Обѣдалъ у насъ панъ Іванъ Ивановичъ Косаговъ, капитанъ семеновского полку гвардіи [168]).

27. Былъ рано въ коллегіи, а отоль чрезъ крѣпость пшолъ и бывъ въ церквѣ Петропавловской, видѣлъ тамъ косгяное бѣлое паникадило, которое сдѣлано отъ самого блаженныя памяти Петра I. імператора. На перевозъ пошло 7 к., за бѣлій хлѣбъ 3 к. Послѣ полдня въ 7-мъ часу званые отъ Николая Ивановича Пузпровского были первей у него на квартерѣ, а послѣ у нѣкоторого дворцового келлеймейстера Михайла Дмитріевича Колошина великого дворця и тамъ въ обоихъ мѣстахъ очинь много трактованы разными винами, и жестоко былъ пянъ, чего для и почовать принужденъ былъ у пѣвчихъ цесаревнинъихъ; тутъ же зъ нами былъ и нѣкоторый Іванъ Федоровичъ Маменсъ мунщенкъ.

28. Михайлу Михайлову Родостамову полячему кол. іност. за переписку трехъ листовъ далъ 25 к. За полтора ведра меду 38 к. На перевозъ 4 к. Послѣ обѣда былъ и вечеряль у насъ Іванъ Петровичъ уставщикъ, чрезъ котораго и книжку разговоровъ Паткуля зъ Герцомъ отослалъ.

29. Былъ въ коллегіи, где сказано, будто уже дѣло мое сдѣлано. На перевозъ пошло 9 к., за голову цукру 53 к., пѣвцю 2 к. Алексію за чолки вовняніе 11 к. Кирилу іменинникъ 30 к. Вчорашнего числа пополудни въ 11-мъ часу преставился священникъ церкви Воскресенія Христова, что на Василевскомъ острову, отецъ Іосифъ Федоровичъ.

---

[168]) Этотъ Косаговъ приходился племянникомъ женѣ гадяцкаго обознаго Максима Михайловича Бороховича, которая овдовѣвъ слѣдовавшую ея часть мужниного имѣнія, мѣстечка Лютеньки (гадяцкаго уѣзда), передала въ 1726 г. этому своему племяннику. Косаговъ владѣлъ Лютенькою и въ 1760 г., будучи тогда генералъ-лейтенантомъ.

30. Писалъ писма до жены и до служителя Степана и оные отправлены чрезъ Гудовича. Сегожъ числа писано писмо къ ясневелможному и въ ономъ включенъ пакетъ отъ капитана поручика гвардіи семеновского полку Івана Івановича Косогова. Къ тому жъ господину Косогову поехавши, званный ради тезоименитства сына его Григорія, обѣдали у него: где послѣ обѣда напавши на мене адютантъ семеновского полку Іванъ, съ братами своими, Андріевы дѣти Воейковы, побили мене жъ, кунтушъ сѣбѣрковый разодрали, и табакерка срѣбная пропала. Тамъ я будучи, подарилъ іменинника молитовникъ печерскій въ пергаминѣ бѣломъ подъ маршесами позолоченными. Розыплось на перевозъ 10 к.

Октоврый.

1. Рано принесенъ пакетъ зъ коллегіи, который туда пришолъ на почтѣ зъ Глухова, и въ ономъ пакетѣ было гетманскихъ листовъ 6, въ разныхъ дѣлахъ въ коллегію иностранную, и до мене были отъ гетмана изъ дому писма. Весь же день сей пролежалъ въ дому боленъ. На вино ренское 10 к.

2. Посѣщалъ мене Алексій Славусевъ братъ и вышеупомянутый до гетмана пакетъ подъ датою 30-го сентеврія одправленъ на почтѣ. За конфору 4 к. Алексію, посланному до Кричевця, на перевозъ 2 к. Зъ сочиненною челобитною ездилъ панъ Горленко до Петра Васильевича, просячи совѣту, тожмо оного въ домѣ не получилъ.

3. Отослалъ помянутые 6 листовъ гетманскихъ чрезъ Григорія Кременецкого до рукъ Козмы Іакимовича, чтобъ подалъ въ коллегіи иностранной. И сего числа оный же Горленко ездилъ зъ челобитною моею до Петра Васильевича, которую совѣтовалъ обявить князю Шаховскому. За переписане оной челобитной далъ 10 к. Государыня изволила переехать въ зимній дворецъ.

4. Рано панъ и панъ Горленко зъ челобитною моею ездили первей до князя Шаховского, который велѣлъ подать генералу Ушакову, а послѣ онижъ были и у Стефана Федоровича Апракеина, который просилъ зъ челобитемъ удержатися до утра. По обѣдѣ пріездили ко мнѣ адютантъ и подпоручикъ Іванъ и Василій Андріевы сини Воейковы просить прощенія, а потомъ былъ у менежъ и капитанъ поручикъ господинъ Косоговъ зъ женою о томъ же просячи. За мите платя портомои 10 к. Алексію на перевозъ 2 к.

5. Рано были собрались отъ нашей стороны ради примиренія Алексій Славуевъ братъ да бурмистры кіевскіе Кричевець и Войничъ, но толко одинъ приходинъ адютантъ Воейковъ, просячи прощенія, что сегодня зъ пріятелми не собрались ради куртака. За хлѣбъ бѣлій дано 4 к.

6. И сегодня были бурмистры для тогожъ миротворенія, толкожъ отъ изобидивней стороны никто не бывалъ. Дано Грифскому 5 к.

7. Отвезъ паничъ зъ паномъ Горленкомъ челобитную и подалъ генералу Ушакову, а скоро отголь пріехали, то господинъ Косоговъ прислалъ сержанта семеновского полку зъ проненіемъ, чтобъ челобитя не производили. Господинъ Новоторжковъ просилъ панича и пана Горленка на завтра къ себѣ на обѣдъ, ради крестинъ дочери его предь симъ бывшихъ. За бѣлій хлѣбъ дано 5 к. Послѣ полдня пріездили господинъ Косоговъ и Воейковы, такожъ панъ Полуботокъ, паки просячи о миротвореніе, которому назначили день прійдучій понедѣлковый, т. е. 9 числа сего мѣсяца. Подарилъ я паничу компасъ мосенжный (мѣдный).

8. Обѣдали паничъ и панъ Горленко у Новоторжкова и нещно уже оттоль прибыли.

9. Въ 5-мъ часу пополудни прибылъ господинъ Косоговъ зъ Воейковыми и Полуботкомъ и, по многихъ разговорахъ, помирилися я зъ ними на томъ уговорѣ, чтобъ табакерку и кунтушъ навородили, а въ прочемъ всемъ зъ ними простилъся, на которомъ примиреніи были Іванъ Ивановичъ Косоговъ, капитанъ поручникъ семеновского полку и панъ Полуботокъ, а зъ моей стороны Николай Ивановичъ Пузировскій, бурмистры два кіевскіе, да наши домовіе. Пило на вино и проч. 62 к. На мило до вимитя кунтуша 2 к.

10. Былъ панъ Горленко у Стефана Федоровича Ливаксина, капитана гвардіи семеновского полку, зъ обявленіемъ, что помирились.

11. Писаны писма въ Глуховъ къ яковемножному, до пана Скоропадского и до пана Юркевича, до пана Іакова Марковича да въ домъ до пана тестя, до жены, до старшого Галецкого подъ числомъ 4, до Стефана Максимовича, до писара судового Косача и до Стефана въ Переговъ, зъ цедулами до атамана город. погарского Белая и до Леонтія Галецкого, также писалъ до пана Скорупы

подъ числомъ 20 S—bris стороны пана Андрея Горленка. На нитки до литинного платя 2 к.

12. Оные писма одправлены на почтѣ. Сего числа въ лазнѣ мильѣя и кровъ банками пущалъ зашкурную. На перевозъ и проч. розышлюсь 24 к.

13. Посилалъ Каленика до господина Косогова, упоминаючись о награжденіе шкоды, Воейковыми учиненной, которій обнадежилъ, что то исполнено будетъ. Александръ Г. обѣдалъ у насъ. За бутылку вина дано 20 к. Василю, который кровь пущалъ, 25 к. На перевозъ и проч. 5 к.

14. Послѣ обѣда былъ у Петра Василіевича и подалъ писмо гетманское о резолюціи на дѣла, о которыхъ велѣлъ Петръ Василіевичъ подать себѣ меморіалъ. На перевозъ пошло 4 к. Бабѣ за мите кунтуша 4 к.

15. Подячіе і. коллегіи Інеховъ, Сисоевъ, Родостамовъ и Герасимовъ обѣдали у насъ и весь день пробавили. За французскій хлѣбъ бѣлый 5 к.

16. Былъ въ коллегіи, а послѣ въ академической камерѣ, где книги продаютъ. На перевозъ и проч. пошло 17 коп.

17. Въ коллегію подалъ меморіалъ о дѣлахъ, на которые надобна къ ясневелможному резолюція. Пошло на перевозъ 3 к. Послѣ обѣда былъ у мене Василій Андреевичъ Воейковъ, гвардіи семеновского полку подпоручникъ и привезъ срѣбную табакерку за мою, которая чрезъ нихъ въ домѣ господина Косогова пропала, а о сукнѣ братамъ имѣлъ говорить.

18. Писалъ писма въ Глуховъ до пана Забѣлы судіи енер., до пана Юркевича, да до жены въ Стародубъ и до писаря судового Косача зъ посилкою писемъ отъ Никиты Косача до матки и дяди его, а въ Москву до Урінла подканцеляриста, прося о пересилку оныхъ писемъ въ Глуховъ, да въ Москву жъ до сотника голтвянского пана Федора Остроградского и тудажъ послано писмо отъ преосвященнаго Інокентія Нероновича, епископа іркутского, до отца Феофилакта Журовского. За гаплики (крючки) до юпки 2 к.

19. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного и до пана Скоропадского и оные, такожъ вчора писанные, одправлены на почтѣ зъ коллегіи іностранной. За полтора ведра меду 37 ½ к. На тафту до плафончка литяного 28 к., за пуговки и на юпку 22 к.

20. Куплены 3 книги латинскія: Virgilii omnia opera 46 к., Ciceronis epistola de officiis 30 к., Vocabula latino-slavono-germanica 25 к. За мите платя прачцѣ 10 к.

21. Подана челобитная въ коллегіи іностранной о селѣ на рангъ судейскій, а доношеніе велѣлъ Петръ Василіевичъ подать графу о опредѣленіи на кормъ и квартеру. Писано писмо до пана Скоропадского чрезъ райтара кіевского Николая. На перевозъ 2 к.

22. Обѣдали у графа Савы Владиславича, где былъ и полковникъ Вишневскій. Потомъ были у господина камеръ-юнкера и шталъ-мейстера ея высочества, государыни цесаревны Елисаветъ Петровны, Александра Івановича Шувалова и забавились въ ночъ до часа осмого. На перевозъ и проч. пошло 8 ½ к.

23. Подалъ доношеніе его сіятелству графу Головкину о опредѣленіи мнѣ зъ 2-мя козаками на кормъ и квартеру жалованя; за переписку оного доношенія и протчего писцу дани 10 к., на перевозъ 2 к. Ночовалъ у бурмистровъ кіевскихъ на Василевскомъ острову и вигралъ въ карти 39 ½ к.

24. Рано былъ у Петра Василіевича и просилъ такъ сторони мелницъ на Ворѣ (рѣчкѣ) до Перегона подлежащыхъ, яко и о ранговомъ селѣ, такожъ и о доношеніи поданномъ графу обявлялъ. На перевозъ и проч. пошло 8 к. За хлѣбъ французкій 5 к.

25. Послѣ полдня былъ у князя Шаховского и подалъ писмо отъ ясневелможного стороны дѣлъ, въ коллегіи іностранной имѣючихъся. За лебру паперу 8 к., на перевозъ 8 к., за вино 15 к., на шовкъ до шлафрока дитячого 9 к. Въ ночѣ посланъ въ ссилку Петръ Мировичъ.[159]).

26. Весь день пробавилъ въ квартерѣ и никуда не ходилъ.

27. Былъ въ коллегіи и унѣверсалу на урядъ мнѣ данного, такожъ и унѣверсалу Семіона гетманича на Найпутовичи, данного судіи полковому Самойлу Іванову, справлены копіи къ дѣлу [160]). На перевозъ пошло 7 к.

---

[159]) См. примѣч. 142.

[160]) Ханенко, какъ видно, старался выхлопотать себѣ какую нибудь маетность »на рангъ« своего судейства и дознавъ, что одинъ изъ его предмѣстниковъ по судейству Самойло Ивановъ, владѣлъ селомъ Найпотовичами »на рангъ«, т. е. лишь на время занятія должности, сталъ хлопотать объ этомъ селѣ и, какъ видно, успѣлъ. См. 20 дек. 732 г.

28. За шите у шлафрочка Василкового петель даны 5 к., за футро до тогожъ шлафрочка 45 к., за хлѣбъ французкій бѣлый и ржаный 8 к. Послѣ полдня ходилъ до князя Шаховского, да не засталъ. На перевозъ 10 к. За стелки 2 к. Писалъ писмо въ Москву до сотника голтвянского, по словамъ пана Максимовича, сержанта.

29. Ради рожденія ея высочества государини цесаревны Екатерины Івановны палено зъ многихъ пушокъ въ 12-мъ часу и ея імператорское величество изволила обѣдать у ея жъ высочества государини царевны. У насъ обѣдали бурмистры кіевскіе и пробавили до позна. На вино пошло 20 к.

30. Вышовши зъ коллегіи іностранной, былъ у преосвященного іркутского и у полковника Вишневского. На перевозъ пошло 9 к. Писмо до сотника голтвянского въ писмѣ до подканцеляриста Уріила одправлено на почтѣ. Шевцю даны для подшитя сапоги и смужъ задатку дано 25 к., а отъ отдѣлки за сапоги всего уговорено 50 к.

31. За поланкерка меду 38 к. Подячому Іинхову даны чорные шолковые чолки; отдалъ должныхъ Кирилу 70 к., занявши у пана Андрея Горленка 2 р.

Ноеврій.

1. Обѣдалъ зъ другими гостми у Кузми Іакимовича Кричевця, бурмистра кіевского, ради тезоименитства его и у нихъ же ночовалъ, factus enchriatus.

2. Зъ Василевского острова мимоходомъ вступилъ къ вотчинной коллегіи секретарю Епифану Мартиновичу и у него зъ часъ и болшъ просидѣвъ, пришолъ до квартери прямо. На перевозъ пошло 7 к.

3. Никуда зъ квартери не ходилъ. Салдату, что принесъ писма изъ Москви отъ Уріила, даны 3 к.

4. Былъ въ коллегіи и выписку досмотрѣлъ о жалованѣ на кормъ и на квартеру. На мясо пошло 12 к., на перевозъ 4 к. Спрашовалъ Петръ Василіевичъ о сыну Стефана Корсуна, которій въ Гданску учится [162]).

5. Были рано у графа и тутъ обѣднѣ слушали. За хлѣбъ бѣлій французкій 4 к. Отослано писмо къ сержанту Максимовичу

[162]) Степанъ Корсунъ — сначала сотникъ сенецкій (мѣстечке Сенча, лохвицкаго уѣзда), а потомъ — лубенскій полковой хоружій (1720 г.) и есаулъ (1732 г.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ IX томѣ «Кіевской Старины» [1]).

А.

Абрамовичъ, Варшавскій оберъ-полиціймейстеръ временъ кн. Паскевича, 614.
Аджамка, р., 43.
Александра Павловна, в. кн., 533.
Александра Ѳедоровна, имп-ца, 621.
Александрія, г., 53.
Александровскъ, г. екат. губ., 52, 179, 181, 183, 189—190.
Александръ, в. кн. лит., 591, 696.
Александръ I Павловичъ, имп.; пребываніе его въ Кіевѣ въ 1816 г., 459—461; упом., 215, 450, 691.
Александръ II Николаевичъ, имп., 351.
Алексѣй Михайловичъ, царь и в. кн., 151.
Алешки, г., 40, 46—47, 197.
Альта, р., 566.
Анатолій, (Мартыновскій) архіеп. могилевскій; его посмертныя бумаги, 210—240.
Англія въ описаніи П. Д. Селецкаго, 261—262.
Андріевскій, А., сообщ. «письмо къ 3 діаволамъ», 340—342; разб. 6 выпуска издаваемыхъ имъ «историч. матеріаловъ», 523—524.
Андріевскій, М. А.; разборъ его книги: «козацкая дума о 3 азовскихъ братьяхъ», 130—138.
Анна Ярославна, дочь в. кн. Ярослава М., жена Генриха I, франц. короля; ея портретъ съ поясненіемъ, 555—560.
Антоновичъ, В. Б., проф. у-та св. Влад.; его рецензіи на книги: a) «Богданъ Хмельницкій», Н. Костомарова, 315—320, b) «Печенѣги, Торки» и пр., В. Голубовскаго, 505—508, c) «Исторію Руси», А. Барвѣньскаго, 708—710; упом., 525.
Антоній (Амфитеатровъ), архіеп. смол., 234.
Антоній (Зубко), архіеп. могилевскій, 518, 643.
Антоній, архіеп. подольскій, 464.
Аполлосъ, еп. харьковскій, 456.
Аракчеевъ, графъ А. А., 451, 466, 694—695.
Арсеній (Москвинъ), митр. кіев., 347—348.
Аршеневскій, И. И., сен., 448.
Атаки, г. бес. губ., 369, 382, 387.
Аталыкова, р., 393.
Аѳанасій (Корчановъ), еп. пензенскій, 447.

Б.

Бабина, р., 393.
Багалѣй, Д. И., доц. харьк. у-та, авт. разб. книги гг. Гурова и Бродскаго:

[1]) Цифры означаютъ стр. тома.

«Сборникъ судеб. рѣшеній» и пр., 702—708.
Бадовскій, старшій козацкій, (1572 г.) 602.
Базавлукъ, р., 45, 179, 392—395, 398, 400, 410.
Балабино - Петровское, с. ал - дров. у., 52.
Барабашъ, Демьянъ, атаманъ кош., 40.
Барвѣнскій, А.; разборъ его «Исторіи Руси», 708—710.
Барсанъ, козацкій предв. (1574 г.), 606, 608.
Баръ, г. 583.
Басанка, р., 393.
Бахмутъ, р., 42—44.
Безбородко, графъ, гос. канцлеръ, 327. — графъ И. Я., 437.
Бельгія 40-хъ гг. наст. ст. въ описаніи И. Д. Селецкаго, 263.
Берда, р., 41, 45, 399.
Бердянскъ, г., 42—43.
Береза, К.; сообщ. посмертныя бумаги архіеп. Анатолія (Мартыновскаго), 210—240.
Березняговатая, р., 399.
Березовка, р., 43, 392.
Беретти, строитель соб. св. Влад. въ Кіевѣ, 323—326, 344—353.
Бернгардтъ, архит., одинъ изъ строит. собора св. Влад., 350—351.
Бешка, р., 43.
Бибиковъ, Д. Г., кіев. ген.-губ., 353, 615—617.
Богодаръ, с. ал-дров. у., 52.
Божеряновъ, авт. статьи о В. А. Боровиковскомъ, 327—332, 538—541.
Боксетъ-де, полк., составитель ландкарты Запорожья, 42.
Бонякъ, половецкій ханъ, 14.
Боплапъ, франц. инж., авт. изв. «Описанія Украйны», 49—50, 179, 191, 417—418.
Боровиковскій, В. Л., рус художникъ XVIII ст.; замѣтка о немъ Божеряновa, 327—332, 538—541.
Брага, с. под. губ.; его описаніе и исторія, 384—387; упом. 319, 369—371, 373.
Браницкая, Ал-дра В., жена гр. Кс. Браницкого, 20, 717, 724.
Браницкій, графъ Ксаверій, 716, 719—720, 723—724.
Брассенъ, Луи, академикъ, 559.
Брацлавъ, г., 583.
Бристана, р., 393.
Бродскій, Е К; разборъ его книги: «Судебныя рѣшенія» и пр., 702—708.
Брунъ, соврем. историкъ, 57—58.
Брюловъ, изв. рус. художникъ, 621.
Бугъ-Западный, р., 564.
Бугъ-Южный, р., 37, 39—45, 50, 392, 395—397, 399, 400, 410, 579.
Бурганка, р., 392.
Быстрый-Перевалъ, р., 393.
Бѣлая, р., 392.
Бѣлая-Церковь, м.; разсказы о ней, 715—725; упом. 583, 598.
Бѣлицкій, Алексѣй, кошевой атаманъ, 416.
Бѣлобрежскій, Мартынъ, катол. еписк. каменецкій, 20.
Бѣлозерка, р., 392.
Бѣлозерскій, Н. М., авт. «добавокъ и поправокъ читателя Кіев. Старины», 146—151.
Бѣлоруссія, см. Литва.
Бѣльскій, пол. хроникеръ XVI ст., 582, 591, 592, 594—595, 604—607.

В.

Вагнеръ, Рихардъ, изв. комп.; отзывъ о немъ П. Д. Селецкаго, 78—79.
Валкевичъ, Зосима, архим. К.-печ. лавры, 542.
Вамбери, венгерскій ученый, 59—60.
Василько Романовичъ, кн., 18.
Васильковка, с. ал-дров. у., 52.
Великая, р., 393.
Величко, Самуилъ, малорос. лѣтописецъ, 306—308.
Вепржъ, р., 564.
Веревчина, р., 392.
Веселовскій, Н., акад., 60, 61.
Вилія, р., 576.
Вильна, г., 681, 695—696.
Вильшанка, р., 372.
Винница, г., 583.
Висла, р., 564.
Висунь, р., 40, 41, 44, 399.

Виталій (Гречулевичъ), еписк. могилевскій, 238.
Витовтъ, в. кн. литов., 10, 30, 583, 585.
Вишенскій, Іоаннъ, южно-рус. уч. XVII ст., 652.
Вишневецкій, кн. Д. И., 194, 593—594, 605, 607, 608.
Вишневецкій, кн. Іеремія, польскій магнатъ и полководецъ XVII ст., 147.
— , кн. М. И., староста черкас. и канев., 593, 601, 607—608.
Владиславъ IV, кор. пол., 374.
Воеводская см. Полковничья.
Воланъ-де, инженеръ, регулировалъ Днѣпров. пороги при Екатеринѣ II, 181.
Волнянка, р., 393.
Водчьи-Воды, р., 44, 45, 52, 132, 399.
Вороная, р., 393.
Воронково, м., 308—309, 311.
Воронцовъ, кн. Сем. Мих., 475.
Ворскла, р., 566.
Вуяхевичъ, Михаилъ, генер. судья, 311, 654.
Высь, р., 53.
Вятлинскій перевалъ, р., 392.

Г.

Гавриловцы, с. под. губ., 362—363.
Гайворонка, с. хотмыж. у., нынѣ Грайворонъ, г. курской губ., 544, 545.
Галаганъ, Петръ Григ., 622—623, 625.
Ганчулъ, р., 52, 399.
Гарбузянка, р., 41, 44.
Гарда, р., 45.
Гедеонъ Балабанъ, епископъ львовскій, 648.
Генрихъ I, кор. франц., супругъ княжны Анны Ярославны, 555—557.
Германія 40-хъ гг. наст. ст., въ описаніи П. Д. Селецкаго, 77—88, 239—242.
Геродотъ, изв. греч. ист., 45—49, 56—76, 177, 393, 400.
Герцикъ, И., полк. полтавскій, 342.
Гика, господарь молдавскій, 321.
Гиры, р., 392.
Глинка, М. Н., изв. комп.; отзывъ о немъ П. Д. Селецкаго, 625—626.
Говорскій, К., изд. журнала: «Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи», 213, 220.
Гоголь, Н. В., его рукописный журналъ «Метеоръ», 143—146.
Голицынъ, кн., об.-прок. св. синода, 448.
Голландія 40-хъ гг. наст. ст. въ описаніи П. Д. Селецкаго, 262—263.
Головченко, Іоакимъ, полк. переяслав., 311.
Голубовскій, П. В., его рецензія на книгу О. Партыцкаго: «Темния мѣстця въ Словѣ о Плъку Игоревѣ», 710—714.
Гонта, Ив., изв. коз. предв., 170—172.
Горголя, сенаторъ, 706.
Гордѣенко, Конст., кошевой атаманъ, 41, 343.
Горленко, В. П., авт. зам. о В. Л. Боровиковскомъ, 538, 541; упом. 327—328, 331—332.
Грайворонъ см. Гайворонка.
Григорій, митр. С.-Пет., 236, 238.
Григоровичъ, Вас. Ив., конференцъ-секретарь акад. художествъ, 330.
Громоклея, р., 41, 44, 45, 50, 52.
Грушевка, р., 392.
Грушевка, с. херсонск. у., 52.
Гудовичъ, Ив. Вас., фельдм., 465.
Гуровъ; разб. его книги «Сборникъ судеб. рѣшеній» и пр., 702—708.

Д.

Даниловскій, Григ. Петр., изв. пис., 327—328, 532.
Даніилъ (Мирдановъ), еп. могилев., 456.
Даніилъ Романовичъ, кор. Галицкій, 17—18, 579.
Дашкевичъ, запорож. атаманъ, 37.
Дашковичъ, Остафій, староста черкасскій, 592, 595, 596, 607.
Десна, р., 569, 577.
Димитрій (Муретовъ), архіеп. херсон., 238.
Димитрій (Сулима), архіеп. кишинев., 466.
Дмоховскій, Францъ, 691—692.
Днѣприще, р., 392
Днѣприще Чортомлыцкое, р., 392.

Дѣпръ, р.; острова, заставы на немъ, пороги и рукава, 37—54, 171—200, 392—422, 564, 569, 571, 572, 578, 601.
Дѣстръ, р., 45, 53, 368, 391, 570, 578.
Добрая, р., 399.
Должокъ, с. под. губ., 360—361.
Домонтово, м. золотонош. у., 308.
Домоткань, р., 392, 404.
Дондуковъ-Корсаковъ, кіев. ген.-губ., 351.
Донецъ Сѣв., р., 37, 42, 399.
Донъ, р., 39, 571.
Дорошенко, гетманъ, 376.
Дотцауэръ, изв. віолончелистъ 40-хъ гг. наст. ст., 78—79, 81.
Дрезденъ 40-хъ гг. наст. ст. въ описаніи П. Д. Селецкаго, 78—87.
Дримайловка, р., 392.
Дубляпскіе, двор. родъ, 342—344.
Дурпая, р., 392.

Е.

Екатерина II, имп-ца, 181, 186, 321—322, 327—329, 342, 471—472, 538, 716.
— Павловна, в. княжна, 456, 463.
Екатеринославъ, г., 52, 179—180, 183.
Еланецъ, р. 44.
Еланецъ Гнилой, р., 399.
Еланчикъ, р., 45.
Елизавета Петровна, имп-ца, 542.
Елисаветы св. крѣпость (Елисаветградъ), 43, 53.
Елпидифоръ, еписк. кам.-под., 238.
Есковичъ, Михаилъ, атаманъ козачій, 593, 594, 608.
Ефименко, П. С., авт. зам.: а) «Присяга духовенства», 151—153, и b) «Способы возвращать нѣмому языкъ», 353—354.

Ж.

Жабинцы, с. под. губ., 361.
Жванецъ, м. той-же губ.; его исторія и описаніе, 365—388; упом., 319, 359—360, 363.
Жванчикъ, р., 368—372, 378.
Жановъ, художникъ XVIII ст., 329.
Жеребецъ, р., 399.
Жеребило, старшина с. Гайворонки, (1709 г.), 544.
Житецкій, И., авт. ст. «Смѣна народ. въ южн. Руси», 561—579.
Жолкевскій, гетманъ, 385.
Жуковскій, В. А., изв. поэтъ, 621.

З.

Забѣлло, генер. судья, 739.
Завадовскій, графъ П. В., мин. нар. просв., 430, 692.
Замойскій, Янъ, коронный канцлеръ, 385.
Запорожье; топографическій его очеркъ Д. И. Эварницкаго, 33—54, 177—200, 392—422; происх. запорож. козачества, 590—608.
Збручъ, р., 382.
Золотая, р., 392.
Зотовъ, Никита, моск. дьякъ, путеш. по Украйнѣ, 50.
Зыгровичъ, Янъ, уч. XVI ст., 25—26.
Зелинскій, митр. римско-кат. церквей въ Россіи, 234.

И.

Ивановъ, П. В.; сообщ. драму XVII ст. «Судъ Божій надъ душою грѣшника», 289—305.
Иоиня, господ. молдав., 603, 604, 608.
Идеромля, р., 392.
Иконниковъ, В. С., проф. у-та св. Влад.; его рецензія на кн. Михалевича: «кам.-подольская гимназія», 323.
Иларіонъ, митр. кіевскій, 558.
Иловайскій, Д. И., изв. историкъ, 47, 58, 61.
Ингулъ Большой и Малый, рр., 40, 41, 43—45, 52—59, 392, 394—395, 399—410.
Иннокентій, архіеп. херсонскій, 321, 548—549.
Ипатій Поцѣй, еп. владиміро-волынскій, пропагаторъ уніи, 153.
Испланти, Конст., господарь молдав., 438, 458—459.
Ирина, кн., супруга в. кн. Ярослава Мудраго, 558.
Ириней, (Фальковскій) коадъюторъ кіев. митрополіи, 423, 432—433, 443, 449—450, 457, 465.

Исаковцы, с. под. губ., 372, 378.
Испанія 40-хъ гг. наст. ст. въ описаніи И. Д. Селецкаго, 485—504.
Италія 40-хъ гг. наст. ст. въ описаніи И. Д. Селецкаго, 249—255.

I.

Іероѳей, митр. кіев., 441.
Іоаннъ IV, царь и в. кн., 593—594.
Іосифъ II, имп. австрійскій, 322.
Іосифъ (Сямашко), митр. литовскій; «матеріалы для его біографіи», 332—340; рецензія на его «Записки», 511—523; упом. 552, 693.

K.

Кавказъ; малорус. колонисты на Кавказѣ, 467—484.
Кагарлыкъ, р., 43.
Казивитъ-Чейндорфъ, генералъ, 429.
Казиміръ Ягайловичъ, в. кн. лит., 10.
Канрь, a) Сухая-Широкая, b) Мечетная, c) Западная, d) Крутая, e) Турецкая, рр., 393.
Кайдаки Старые и Новые, с., 41.
Калиновскіе, двор. родъ, 372—373.
Калиновскій, Валентій, ген. подольскій, 373—374.
Калміусъ, р., 42—45, 132, 133, 399—400.
Кальчикъ, р., 45, 399.
Каменецъ-Подольскій, г., 17—19, 22, 359—361.
Каменка, р., 40, 44—45, 50, 146, 312, 399.
Каменка Мокрая, р., 393.
— Сухая, р., 393.
Каневъ, г., 583, 593, 597, 607.
Кантемиръ, мурза буджацкій, 31.
Капнистъ, полковникъ, сост. ландкарты Запорожья, 42.
Капуливка, с. екат. у., 52, 695.
Карачикракъ, р., 399.
Касмаха, р., 390.
Карачковцы, с., 11, 14—19.
Карлъ XII, кор. швед., 41, 543—544.
Карпенко, С. Д.; пис., 556—557.
Карташевскій, дир. деп. иностр. исповѣданій, (1827 г.) 514, 519.
Катериничъ, кіев. вице губ. наст. ст., 453.
Катериновка (Малая), с. ал-дров. у., 52.
Катрухинъ, А., авт. зам. «Изъ временъ нашествія шведовъ на Россію».
Качорскіе, двор. родъ, 30.
Каширскій, кн. Андрей, маршалокъ, 599.
Квитка-Основьяненко, Г. Ѳ., изв. пис.; статья о немъ Н. Ѳ. Сумцова, 201—209.
Кизикирмень, г., (нынѣ Бериславль) 40. 41, 44, 50, 179, 196, 199, 415.
Кильчень, р., 398.
Кинбурнъ, г., 181.
Кинертъ, уч., пст., 57—58.
Киркоръ, авт. III тома «Живописной Россіи»; разборъ этой книги, 681—701.
Кисель, Адамъ, воевода кіев., 737.
Китаевская близъ Кіева пустынь, 542.
Китицынъ, П.; сообщ. зам. «Малоизв. историч. родъ», 342—344.
Кіевскій соборъ св. Влад.; исторія его сооруженія, 323—326, 344—353.
— у-тъ св. Влад.; приглашеніе къ его открытію и правила его, 529—537; упом., 549—551.
Козацкая, р., 394.
Козловскій, скульпторъ XVIII ст., 539.
Коловоротъ, р., 392.
Колонтай, Гуго, 692, 693.
Колотовская, р., 393.
Кольбергъ, Оскаръ; разборъ II тома его «Покутья», 126—130.
Коловницынъ, графъ П. И., военный мин., 464.
Конка, р., 37, 40—46, 50, 52, 194, 197, 199, 393—394, 398—399.
Константинъ Багрянородный, имп. Виз., хроникеръ, 179, 183, 184, 193.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, 427, 694.
Корабельня, р., 45, 399.
Коріятовичи, князья подольскіе, племянники Ольгерда.
Косинскій, гетманъ, 316.
Костомаровъ, Н. И., изв. ист.; разборъ 4 изд. его «Богдана Хмельн», 315—320; упом., 131.
Котляревскій, И. П., малорос. пис., 342.
Кочъ-Мегметъ, турец. паша, постанов. межевую запись 1705 г., 40.
Кошевая, р., 197, 394.

Кременецкій, Гаврінлъ, митр. кіев., 542.
Кременчугъ, г., 179.
Кринитскій, Арсеній, протопопъ кіево-владимірскій, 444, 447.
Крутые Берега, с. полтав. у., 342.
Крыловъ, г., 53.
Крымка или Кринка, р., 132, 133.
Ксенофонтъ, архіеп. под., 465.
Кулишъ, П. А., пис., 143—144.
Куммеръ, віолончелистъ, 78—79, 81.
Куракинъ, кн. Б. Ѳ., 747.
— кн., рус. посланникъ въ Вѣнѣ (1813 г.), 455.
Кутузовъ-Голенищевъ-Смоленскій, кн. М. И., 432, 435, 455.
Кушумъ, р., 52.

Л.

Ладожскій каналъ; донесснія о работахъ на немъ козаковъ, 117—122.
Лазаревскій, А. М., ист., 149—150.
Лазня, р., 197.
Лампи, президентъ акад. художествъ, 329.
Ланской, кіев. гражд. губ., 444.
Лапинка, р., 392.
Ласси, фельдмаршалъ, 4.
Лашкевичи, двор. родъ, 541.
Лашкевичъ, А.; сообщ. зам. «Кіевскій пещерникъ XVIII ст.», 541—543.
Лебединецъ, Г. С.; сообщ. пѣсню о попадьѣ, 356—358.
Лебединцевъ, А. Г., одес. као. протоіерей, 321—322.
— И. Г., кіев. као. протоіерей; сообщ. зам. «Многолѣтіе въ Кіевѣ нач. XVIII ст.»; письмо къ нему протоіерея Мацкевича, 545—548, 332—340.
Леванда, проповѣдн., кіев. као. прот., 425, 429, 433, 442, 447.
Левицкій, портретистъ прошлаго в., 539—540.
— И. С., авт. повѣсти: «Старосвѣт. Батюшки и Матушки», 88—116, 267—285, 655—680.
— О. П., авт. статьи: «Основныя черты внутр. строя зап.-рус. церкви XVI и XVII ст.», 627—654; рецензія его на «Указатель» И. П. Новицкаго, 509—511.
Лелевель, извѣст. ист., проф. виленскаго у-та, 694.
Ленорманъ, соврем. француз. ист., 68—69.
Леонтьевъ, бригадиръ, завѣд. работами на Ладож. каналѣ, 119—121.
— Семенъ, сост. снимка запорож. земель, 43.
Линницкій, скрипачъ 40-хъ гг. наст. ст., 78—79, 81, 623.
Лисенко, Н. В., соврем. композ., 154.
Литва и Бѣлоруссія; разборъ монографіи о ней Кяркора, 681—701.
Лобановъ-Ростовскій, кн.—біографъ королевы Анны Ярославны, 560.
Логановскій, Іоакимъ, ректоръ к. дух. академіи (1805 г.), 428, 440.
Лозановскій, прот., наст. кіево-андреевской церкви (1805 г.), 428.
Лопатиха, р., 393.
Лопухинъ, Ив. Влад., сенаторъ, 430.
— Ив. Влад., мин. юстиціи нач. нын. ст., 437.
Луганъ, р., 44.
Лучицкій, Ик. В., проф. у-та св. Влад.; сообщ. 3 документа къ исторіи бунта 1687 г., 306—314.
Лысенко, Оедоръ, ген. есаулъ, 739.
Любомірскій, кн., гетманъ, 374.
Лянцкоронскіе, двор. родъ, 373—374.
— Предславъ, гетманъ запорожскій, 38—39, 591—592.
Лясота, Эрихъ, посолъ имп. Рудольфа II, 179, 191.

М.

Магницкій, 451.
Мазепа, Ив. Степ., гетманъ, 306, 309, 543—544, 720, 733—742, 747—748.
Макарій (Булгаковъ), митр. московскій, 236—237.
Маковскій, Е; сообщ. зам. «Загадочное преданіе», 170—172.
Максимовичъ, Іоаннъ, архіеп. черниг.; грамота къ нему имп. Петра I, 747—748.
Максимъ, митр. кіевскій (1299 г.), 577.
Мамай-Сурка, р., 54, 393.
Марія Ѳеодоровна, имп-ца, супруга имп. Павла, 448.
Маркевичъ, А., авт. зам. «Средство противъ конокрадства», 546—547 и «Загадочная пѣсня», 554.

Марковичъ, Андрей, генер. подскарбій, 739.
— Яковъ, авт. «Днев. записокъ», 146—147.
Мартусевичъ, Іаковъ, еписк. луцкій - нач. XIX ст., 518.
Мартыновъ, пейзажистъ конца XVIII ст., 539.
Масловъ-Кутъ, урочище на р. Курѣ; исторія его заселенія, 470—484.
Масси, кіев. комендантъ, 462.
Мацкевичъ, Ал-дръ, протоіерей; письмо его о м. Іосифѣ Сямашкѣ, 332—340.
Мезеро, франц. уч. XVII ст., 558, 560.
Мендельсонъ, композиторъ; отзывъ о немъ П. Д. Селецкаго, 77—78. 83.
Менестріэ, уч. іезуитъ XVII ст., 558.
Меншиковъ, кн. А. Д., фаворитъ Петра I, 117, 119, 122.
Мертвыя воды, р., 40—45, 200, 399.
Миллеръ, кіевскій вице-губ., (1804 г.), 425.
Милорадовичъ, графъ Г. А.; сообщ. «Приглашеніе къ открытію университета св. Владиміра», 529—537, и грамоту Петра В. объ имѣніяхъ Мазепы, 747—48.
— графъ М. А., воен. кіев. губ., впослѣдствіи СПБ. ген. губ., 443—444, 446, 449—453, 455, 457, 460.
Минихъ, фельдмаршалъ, 41—344.
Михалевичъ; рецензія на его соч. «Каменецъ-под. гимназія», 323.
Михаилъ, еп. минскій, 237.
— (Рагоза), митр. кіевскій, 648, 653.
— митр. спб., 461.
Мищенко, О. Г., авт. ст. о царскихъ скивахъ, 55—76.
Минскій, козачій атаманъ, 594.
Могила, Іеремія, господарь молдавскій, 385.
— двор. родъ, 30.
Мокрая Маковка, р., 41.
Монтесъ, Лола, изв. танцовщица, 614.
Московка, р., 45, 179, 181.
Московка Сухая, р., 393.
— Мокрая, р., 393.
Муравьевъ, графъ М. Н., вилен. ген.-губ., 213.
Мусинъ-Пушкинъ, графъ, президентъ академіи художествъ, 329.
Мышковскій, первый дир. кіев. гимназіи (1812 г.), 449.
Мюлленгоферъ, академикъ, соврем. герм. ученый, 57—58, 69.
Мюллеръ, Францъ, соврем. этнографъ, 59.

Н.

Назимовъ, кіевскій губернаторъ, 462.
Напосоковка Мокрая и Сухая, рр., 392.
Наревъ, р., 564.
Нейманъ, Карлъ, соврем. нѣм. ист., 58—60, 66.
— Ц. Г., авторъ слѣд. рецензій: а) на II томъ «Покутья», О. Кольберга, 126—130; б) на «Козацкую думу о 3 братьяхъ», М. А. Андріевскаго, 130—138 и в) «Историч. матеріалы», А. А. Андріевскаго, 523—524; его-же зам.: а) «Малорус. пѣсенникъ XVIII ст.», 153—158, б) Предисловіе къ драмѣ XVIII ст. «Судъ Божій надъ душою грѣшника», 288—292, и в) «Любопытная книжица XVIII ст.», 525—529.
Непажора, р., 392.
Николаевъ, архит., одинъ изъ строит. собора св. Влад. въ Кіевѣ, 351—352.
Николай I, имп., 458, 474, 514, 515, 520, 521, 619.
Никополь, м. екатер. у., 191, 199.
Новицкій, Н. П.; разборъ его «Указателя къ изд. кіев. археограф. коммиссіи», 509—511.
— Паркисъ Марк., житом. каѳедр. протоіерей, 548.
— Орестъ М., проф. у—та св. Влад.; некрологъ о немъ, 547—554.
— Ософилъ М., варш. каѳедр. протоіерей, 548.
Ново-Архангельскъ, г., 53.
Новомиргородъ, г., 53.
Новосильцевъ, сенаторъ, 693—695.
Нѣгинъ, с. под. губ.; его исторія и описаніе, 20—23.

О.

Овечья воды, р., 50.
Огинскій, графъ, 691.
Окопы св. Троицы, с. под. губ.; его исторія и описаніе, 382—384; упом., 369, 377.
Олешина, р., 392.
Ольгердъ, в. кн. лит., 10, 696—697, 715.
Омельникъ, р., 132.
Омельникъ Большой и Сухой, рр., 392.
Омельница, р., 393.
Опалинскій, польск. пис., 34.
Орель, р., 37, 39, 42, 45, 50, 392, 404, 566, 584.
Орловъ, И., авторъ зам. «Мелочи изъ нар. преданій», 355—356.
Освѣцимъ, авторъ изв. дневника, 316—318.
Осетровка, р. 392.
Османъ, султанъ турецкій; осада Паневецъ, 27.
Осокоровка, р., 392—393.
Острожскій, кн. Конст. Ив., 591, 592, 600, 601, 638, 644.
Очаковская зима 1788 г. по соврем. описанію, 731—732.

П.

Павелъ Петровичъ, имп., 330.
Павловка, с. липов. у., родина митр. Іосифа Сѣмашки, 516.
Павлюкъ, р., 196, 392.
Палій, Семенъ, изв. коз. предв., 716, 720.
Паневцы, с. под. губ.; его исторія и опис., 24—29; упом., 383.
Панкратьевъ, кіев. гражд. губ., 438, 440—442, 454, 458.
Парадэнъ, франц. уч. XVII ст., 558.
Партыцкій, О.; разборъ его книги: «Темни мѣстци въ Словѣ о плъку Игоревѣ», 710—714.
Паскевичъ, кн., намѣст. Царства Польскаго, 614.
Переставка, р., 392.
Петровъ, В. И., проф. кіев. дух. академіи, 147.
Петръ I Алексѣевичъ, имп., его грамота архіеп. черниг. Іоанну Максимовичу, 747—748; зам. о его портретѣ, 736—742; упом., 41, 151, 182, 309, 310, 342—343, 543, 545, 559, 621.
Петръ II Алексѣевичъ, имп., 734, 737, 740—742.
Пина, р., 563.
Платонъ, (Левшинъ), митроп. москов.; пребываніе его въ Кіевѣ въ 1804 г., 424—426.
Подзамчье, предмѣстье Каменца Под., 360.
Подолье (Путевые очерки), 1—32, 359—391.
Подпольная, р., 45, 392—394.
Покровское, с. екат. у., 52.
Покутье; разборъ соч. о немъ О. Кольберга, 126—130.
Полковничья, д. херсон. у., 52.
Полуботокъ, Павелъ, полк. черниг., 343, 733—742.
Пономаровъ, С. И.; его замѣтка о журналѣ Н. В. Гоголя, 143—146.
Потебня, А. А., академикъ, 134, 136.
Потемкинъ, кн. Григ. Ал—дровичъ, 321, 322, 343, 467, 468, 716, 732.
— Пав. Серг., ген.-поручикъ, 468, 470.
Потоцкій, графъ, маршалокъ кіевскій, (1812 г.), 449.
— Николай, генералъ подольскій (1589 г.), 25.
— Янъ, воев. брацлавскій, 25—26.
— Стан., (Реверча) его племянникъ, 27—28.
Претфицъ, Бернатъ, полк., староста, 592.
Припеть, р., 564.
Прогной, р., 394.
Пронскій, кн. Сем. Глѣб., воев. кіевскій, 715.
Протасовъ, графъ, обер-прок. св. синода, 237.
Протовчанка, р., 392, 398.
Пселъ, р., 566.
Пулавскій, Казиміръ, конфедератъ, 383.

Р.

Радзивиллъ, Николай, воев. виленскій, 640.
Раздоровка, с. херсон. у., 52, 196, 199.

Разумовскій, графъ Кир. Григ., гетманъ, 340—341, 622.
Ребелинка, р., 392.
Ревня, р., 753.
Резвой, Д. М.; сообщ. портретъ кн. Анны Ярославны (портретъ при томѣ).
Репнинъ, кн. Вас. Ник., 618.
— кн. Ник. Григ., малорос. ген.-губ., 618—619.
Ржевусскій, графъ, кіевскій дворян. маршалъ (1808 г.), 437, 449—450, 460.
Рогачикъ, р., 393.
Родіонъ Несторовичъ, вельможа кіевскій XIV ст., 577.
Розенъ, баронъ, либреттистъ «Жизни за царя», 625.
Ролле, І. І., истор. польск. пис., 379.
Рось, р., 718—719.
Румянцевъ, графъ П. А., 148, 321, 353—354
— графъ Н. П., гос. канцлеръ, 457.
— графъ С. П., 463.
Русинова балка, р., 393.
Рыбальскій, Ю. И., кіевскій войтъ (1809 г.), 440, 455.
Рѣчище, р., 392.
Рясня, р., 733.

С.

Савченко, И., авт. разсказа «Дѣдушкинъ вексель», 158—168.
Сагайдачный-Конашевичъ, Петръ, гетманъ, 194, 373, 386.
Саксагань, р., 45, 399, 410.
Самара, р., 37, 41, 43—45, 49—54, 132—134, 138, 179, 181, 393, 397, 399—401, 404.
Самойловичъ, гетманъ, 306.
Самоткань, р., 49, 392.
Сапожниковъ, Д. И., авт. ст. «Загадочные портреты», 732—742.
Свирчовскій, предв. шляхет. вольницы (1574 г.), 606, 608.
Свѣчинъ, ген.-маіоръ, 425.
Святая, р., 393.
Селецкій, П. Д.; его записки, 77—87, 239—266, 485—504, 609—626.
Сельчинъ, р., 392.
Семь (Сеймъ), р., 577.
Семеновъ, П. П., през. имп. геогр. общ., 699.
Серапіонъ (Александровскій), митр. кіев.; хроника кіевской жизни по его дневнику, 423—466.
Сигизмундъ I, кор. польскій, 10, 11, 37, 38, 629, 636—638.
— II, кор. польскій, 38, 383, 593, 594, 597—603, 607, 638, 640, 649.
Синюха, р., 39, 42, 43, 45, 53, 395, 399, 410, 584.
Скарбная, р., 392, 393.
Скопцы, с., 308, 309, 311, 313.
Скоропадскій, Ив., гетманъ, 310, 343. 736—742.
Случъ, р., 45.
Смотрицкій, Мелетій, архіеп. полоцк. XVII ст., 653.
Смотричъ, р., 8—30, 361.
— м.; его исторія и опис., 10—13.
Снигиревичъ, прот. кіево-соф. собора, 427, 447, 466.
Снова, р., 732—733.
Снядецкій, польск. писатель, 693.
Сокилъ-гора, (Соколья), ея описаніе, 13, 19.
Солона, р., 44, 398.
Софья Алексѣевна, царевна, 309, 310.
Спарро, кіев. архитекторъ, 346—347.
Сперанскій, графъ М. М., 451, 466.
Станиславъ (Попяговскій), кор. польскій, 716.
Старжинскіе, двор. родъ, 28—29.
Старуха, р., 393.
Стефанъ Баторій, кор. польскій, 20, 39—40, 690.
— , еп. житомирскій, 456.
Страбонъ, древ. географъ, 57, 61—70.
Строгановъ, графъ А. Г., 619.
Стройковскій, ректоръ виленск. академіи (1808 г.), 691, 692.
Суворовъ, А. В., свѣтл. кн. Италійскій, 719, 721—722.
Сугаклея-Каменоватая, р., 43.
Сула, р., 566, 577.
Сулима, Иванъ, воронковскій сотникъ, 308—314.
Сумцовъ, Н. Ѳ., доц. харьк. у-та, авт. ст. «Слоб.-украин. дворянство въ произв. Квитки», 201—209.
Сура, р., 392.

Сура Мокрая, р., 410.
Сытыя-Буды, с., 732—733.
Сѣрко, Ив. Дм., кошевой атаманъ, 196.

Т.

Танскій, полк. кіевскій, 342.
Тэрасовка, р., 392.
Тармань, р., 392.
Тарновскій, Григ. Ст., помѣщикъ полт. губ., 623—626.
— , Янъ, гетманъ, 596, 597.
Татарка, р., 393.
Ташлыкъ Черный, р., 40, 41, 44, 399.
Тереневка Большая и Сухая, рр., 392.
Терехтеміровъ, 39, 40.
Терновскій, Ф. А., проф. у-та св. Влад.; его ст. «Хроника кіев. общ. жизни», 423—466; разб. «Слав. Ежегодника», 123—126; некрологъ о Ф. А. Терновскомъ, 358.
Терса, Верхняя, Сред. и Нижняя, р., 399.
Томаковка, р., 392.
Томара, Стефанъ, полк. переяславскій, 308—310, 314.
Торецъ, р., 399.
Тормасовъ, кіев. ген.-губ., 427, 429, 455.
Тотлебенъ, графъ Э. И., вилен. ген.-губ., 344, 345.
Тоттъ, баронъ, авт. записокъ объ Украйнѣ, 47.
Трощинскій, Д. П., мин. юстиціи, 444, 622.
Трубежъ, р., 566, 733.
Турчаниновa, А. А., 451, 452, 458.
Туръ, р., 43.
Тягинка, р., 392.
Тялкинъ, Вас., путешеств. по Украйнѣ, 50.
Тясьминъ, р., 42, 45, 53, 584, 599.

У.

Угрюмовъ, художникъ XVIII ст., 329.
Устье, с. под. губ., 24, 29—32.
Украинцевъ, Ем., рус. посолъ (1705 г.), 40.

Фалѣевъ, инженеръ, регулировавшій днѣпров. пороги при Екатеринѣ II, 181—182.
Филаретъ (Амфитеатровъ), митр. кіевскій, 213, 324, 346.
Франція 40 хъ гг. въ описаніи П. Д. Селецкаго, 263—266.
Фундуклей, И. И., кіев. губ., 322.

Х.

Хвольсонъ, проф. пет. у-та, 60—62.
Херсонъ, г., 179, 181.
Хмелецкій, Стефанъ, сенаторъ и воевода, 31.
Хмельникъ, г., 583, 596, 597.
Хмельницкій, Богданъ, гетманъ, 27, 40, 195, 306, 315—320, 374, 376, 716.
Хованскій, кн., бѣлорус. губ., 695.
Хортица, Верхняя, Средняя и Нижняя, рр., 392.
Хотинъ, г., 360, 362, 369, 376—377, 385—391.
Хресна, р., 392.

Ц.

Царева, р., 393.
Царицынъ-Кутъ, с. ал-дров. у., 52.
Цыбульникъ, р., 392.

Ч.

Чайка, р., 41.
Чаплыва, р., 393.
Чарнышъ, И., полков. гадяцкій, 342—343.
Чарторыйскій, кн. Адамъ, 221, 691—694.
Чацкій, Ѳаддей, его сотрудникъ, 691—692.
Червонная, р., 392.
Черкасы, г., 40, 583, 589, 593, 598, 607.
Чернышевка, с., 52, 194.
Чернявскій, проф. вилен. у-та, 518.
— , Вас., пис. XVIII ст., 50, 51,
Чернякъ, полковникъ, 117—122.
Черче, м. под. губ., 20.
Чигиринъ, г., 39, 40.
Чижевскій, Сигизмундъ, еписк. камен., 380.
Чичиклея, р., 395—396.
Чобручи, с., 320.
Чортомлыкъ, р., 45, 52, 195, 392.

Ш.

Шагинъ Гирей, послѣд. крым. ханъ, 321.

Шарай, р., 392.
Швейцарія 40 хъ гг. въ описаніи П. Д. Селецкаго, 255—261.
Шебалина, р., 392.
Шевченко, Т. Г. въ воспом. П. Д. Селецкаго, 620—622.
Шишковъ, А. С., мин. нар. просв., 514, 695.
Штромъ, архитекторъ, 346.
Шубертъ, композиторъ, 78 79.

Э.

Эварницкій, Д. И., доц. харьк. у-та; его статья: «Топографич. очеркъ Запорожья», 33—54, 177—200, 392—422.

Я.

Яблоновскій, кн. Стан., гетманъ коронный, 382—383.
Ягайло, в. кн. лит., 63, 372, 682.
Язловецкій, Юрій, гетманъ коронный, 602.
Янчикракъ, р., 399.
Янчулъ, р., 399.
Янъ-Казиміръ, кор. польскій, 374—376, 382, 690.
Янъ Собѣскій, кор. польскій, 147.
Яромірка, р., 10.
Ярославъ Мудрый, в. кн. кіевскій, 555—559, 684.
Ястребовъ, В.; сообщ. зам.: «Очаковская зима 1788 г. по соврем. описанію», 731—732.

ОВЪЯВЛЕНІЕ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ КІЕВА

продаются слѣдующіе учебники

ДЛЯ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ:

Иллюстрированная Хрестоматія, составленная *изъ сочиненій лучшихъ писателей, съ 25 портрет.,* 3-е изданіе Павленкова, сост. А. Тарнавскій, ц. 1 руб. Допущена къ употребленію въ городскихъ училищахъ юго-западнаго края.

Практическая грамматика. Небольшія статьи.—Примѣры.—Правила.—Объясненія ихъ.—Образцы систематической диктовки. 3-е изданіе Южно-русскаго книжнаго магазина, составилъ Ал. Тарнавскій, ц. 50 к.

— 1-е изд. допущено въ библіотеки, городск. и сельск. учил. юго-западнаго края, новороссійскаго и привислянскаго.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА IX. 1883 г.

Май, 1884 г.

		стр.
I.	ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. **К. .М**	1
II.	ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. **Д. Эварницкаго.**	33
III.	КЪ ВОПРОСУ О ЦАРСКИХЪ СКИѲАХЪ. **Ѳ. Мищенка**	55
IV.	ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. *(Продолженіе).*	77
V.	СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Продолженіе).* **И. Левицкаго.**	88
VI.	ОБЪЯСНЕНІЕ ПОЛКОВНИКА И. ЧЕРНЯКА О РАБОТАХЪ КОЗАКОВЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ	117
VII.	БИБЛІОГРАФІЯ: а) Славянскій Ежегодникъ. Изданіе кіевскаго славянскаго общества. Выпускъ шестой. Сост. подъ редакціею Т. Д. Флоринскаго, доцента имп. университета св. Владиміра. Кіевъ. 1884 г.—*Т. Ф.*—б) Кольбергъ, Оскаръ. Покутье. Этнографическій этюдъ. Т. II. Краковъ. 1884 г.—*Ц. Неймана.*—б) Андріевскій, М. А. Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ съ объясненіями и картой. Одесса. 1884 г.—*Его-же.*—в) Библіографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго.—*П. Ефименка*	123
VIII.	ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣжинскій журналъ Н. В. Гоголя.—*С. Пономарева*—б) Добавки и поправки постояннаго читателя »Кіевской Старины«.—*Н. Бѣлозерскаго.*—в) Присяга духовенства.—*Н. Ефименка.*—г) Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка.—*Ц. Неймана.*—д) Дѣдушкинъ вексель (Изъ дѣтскихъ воспоминаній).—Крестьянскій	

стр.

нина *Ивана Савченка.*—в) Ребяческая забава въ серьезную минуту.—*В. О.*—ж) Загадочное преданіе.—*Е. Маковскаго*—з) Изъ народныхъ устъ (Одна пѣсня и два разсказа).—Сообщ. *Д. Т.* 143

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*) 33—48

Іюнь, 1884 г.

I. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. (*Продолженіе*). **Д. Эварницкаго** 177

II. СЛОБОДСКО-УКРАИНСКОЕ ДВОРЯНСТВО ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ Г. Ѳ. КВИТКИ. **Н. Ѳ. Сумцова**. 201

III. ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ БУМАГЪ МОГИЛЕВСКАГО АРХІЕПИСКОПА АНАТОЛІЯ МАРТЫНОВСКАГО. Сообщ. **К. Береза** 210

IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая). 1821—1846 г. (*Продолженіе*) 241

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст. (*Продолженіе*). **И. Левицкаго** 267

VI. СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ДУШОЙ ГРѢШНИКА. (Южно-русская драма конца XVII ст.) съ предисловіемъ **Ц. Г. Неймана**. 286

VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ БУНТА ВЪ МАЛОРОССІИ ВЪ 1687 ГОДУ. Съ предисловіемъ **И. Лучицкаго**. 306

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Николай Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. 1884. Томъ 1—3.—*В. Л.*—б) Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. XIII. Съ VI литограф. листами. Одесса, 1883 г.—*И. Л.*—в) Каменецъ-Подольская гимназія—*В. И.*—г) О строющемся соборѣ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ. А. Беретти. Кіевъ. 1884 г.—*А. К.* 315

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ біографіи художника В. Л. Боровиковскаго.—*И. Н. Божерянова.*—б) О митрополитѣ Іосифѣ Симашкѣ. (Изъ письма, писаннаго вскорѣ послѣ его смерти).—Протоіерея *Александра Мацкевича.*—в) Письмо къ тремъ діаволамъ.—Сообщ. *А. Андріевскимъ*—г) Малоизвѣстный историческій родъ.—*П. Китицына.*—д) Судьба одного кіевскаго сооруженія. — *А. К.* — Старинные способы возвратить языкъ нѣмому и разсѣять ложные слухи.—Сообщ. *П. Е—ко.*—е) Нѣкоторыя мелочи изъ народныхъ преданій.—

стр.

И. Орлова.—ж) Еще пѣсня о попадьѣ, не взлюбившей бороды. Сообщ. *Г. С. Лебединецъ.*—Некрологъ 327

X. ДНЕВНИКЪ ПИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго.* (Приложеніе) . . . . . 49—46

Іюль, 1884 г.

I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. *(Продолженіе).* **К. М** 359

II. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. *(Окончаніе).* **Д. И. Эварницкаго** 392

III. ХРОНИКА КІЕВСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПО ДНЕВНИКУ МИТРОПОЛИТА СЕРАПІОНА. (1804—18024 г) 423

IV. ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЛОНИСТОВЪ НА СѢВЕРНОМЪ КАВКАЗѢ. **И. С—р—а** 467

V. ЗАПИСКИ ПЕТРА ДИМИТРІЕВИЧА СЕЛЕЦКАГО. Часть первая 1821—1856 годъ. *(Продолженіе)* 485

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Голубовскій.—Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ.—Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884 г.—*В. А.*—б) Указатель къ изданіямъ Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Т. II. Имена географическія. Кіевъ, 1883 г. И. П. Новицкій.—*О. Л.*—в) Записки Іосифа, митрополита литовскаго, изданныя императорскою академіею наукъ, по завѣщанію автора. Т. I, II и III. Спб. 1883 г. — *А. К.* — г) Андріевскій, Ал. — Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 6-й. Кіевъ. 1884 года.—*Ц. Н.* 505

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Любопытная книжица конца XVIII ст. *Ц. Г. Неймана.*—б) Приглашеніе къ открытію университета св. Владиміра и правила поступленія въ оный.—Графа *Милорадовича.*—в) Еще о Боровиковскомъ.—*В. Горленка.*—г) Кіевскій пещерникъ XVIII ст.—Сообщ. *Ал. Лашкевичъ.*—д) Изъ временъ нашествія шведовъ на Россію.—*А. Катружина.*—е) Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII в.—Сообщ. *П. Л—въ.*—ж) Историческое средство противъ конокрадства.—Сообщ. *А. Маркевичъ.*—з) Орестъ Марковичъ Новицкій. (Некрологъ).—и) Загадочная пѣсня.—Сообщ. *А. Маркевичъ.*—і) Къ потрету Анны Ярославны 525

VIII. ПРИЛОЖЕНІЕ.—Портретъ Анны Ярославны.

стр.

Августъ, 1884 г.

I СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). *(Продолженіе)*. **Ир. Житецкаго**. 561

II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА. 580

III. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая) 1821—1846 г. *(Продолженіе)*. 609

IV. ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЯГО СТРОЯ ЗАПАДНО РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI И XVII ВВ. **О. И. Левицкаго**. 627

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. *(Продолженіе)*. . 655

VI. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Живописная Россія. Т. III. Спб. 1883. (Литва и Бѣлоруссія—соч. Киркора).—б) Сборникъ судебныхъ рѣшеній и проч., относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей слободской Украйны. Сост. В. В. Гуровъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г., XVII, IV. 705.—*Д. Багалѣя.*—в) Александръ Барвѣнскій.—Исторія Руси. Часть V. Львовъ. 1884.—*В. А.*—г) Темный мѣстця въ »Словѣ о Полку Игоревѣ«. Пояснивъ Ом. Партыцкій. Часть перша. У Львовѣ. 1883 г.—*П. Голубовскаго*. 681

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Разсказы старыхъ людей о старыхъ временахъ.—Сообщ. *П. Л—въ*.—б) Движеніе народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ—*К. Ц.*—в) Очаковская зима по современному описанію.—Сообщ. *В. Ястребовъ*.—г) Загадочные портреты.—*Д. Сапожникова*.—д) Панская блажь, хлопская напасть, а чиновничья пожива.—*К. Ц.*—е) Грамота Петра I черниговскому архіепископу Іоанну Максимовичу (объ измѣнѣ Мазепы и избраніи новаго гетмана).—Сообщ. графъ *Милорадовичъ* 715

VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго*. (Приложеніе) . . . . 65—80

IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно сверять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдѣльныхъ книжекъ въ замѣнъ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затерялись какія либо книжки »Кіевской Старины« предъидущихъ или нынѣшняго года, могутъ въ замѣнъ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). **1884 г.**

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**